Глаголев

Взгляд Васмана
на происхождение
человека

ВЗГЛЯДЪ

Васманна на происхожденіе человѣка.

Судьба многихъ научныхъ теорій является блестящимъ подтвержденіемъ ученія Гегеля о діалектическомъ процессѣ. Когда я впервые читалъ книги объ электричествѣ (въ семинаріи, гдѣ я обучался, электричества не проходили), я встрѣчалъ вездѣ ясно выраженное положеніе, что электрическая энергія находится въ проводникахъ. Когда потомъ я слушалъ курсъ физики въ московскомъ университетѣ, проф. Столѣтовъ, руководясь главнымъ образомъ Жуберомъ, развивалъ передъ слушателями теорію, что электрическая энергія находится *внѣ* проводниковъ и что мы называемъ проводниками то, что на самомъ дѣлѣ абсолютно непроницаемо для электричества. Въ книгахъ объ электричествѣ, выходящихъ теперь, обыкновенно утверждается, что электричество находится вездѣ, сама матерія имѣетъ электрическую природу и среда представляетъ собою электрическое поле. На этомъ примѣрѣ мы можемъ видѣть, какъ идея приблизительно въ теченіи четверти вѣка прошла три фазы діалектическаго процесса. Сначала—тезисъ, утвержденіе: электричество находится въ проводникахъ, затѣмъ—антитезисъ, отрицаніе: электричества нѣтъ въ проводникахъ. Наконецъ—синтезисъ, такъ сказать, соглашеніе: электричество находится отчасти въ проводникахъ, отчасти внѣ ихъ. Можно привести много примѣровъ, иллюстрирующихъ теорію Гегеля. Но въ этомъ для насъ нѣтъ нужды. Поучительнѣе для насъ сопоставить взгляды Гегеля съ сужденіемъ Агассица объ отношеніи научныхъ теорій къ религіи и морали. По Агассицу, исторія этихъ отношеній обыкновенно тоже проходитъ

три фазы. Когда является новое ученіе, о немъ по Агассицу говорятъ: „это противно религіи и нравственности“. Такова первая фаза. Во вторую фазу ничего не говорятъ. Въ третьей фазѣ, когда случится, что эту научную теорію станутъ развивать передъ представителями религіи и морали, послѣдніе заявляютъ: „это давно всѣмъ извѣстно“. Такъ Агассицъ, какъ и Гегель, въ концѣ концовъ приходитъ къ синтезису.

Назадъ тому болѣе двадцати лѣтъ русскій дарвинистъ Тимирязевъ въ своей публичной лекціи „опровергнутъ ли дарвинизмъ?“ высказалъ предположеніе, что конфликтъ между богословіемъ и дарвинизмомъ уладится, какъ уладились конфликты богословія съ астрономіей и геологіей. Я лично никогда не допускалъ и не допускаю мысли, чтобы Дарвина можно было согласить съ Евангеліемъ. Но я долженъ сознаться, что въ нѣкоторомъ смыслѣ пророчество московскаго ботаника стало осуществляться. И у насъ на Руси имѣются люди, которые пытаются соглашать свои дарвинистическія убѣжденія съ православной вѣрой. И въ католическомъ мірѣ явились ученые, готовые допустить въ нѣкоторой мѣрѣ происхожденіе человѣка отъ животныхъ типовъ. Что касается до русскихъ опытовъ соглашенія, то для нихъ самое лучшее, если ихъ не будутъ разсматривать. Этого нельзя сказать о католическихъ опытахъ. Тамъ вопросъ о признаніи эволюціонной теоріи выдвигался постепенно и коллективно. Его обсуждали люди компетентные и въ богословіи и въ зоологіи. Тамъ старались не упустить изъ виду ни естественнонаучныхъ, ни богословскихъ трудностей проблемы. Капитальною работою посвященною вопросу является въ настоящее время книга іезуитскаго патера Васманна—Die moderne Biologie und die Entwickelungstheorie (Dritte Auflage, Herder, 1906). Васманнъ—зоологъ по спеціальности, онъ извѣстенъ своими работами по энтомологіи (напримѣръ, о Dinarda, о психическихъ способностяхъ муравьевъ). Идеи Васманна нашли себѣ сочувствіе у французскихъ католиковъ и Revue pratique d'apologétique посвятило нѣсколько статей обсужденію ихъ съ богословской точки зрѣнія. По-видимому онѣ произвели впечатлѣніе и на нѣкоторыхъ людей свободомыслящихъ. Такъ Морицъ Гёрнесъ въ своемъ обширномъ двухтомномъ трудѣ „Natur-und Urgeschichte des Menschen (Wien und Leipzig. 1909)“ при обсужденіи вопроса о

происхожденіи человѣка пытается привлечь на сторону теоріи эволюціи блаженнаго Августина, очевидно пользуясь книгою Васманна. Но за всѣмъ тѣмъ, допуская возможность уступокъ съ своей стороны для теоріи эволюціи, Васманнъ не добился того, чтобы противники христіанства во имя теоріи эволюціи съ ихъ стороны допустили возможность уступокъ христіанству. Въ 1907 г. Васманнъ велъ объ этомъ публичные дебаты въ Берлинѣ, которые потомъ и опубликовалъ въ своей книжкѣ „Der Kampf um das Entwickelungsproblem in Berlin (Freiburg im Breisgau, 1907)". Его рѣчи, въ которыхъ было много основательнаго и которыя были ясны и просты, оказались безусловно недоступными пониманію послѣдователей Дарвина и Геккеля. Какъ будто вмѣстѣ съ дарвинистическими и геккелевскими теоріями имъ сообщился какой то умственный дальтонизмъ, дѣлающій ихъ не воспріимчивыми ко многому въ умственной и ко всему въ религіозной сферѣ. Думается, что этотъ дальтонизмъ можетъ исчезнуть у нѣкоторыхъ (у многихъ онъ будетъ существовать всегда) лишь тогда, когда дарвинизмъ и геккелизмъ сдѣлаются достояніемъ исторіи. Васманнъ какъ будто готовъ смотрѣть иначе.

Изложимъ и потомъ попытаемся оцѣнить его воззрѣнія.

1.

Постановка вопроса о происхожденіи человѣка, по Васманну.

Теорія происхожденія животныхъ и растительныхъ видовъ путемъ эволюціи естественно вызываетъ вопросъ: можетъ ли происхожденіе человѣка быть изъято изъ общаго закона? и очень многіе ученые отвѣчаютъ, что такое изъятіе не можетъ быть допущено, что животное происхожденіе человѣка очевидно. Это утвержденіе, говоритъ Васманнъ, покоится на двухъ молчаливыхъ предположеніяхъ, 1) что зоологія есть единственная наука, рѣшающая вопросъ о происхожденіи человѣка и 2) что животное происхожденіе человѣка фактически уже доказано зоологіей. Оба эти предположенія нужно изслѣдовать.

Рѣшить вопросъ о происхожденіи человѣка значитъ рѣ-

шить вопросъ не только о происхожденіи его тѣла, но и вопросъ о происхожденіи его души. Кромѣ зоологіи слѣдовательно къ обсужденію вопроса должна быть привлечена психологія. Сравненіе нашей духовной жизни съ проявленіями душевной жизни животныхъ показываетъ между ними безконечное различіе. У животныхъ нѣтъ способности абстракцій и поэтому нѣтъ и свободы воли, у нихъ нѣтъ разумнаго способа выраженія ощущеній и чувствъ въ формѣ языка, вмѣстѣ съ отсутствіемъ разума у нихъ исчезаетъ возможность науки, религіи, морали. Одинъ только человѣкъ владѣетъ чувственно-разумною душою, которая существенно отлична отъ просто чувственной души животныхъ.

Сторонники зоологической точки зрѣнія чрезвычайно просто и смѣло рѣшаютъ вопросъ о происхожденіи душевныхъ свойствъ человѣка. То особенное, что заключается въ человѣческомъ духѣ, по ихъ теоріи въ зачаточномъ состояніи имѣется у животныхъ и развилось изъ этихъ психическихъ зародышей животныхъ. По поводу этого взгляда Васманнъ приводитъ разсужденіе Карла Эрнеста Бэра. „Пусть кто-нибудь слышитъ играющій рогъ, можетъ быть припоминаетъ мелодію, но естественно онъ не можетъ допустить, чтобы рогъ игралъ самъ собою. Тогда ему говоритъ червь, находившійся внутри рога, когда послѣдній началъ играть. „Мелодія? Глупый инструментъ! Я сильно почувствовалъ ужасный порывъ вѣтра, выбросившій меня изъ рога.“ Но паукъ, который сидѣлъ на рогу, заявляетъ: „никакой мелодіи, никакого бурнаго вѣтра, въ рогу возникли колебанія то быстрѣе, то медленѣе, которыя я явственно чувствовалъ“. Оба—и червь и паукъ—правы съ своей точки зрѣнія, но оба они совершенно не владѣли чувствомъ мелодіи. Представимъ себѣ теперь далѣе, что какой-нибудь путешественникъ во внутренности Африки потерялъ нотную тетрадь. Бушменъ находитъ ее и усматриваетъ въ ней просто связку сухихъ листьевъ. Обращавшійся съ европейцами готтентотъ признаетъ въ ней бумагу, европейскій колонистъ—записную книжку. Музыкально образованный человѣкъ находитъ въ ней увертюру Моцарта къ „Волшебной флейтѣ“ или симфонію Бетховена“. „Такъ, говоритъ Бэръ, происходитъ съ изслѣдованіемъ духовнаго“. „Кто не имѣетъ склонности и способности къ изслѣдованію духовнаго, тотъ пусть его и не-

изслѣдуетъ; только пусть онъ и не берется судить о немъ а довольствуется знаніемъ своего „я“. Да, натуралистъ имѣетъ право остановиться передъ границами духовнаго, потому что здѣсь прекращается вѣрный путь его изслѣдованій, и его надежные руководители—масштабъ, вѣсы и внѣшнія чувства—оставляютъ его. Но онъ не имѣетъ права сказать: такъ какъ я здѣсь ничего не вижу и ничего не могу измѣрить, то здѣсь ничего и не можетъ быть, или: только тѣлесное, измѣримое имѣетъ дѣйствительное существованіе, такъ называемыя духовныя явленія возникаютъ изъ тѣлесныхъ, являются ихъ свойствомъ или аттрибутомъ. Въ послѣднемъ случаѣ онъ судилъ бы какъ готтентотъ, который хорошо видѣлъ линіи и точки, но не видѣлъ никакой музыки, или какъ ученый паукъ, который вычислялъ вибраціи рога, но не слыхалъ никакой мелодіи“.

Такъ какъ, говоритъ Васманнъ, душа человѣческая разумна и поэтому отличается отъ души животныхъ не по степени, а по существу, то она могла явиться только вслѣдствіе творческаго акта, а не путемъ развитія, вотъ почему такой выдающійся представитель дарвинизма, какъ Альфр. Россель Уоллесъ, высказался противъ возможности духовнаго развитія человѣка изъ животнаго царства. Но душа и тѣло человѣка представляютъ одно существо, вслѣдствіе этого весь человѣкъ занимаетъ исключительное мѣсто въ природѣ. Отсюда съ философской точки зрѣнія нельзя ничего возразить противъ предположенія, что происхожденіе человѣка обязано творческому акту.

Человѣкъ становится человѣкомъ по причинѣ своей разумной души, и поэтому созданіе перваго человѣка произошло, когда была создана его разумная душа и соединена съ „тѣломъ изъ земли“. Мы можемъ спокойно допустить, что Богъ при этомъ актѣ соединенія пользовался матеріей естественными причинами подготовленной къ такому акту. Повидимому это допускалъ Августинъ. Мы представляемъ нашимъ атеистическимъ противникамъ рисовать себѣ Бога, какъ горшечника въ человѣческомъ образѣ вылѣпляющаго тѣло Адама изъ глины и потомъ вдыхающаго душу въ его лицо. Этотъ антропоморфный способъ представленія уже Августинъ обозначилъ, какъ nimium puerilis cogitatio (слишкомъ дѣтскій способъ пониманія).

Мы хорошо знаемъ, что способъ выраженія священнаго Писанія нужно разсматривать какъ образный, но мы не знаемъ, какими свойствами обладала та матерія, которую Богъ употребилъ въ творческомъ актѣ для соединенія съ первою человѣческою душою. Въ понятіе творенія нѣтъ необходимости заключать мысль, что весь человѣкъ былъ непосредственно созданъ Богомъ. Тѣло и душа могли быть созданы различнымъ образомъ, первое—посредственно, вторая—непосредственно. Относительно творенія человѣческаго тѣла достаточно допустить, что его атомы первоначально созданы Богомъ и что законы, по которымъ изъ этихъ атомовъ образовалось человѣческое тѣло, первоначально были заложены въ матерію всемогуществомъ Творца. Поэтому мы и теперь можемъ сказать съ полнымъ правомъ о каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ, что онъ есть всецѣло созданіе Божіе, какъ по душѣ, такъ и по тѣлу, хотя непосредственно создана только душа, а тѣло образовалось естественнымъ образомъ изъ зародышевыхъ родительскихъ клѣточекъ.

Относительно созданія человѣка Васманну представляются двѣ возможности: или Богъ прямо создалъ всего человѣка въ совершенномъ состояніи, или *Богъ при возведеніи къ бытію перваго человѣка, какъ и при образованіи прочихъ естественныхъ существъ, пользовался естественными факторами, насколько они могли содѣйствовать происхожденію перваго человѣка*. Въ послѣднемъ смыслѣ Васманнъ, опираясь на авторитетъ и руководство Кнабенбауера (S. J.), толкуетъ воззрѣнія блаженнаго Августина. Вопросъ о сотвореніи человѣка Августинъ обсуждаетъ въ трактатѣ De Genesi ad literam. L. 1 (Migne, Patrol. lat. XXXIV).

Божественная дѣятельность при образованіи человѣческаго тѣла отличается ли отъ той, которою были образованы тѣла животныхъ? Книга Бытія повидимому утверждаетъ это различіе, представляя, что животныя явились по божественному приказанію, по Его слову, между тѣмъ какъ человѣкъ былъ прямо образованъ Имъ. Но говоритъ Августинъ, здѣсь нѣтъ дѣйствительнаго различія. Богъ сотворилъ человѣка, какъ и міръ, своимъ словомъ, которымъ сотворено все (Іоан. 1, 3). Но какъ Его слово, Его мудрость и Его могущество на самомъ дѣлѣ одно и то же, такъ и Его рука не есть видимый членъ, но обозначаетъ собою способность творить.

Человѣкъ отличается отъ животныхъ не тѣмъ, что его тѣло создано особеннымъ образомъ, а тѣмъ, что онъ созданъ по образу Божію.

И кромѣ того нѣкоторыя мѣста священнаго текста повидимому уничтожаютъ то различіе, которое подсказывается первою главою книги Бытія. О животныхъ, отмѣчаетъ Августинъ, точно также говорится, что они образованы изъ земли. „Господь Богъ образовалъ изъ земли всѣхъ животныхъ полевыхъ и всѣхъ птицъ небесныхъ, и привелъ (ихъ) къ человѣку, чтобы видѣть, какъ онъ назоветъ ихъ“ (Быт. 2, 19 Васманнъ пользуется здѣсь не вульгатою, а текстомъ LXX).

Наконецъ, повидимому изъ трактата Августина можно извлечь болѣе опредѣленный аргументъ въ пользу распространенія теоріи эволюціи на человѣческое тѣло. Правда, мысль Августина здѣсь довольно темна и не допускаетъ безспорнаго толкованія. По воззрѣніямъ его міръ былъ сотворенъ мгновенно, но не такъ, чтобы всѣ роды бытія—органическаго и неорганическаго—съ перваго мгновенія явились въ состояніи того совершенства, къ которому были предназначены, не такъ въ частности, чтобы человѣкъ жилъ съ перваго момента возникновенія міра. Нѣтъ; утверждая мгновенное созданіе міра, Августинъ хочетъ сказать, что матерія съ перваго мгновенія была надѣлена такою силою, что различные типы существъ и человѣческое тѣло безъ новаго вмѣшательства творца сами должны были образоваться изъ нея во время отъ начала предопредѣленное Богомъ. Это—знаменитая теоріи сѣменныхъ причинъ. Созданіе разумной души стоитъ внѣ процесса, производимаго этими причинами.

Какъ католикъ, Васманнъ хочетъ найдти опору для распространенія теоріи эволюціи на происхожденіе человѣческаго тѣла въ величайшемъ католическомъ авторитетѣ—Ѳомѣ аквинскомъ (Summa theolog. 1, q. 118, a. 2 ad 2; contra gentes 1. 2, c. 89; De potent q. 3, a. 9). Ѳома развивалъ теорію о трехъ типахъ души. Есть душа растительная, есть душа чувственно-растительная и наконецъ, есть душа разумная. Человѣкъ въ его эмбріональномъ состояніи сначала владѣетъ лишь душою растительною, т. е. душою не имѣющею ощущеній, только обусловливающей органическую жизнь. Во второй стадіи развитія у человѣка является животная душа и наконецъ въ третьей стадіи онъ пріобрѣтаетъ душу

разумную. У Ѳомы аквинскаго эта рѣчь о трехъ душахъ имѣетъ въ виду каждаго человѣка. Васманнъ находитъ возможнымъ приложить эту теорію къ исторіи человѣчества. Сначала былъ нѣкоторый родъ организмовъ, жившій только растительною жизнью, потомъ изъ нихъ вышелъ родъ, обладавшій животною душою; далѣе, этотъ родъ развился въ такую форму, въ какую Богъ вложилъ разумную душу. Человѣкъ сталъ человѣкомъ по этому предположенію только въ моментъ созданія разумной души. Но и въ предшествующихъ стадіяхъ онъ никогда не былъ просто растеніемъ или просто животнымъ, но уже былъ человѣкомъ въ процессѣ становленія, потому что какъ въ индивидуальномъ развитіи конечная форма представляется какъ forma specifica, опредѣляющая собою сущность всего процесса развитія, такъ это должно быть и въ гипотетическомъ развитіи рода. Все развитіе человѣка происходило бы тогда въ одномъ и томъ же родѣ „человѣкъ“, хотя естественно-научная систематика и классифицировала бы предшественниковъ человѣка, какъ особые виды, роды и т. д. При такомъ способѣ происхожденія человѣческаго тѣла достоинство человѣка сохранилось бы не менѣе, чѣмъ при допущеніи прямого образованія его изъ неорганической матеріи. Иначе было бы несогласно съ достоинствомъ человѣка то, что его тѣло и теперь образуется черезъ развитіе сѣмени изъ оплодотворенной яйцеклѣтки. Но всѣмъ этимъ соображеніямъ Васманнъ придаетъ лишь чисто спекулятивное значеніе, потому что между теоретическою возможностью и фактическою дѣйствительностью подобнаго способа происхожденія остается цѣлая бездна.

Васманнъ резюмируетъ все предшествующее разсужденіе такимъ образомъ.

Зоологія съ правомъ можетъ разсматривать человѣка по его тѣлесной сторонѣ, какъ высшаго представителя класса млекопитающихъ. То же самое имѣетъ значеніе относительно развитія человѣка изъ сѣмени, совершающагося аналогично съ развитіемъ другихъ млекопитающихъ. Точно также въ развитіи чувственныхъ способностей душевной жизни человѣкъ является высшимъ представителемъ рода млекопитающихъ, потому что его мозгъ организованъ совершеннѣе и развитъ выше, чѣмъ мозгъ остальныхъ представителей

класса. До этого пункта зоологія и примыкающая къ ней сравнительная физіологія нервной системы вполнѣ компетентны. Философія можетъ прибавить, что разсматриваемое само въ себѣ происхожденіе человѣческаго тѣла согласно теоріи развитія нельзя считать невозможнымъ. Но зоологія съ ея вспомогательными науками совершенно некомпетентна въ вопросѣ, какую природу и какое происхожденіе имѣетъ разумная человѣческая душа, потому что этотъ вопросъ лежитъ внѣ рамокъ зоологическаго изслѣдованія. Изъ этого слѣдуетъ, что зоологія некомпетентна въ вопросѣ о происхожденіи всего человѣка, какъ такового. Ея компетентность ограничивается соматическою стороною вопроса и здѣсь она не можетъ дать рѣшительнаго сужденія, потому что душа и тѣло въ человѣкѣ соединены въ одну субстанцію. Вопросъ о происхожденіи человѣка оказывается смѣшаннымъ. При отвѣтѣ на него первое мѣсто принадлежитъ психологіи, такъ какъ она занимается высшею стороною человѣка, между тѣмъ какъ зоологіи и ея вспомогательнымъ наукамъ принадлежитъ лишь второй голосъ, такъ какъ ея приговоръ можетъ касаться только низшей стороны человѣка. Психологія говоритъ намъ: высшая сторона человѣка не можетъ имѣть животнаго происхожденія. Тогда для зоологіи и ея побочныхъ вѣтвей остается дать отвѣтъ на вопросъ: можно ли, не смотря на это, допустить животное происхожденіе для низшей стороны человѣческаго существа?

2.

Критика Васманномъ естественно-научныхъ основаній эволюціоннаго происхожденія человѣка.

Васманнъ обсуждаетъ зоологическую сторону вопроса о происхожденіи человѣка. Спрашивается, какъ обстоитъ дѣло съ фактическими доказательствами тѣлеснаго происхожденія человѣка отъ животныхъ предковъ? И Васманнъ отвѣчаетъ: очень плохо, крайне неудовлетворительно.

Дарвинисты разсуждаютъ иначе. Видерегеймъ въ 1887 г. выпустилъ книгу Der Bau des Menschen als Zeugniss für seine Vergagenheit (строеніе человѣка, какъ свидѣтельство о его прошломъ) и въ 1902 г. вышло ея третье изданіе. Если по-

вѣрить Видерегейму, то человѣкъ настоящаго только мозаическій образъ составленный изъ животноподобныхъ частей и рудиментарныхъ органовъ, которые онъ наслѣдовалъ отъ своихъ высокоблагородныхъ предковъ. Въ человѣческомъ тѣлѣ не оказывается органа, который по Видерегейму не свидѣтельствовалъ бы о животномъ происхожденіи человѣка. До мельчайшихъ штриховъ онъ описываетъ нечеловѣческаго предшественника человѣка. Онъ знаетъ, каковъ былъ у того волосяный покровъ, какова была его кожная мускулатура, какъ велики были его двигающіяся ушныя раковины; онъ знаетъ, что наши глаза смотрѣли тогда не впередъ, но помѣщались по бокамъ головы и что для восполненія этого ихъ недостатка существовалъ еще третій глазъ на верхней части головы, который мы теперь называемъ шишковидной железой. Видерегеймъ нашелъ и вымѣрилъ, что кишечный каналъ у дочеловѣческихъ предковъ былъ гораздо длиннѣе, чѣмъ въ настоящее время, и былъ приспособленъ исключительно къ перевариванію растительной пищи. Слѣдя за судьбами своего протеже, Видерегеймъ представляетъ, какъ изъ травояднаго онъ превратился въ всеяднаго и большое число его рѣзцовъ стало коренными зубами, онъ сталъ плотояднымъ и его кишечный каналъ укоротился соотвѣтствующимъ образомъ. Прежде чѣмъ рука человѣка научилась размахивать каменнымъ топоромъ, его оружіемъ было умѣнье кусаться, причемъ его чудовищные клыки являлись естественными кинжалами. Вмѣстѣ съ этимъ у предшественника человѣка развились громадные гортанные мѣшки, которые сообщили его голосу страшную мощность и силу и сдѣлали его средствомъ возбуждающимъ ужасъ во врагахъ. Такъ подробно—черта за чертою—описываетъ Видерегеймъ своихъ или его предковъ. Гаманнъ и Ранке („Человѣкъ“, имѣется въ русскомъ переводѣ) показали полную фантастичность этого описанія.

Фрицъ Мюллеръ установилъ и Эрнестъ Геккель потомъ развилъ основной біогенетическій законъ, согласно которому индивидуумъ въ своемъ эмбріональномъ развитіи проходитъ въ быстромъ послѣдовательномъ рядѣ всѣ тѣ ступени, которыя его предки прошли въ своей родовой исторіи. Онтогенія отражаетъ въ себѣ филогенію. Индивидуальное развитіе отражаетъ въ себѣ исторію рода. Руководясь этимъ прин-

ципомъ, Геккель написалъ антропогенію. Одноклѣточная стадія человѣческаго яйца есть повтореніе жизни одноклѣточныхъ монеръ и амебъ (монеры представляютъ собою лишь кусокъ протоплазмы, у амебы въ протоплазмѣ имѣется ядро), дальнѣйшія стадіи отражаютъ въ себѣ жизнь зинамебіевъ (нѣсколькоклѣточныхъ организмовъ), планеадъ (мерцающихъ существъ снабженныхъ ртомъ), гастрей, представлявшихъ собою кишечный каналъ съ двумя отверстіями—для пріема пищи и ея удаленія. Далѣе человѣческій зародышъ воспроизводитъ собою архемнитеса—первочервя (организмъ съ первыми слѣдами нервной системы), потомъ онъ воспроизводитъ типъ мягкихъ червей (съ кровью и внутренними полостями), послѣ этого онъ воспроизводитъ типъ своихъ предковъ хордоній (организмовъ снабженныхъ спинною мозговою струной). Хордоніями оканчивается рядъ безпозвоночныхъ предковъ человѣка. Эмбріологія показываетъ, что далѣе предками человѣка были безчерепныя, представителями которыхъ въ настоящее время является ланцетикъ (amphioxus lanceolatus), непарноносыя (изъ нынѣ живущихъ организмовъ къ нимъ наиболѣе близки круглоротыя рыбы), зелахіи (сходны съ теперешними косоротыми), дипневты (плавательный пузырь у нихъ сталъ преобразовываться въ легкія), зоцобранхіи (имѣвшія легкія и жабры), зоцуры (сначала имѣвшія жабры, но потомъ ихъ терявшія, какъ теперешнія лягушки), протамніи-первоамніоты (представлявшіе собою промежуточное звено между саламандрами и ящерицами). Послѣ этого, поучаетъ насъ эбмріологія, освѣщенная біогенетическимъ закономъ Геккеля, предки наши приблизились къ типу млекопитающихъ. Сначала явились проммаміи—первомлекопитающія (приближающіяся къ теперешнимъ птицезвѣрямъ—къ утконосу), отъ нихъ произошли сумчатыя, отъ сумчатыхъ — полуобезьяны, отъ полуобезьянъ — хвостатыя обезьяны. За ними послѣдовали человѣкообразныя обезьяны, обезьяноподобные люди и, наконецъ, явился homo sapiens.

Если бы біогенетическій законъ существовалъ дѣйствительно, то и тогда приложеніе его къ человѣку, по мысли Васманна, было бы произвольнымъ; но существуетъ ли на самомъ дѣлѣ этотъ законъ? Представляетъ ли индивидуальное развитіе каждаго существа только сокращенное повто-

реніе его родовой исторіи? Нѣтъ, исключенія изъ этого закона гораздо многочисленнѣе, чѣмъ осуществленіе предполагаемаго правила. Большая часть стадій индивидуальнаго развитія не согласуется съ гипотетическими ступенями развитія родового. Геккель не совсѣмъ забылъ объ этомъ, но онъ вздумалъ спасти свою теорію, признавъ два различныхъ элемента въ исторіи индивидуальнаго развитія—палингенезію (*πάλιν—γένεσις*), воспроизводящую родовое развитіе, и кеногенезію (*καινὴ—γένεσις*), представляющую отступленія отъ родовой исторіи. Эта кеногенезія является по Геккелю какимъ то обманнымъ элементомъ въ исторіи развитія допускаемымъ природою подъ давленіемъ требованій приспособленія, которому подчинены сѣмена различныхъ организмовъ. Но конечно, говоритъ Васманнъ, не природа лжесвидѣтельствуетъ о своихъ законахъ, а эти мнимые законы являются ложью ихъ тенденціознаго изобрѣтателя.

На самомъ дѣлѣ каждымъ индивидуальнымъ развитіемъ заправляютъ три слѣдующіе фактора. Во 1) общіе законы органическаго роста (созрѣваніе, каріокинезисъ — процессъ состоящій въ раздѣленіи ядра и клѣточки и перераспредѣленіи ея элементовъ, имѣющій своимъ слѣдствіемъ образованіе изъ одной клѣточки двухъ, дѣленіе клѣтокъ). Во 2) спеціальные пути, которыми опредѣляется ростъ организма, обусловливаемые его происхожденіемъ, т. е. наслѣдственностью. Въ 3) спеціальные пути для роста организма, обусловливаемые приспособленіемъ организма къ внѣшнимъ вліяніемъ и равно потомъ фиксируемые наслѣдственностію. Біогенетическій законъ есть искусственно изолированный отъ другихъ второй изъ этихъ факторовъ и провозглашенный независимымъ закономъ. Неосновательность этой претензіи была указываема неоднократно. Васманнъ указываетъ въ подтвержденіе этого на работу J. Reinke—Studien zur vergleichenden Entwicklungsgeschichte der Laminariaceen. Ламинаріаціи—бурыя водоросли, обитающія въ холодныхъ и умѣренныхъ моряхъ, развитіе ихъ Рейнке противопоставляетъ требованіямъ біогенетическаго закона.

Васманнъ не отрицаетъ того, что развитіе человѣческаго зародыша представляетъ нѣкоторое неопредѣленное сходство съ извѣстными стадіями животной жизни, но онъ считаетъ это понятнымъ само собою, такъ какъ развитіе сѣмени

по его внутренней природѣ и по законамъ роста необходимо должно идти отъ простого къ сложному, отъ общаго къ частному. Исходнымъ началомъ развитія организма должна быть одноклѣточная стадія и затѣмъ зародышъ долженъ проходить различныя многоклѣточныя стадіи постепенно приближающія его къ конечной цѣли развитія. Развитіе эмбріона въ различные моменты должно имѣть различныя степени совершенства, пока не будетъ достигнута цѣль развитія. Всѣ эти измѣненія въ развитіи могли бы слѣдовать также, если и не предполагать никакой исторіи развитія. Какъ же можно утверждать вмѣстѣ съ Геккелемъ, что развитіе человѣческаго зародыша есть очевидная рекапитуляція его родовой исторіи? Это просто фантазія.

Въ индивидуальномъ развитіи нѣкоторыхъ животныхъ есть стадіи, которыя на самомъ дѣлѣ могутъ быть объясняемы лишь какъ результатъ родовой исторіи. Такъ въ индивидуальномъ развитіи придатковъ брюшка Termitoxenia, принадлежащихъ къ роду термитофильныхъ двукрылыхъ, замѣчается появленіе дѣйствительныхъ крыльевыхъ жилокъ, которыя объясняются тѣмъ, что предки Termitoxenia были дѣйствительными двукрылыми. Подобные примѣры, только очень рѣдко, можно находить и у высшихъ животныхъ. Кюкенталь сдѣлалъ интересное открытіе, что нѣкоторые виды китовъ въ эмбріональномъ состояніи владѣютъ зубами, а во взрослом ихъ лишены. Съ другой стороны палеонтологическія находки показываютъ, что древнѣйшіе ископаемые киты третичнаго періода владѣли зубами. Мы отсюда не только въ правѣ, но обязаны заключать, что данный родъ китовъ произошелъ отъ зубастыхъ и теперешніе эмбріональные зубы ихъ есть только напоминаніе ихъ родовой исторіи, не имѣющіе никакой особенной біологической цѣли, такъ какъ эмбріоны китовъ также мало могутъ жевать, какъ и эмбріоны другихъ млекопитающихъ. Если бы подобныя стадіи можно было указать въ человѣческомъ развитіи, это дѣйствительно представляло бы нѣкоторое доказательство вѣроятности происхожденія человѣка по тѣлу отъ животныхъ предковъ. Но доселѣ подобныхъ явленій не замѣчено въ человѣкѣ. Указываютъ, что въ эмбріональномъ состояніи человѣкъ на нѣкоторой стадіи имѣетъ подобіе плавниковъ и жабръ, но эти образованія играютъ важную роль въ эмбріо-

нальной жизни человѣка и слѣдовательно имѣютъ прямое назначеніе безъ того, чтобы мы строили гипотезу о существованіи у насъ предковъ съ плавниками и жабрами. Если взять родъ Lernaea—паразитирующихъ на ракахъ веслоногихъ, то фактъ, что въ юномъ состояніи они имѣютъ видъ личинокъ головоногихъ, между тѣмъ какъ выросшая самка преобразуется въ колбасообразный яичный мѣшокъ, подсказываетъ выводъ, что паразитическій родъ Lernaea произошелъ отъ нѣкогда свободно жившихъ веслоногихъ, измѣнившихся впослѣдствіи по причинѣ приспособленія къ паразитическому образу жизни. Но такихъ несомнѣнно филогенетическихъ явленій въ исторіи развитія человѣка нѣтъ.

Теперь имѣются двѣ главныя теоріи животнаго происхожденія человѣка. Одна изъ нихъ представляетъ собою лишь дальнѣйшее развитіе обезьяньей теоріи Карла Фогта. Ею принимается непосредственное, прямое родство человѣка съ человѣкообразными обезьянами, такъ называемыми приматами. Такъ, напримѣръ, Фриденталь объявляетъ, что человѣкъ есть настоящая обезьяна. Другая теорія, напротивъ, исключаетъ возможность прямого родства человѣка съ нынѣшними обезьянами, она допускаетъ косвенное, отдаленное родство обоихъ, выводя ихъ изъ общей гипотетической родовой формы, которая должна была существовать въ древнетретичное или даже дотретичное время.

Васманнъ останавливается на двухъ новыхъ доводахъ въ пользу первой теоріи. Селенка открылъ, что высшія обезьяны подобно человѣку въ эмбріональномъ состояніи владѣютъ дискоидальною плацентою, между тѣмъ какъ у низшихъ обязьянъ плацента бидискоидальная. Плаценты нѣтъ у низшихъ млекопитающихъ — монотремата — однопроходныхъ и она имѣется лишь по исключенію и въ весьма несовершенномъ видѣ у сумчатыхъ такъ, что высшія млекопитающія противополагаются этимъ обоихъ подклассамъ, какъ плацентарныя. Но съ другой стороны плацента существуетъ у нѣкоторыхъ акулъ и даже у членистоногихъ, именно у американскаго peripatus и у индійскаго скорпіона, что утверждаетъ Полянскій. Если по плацентѣ судить о родствѣ, то плацентарныя млекопитающія, во главѣ которыхъ стоитъ человѣкъ, должны имѣть своимъ предкомъ индійскаго скорпіона.

Гансъ Фриденталь полагаетъ, что онъ открылъ прямое родство крови человѣка и приматовъ. По опытамъ Фриденталя, опытамъ, нужно замѣтить, далеко неполнымъ и несвободнымъ отъ возраженій, человѣческая кровь дѣйствовала какъ растворяющее начало на кровяные шарики павіановъ, но не дѣйствовала такъ на кровь приматовъ. Опытовъ было произведено пока немного и они давали неоднообразные результаты. Такъ кровяная сыворотка павіановъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ растворяла красные шарики человѣческой крови, въ нѣкоторыхъ—нѣтъ. Не вполнѣ выяснено еще—безусловно ли кровяная сыворотка человѣка не растворяетъ красные шарики крови приматовъ?

Но если это и будетъ установлено, то отсюда слѣдуетъ только, что человѣческая кровь имѣетъ нѣкоторыя общія химическія свойства съ кровью человѣкообразныхъ обезьянъ и что этихъ свойствъ нѣтъ у павіановъ и другихъ позвоночныхъ. Но нельзя смѣшивать сходство химическихъ свойствъ съ тожествомъ происхожденія. По собственнымъ опытамъ Фриденталя кровь нѣкоторыхъ ракообразныхъ (cancer pagurus) или трубчатыхъ червей (Arenicola piscatorum) не растворяетъ кровяныхъ шариковъ серебристой чайки или крысъ. Но отсюда безусловно нельзя дѣлать вывода, что крысы происходятъ отъ трубчатыхъ червей или серебристыя чайки отъ ракообразныхъ. Нельзя также изъ этого факта выводить происхожденіе человѣка отъ оранг-утанга. Можно вѣдь аргументировать и такъ: кровь ракообразныхъ и трубчатыхъ червей не растворяетъ кровяныхъ шариковъ чайки и крысъ, раки и черви неродственны чайкамъ и крысамъ. Кровь человѣка не растворяетъ кровяныхъ шариковъ оранг-утанга, слѣдовательно они неродственны между собой. Но если можно дѣлать выводы и такъ и наоборотъ, то ясно, что эти выводы имѣютъ очень малую цѣнность.

Новѣйшія ультрамикроскопическія изслѣдованія повидимому доказываютъ рѣзкое различіе между человѣческою кровью и всякимъ видомъ крови животной. Наконецъ, по опытамъ Брумпта сонная болѣзнь, причиняемая паразитомъ живущимъ въ крови, можетъ быть привита всѣмъ млекопитающимъ за исключеніемъ обезьяны и свиньи. Можно ли отсюда дѣлать выводъ, что эти животныя болѣе далеки отъ человѣка, чѣмъ другія млекопитающія?

Обезьянью теорію подрываетъ другая теорія, которую Васманнъ считаетъ болѣе допустимою. Согласно этой теоріи человѣкъ и обезьяны являются конечными членами двухъ независимыхъ родовъ развитія, которые только въ своемъ корнѣ восходятъ къ общей родовой формѣ, существовавшей вѣроятно въ третичное или даже дотретичное время. Представителемъ этой теоріи является гейдельбергскій профессоръ Клаатшъ. Эта теорія выходитъ изъ того, что образованіе тѣла человѣка и обезьянъ обнаруживаетъ два различныхъ направленія эволюціи млекопитающихъ, направленій сильно расходящихся въ ихъ конечномъ результатѣ. Въ нѣкоторомъ отношеніи обезьяны даже какъ будто бы превзошли человѣка: рука человѣка скорѣе напоминаетъ руку полуобезьянъ, чѣмъ руку антропоидовъ, и человѣческая нога особеннымъ положеніемъ своего большого пальца рѣзко отличается отъ хватательной ноги обезьянъ. Совершеннѣйшее развитіе мозга и обусловленный имъ вертикальный ходъ, связанный далѣе съ соотвѣтствующими особенностями въ строеніи конечностей, вотъ—главные моменты, которые должны быть приняты во вниманіе при обсужденіи вопроса и которые приводятъ къ заключенію, что человѣкъ тѣлесно—съ чисто зоологической точки зрѣнія—долженъ быть разсматриваемъ какъ представитель особаго порядка млекопитающихъ. Въ этомъ отношеніи и только въ этомъ Васманнъ находитъ допустимымъ тезисъ Морица Альсберга (въ сочиненіи Die Abstammung des Menschen. 1902), что „вообще немыслимо допустить происхожденіе человѣка отъ обезьяны и что о родственныхъ отношеніяхъ между человѣкомъ и обезьяною можно говорить лишь, поскольку оба соединяются въ корнѣ общаго родословнаго дерева, которое въ концѣ концовъ одно и то же для всѣхъ млекопитающихъ“.

Но эта теорія вызываетъ много возраженій.

Во-первыхъ. Гипотетическая родовая форма человѣка и обезьянъ, жившая въ древне-третичное или дотретичное время, есть лишь простой продуктъ творческаго воображенія. Свойства, приписываемыя этой формѣ такъ неопредѣленны, спутанны, частію противорѣчивы, что этого предка людей и обезьянъ можно считать просто за universale a parte, не способнаго къ реальному существованію. Ранке на антро-

пологическомъ конгрессѣ въ Линдау 1899 г. сказалъ объ этомъ предкѣ, созданномъ воображеніемъ Клаатша, это—фантазія, а не наука.

Во-вторыхъ. Въ вопросѣ о происхожденіи человѣка учитъ не только сравнительная морфологія, но рѣшительное слово принадлежитъ палеонтологіи. У этой послѣдней науки мы должны освѣдомиться, что она можетъ сообщить о предкахъ человѣка на основаніи своихъ ископаемыхъ памятниковъ. И чѣмъ далѣе въ раннѣйшіе періоды земной исторіи отодвигаемъ мы общую родовую форму человѣка и теперешнихъ обезьянъ, тѣмъ болѣе палеонтологія должна намъ показать промежуточныхъ звеньевъ между этой родовою формою и нынѣ живущими крайними представителями обоихъ родовъ. Въ уста палеонтологіи Васманнъ влагаетъ такой отвѣтъ. Мы знаемъ очень богатое видами родословное дерево теперешнихъ обезьянъ, идущее отъ древнѣйшаго третичнаго періода до настоящаго времени, Grundzüge der Paläontologie насчитываютъ не менѣе 30 родовъ ископаемыхъ обезьянъ и 18 родовъ обезьянъ на протяженіи отъ эоцена до диллювіальнаго времени. но между предполагаемою родовою формою и теперешнимъ человѣкомъ не найдено никакого промежуточнаго звена. Вся гипотетическая родословная человѣка не знаетъ ни одного ископаемаго рода, ни одного ископаемаго вида.

Представляютъ отдѣльныя доказательства животнаго происхожденія человѣка. На первомъ мѣстѣ здѣсь поставляется Pithecanthropus erectus изъ Явы. Нашедшій его Дюбуа полагаетъ, что онъ не человѣкъ и не обезьяна, но промежуточное звено между ними. Вирховъ на лейденскомъ конгрессѣ 1895 г., гдѣ онъ былъ почетнымъ президентомъ, выяснилъ, что нельзя съ увѣренностью утверждать, будто найденныя кости принадлежатъ одному индивидууму и что еще менѣе можно рѣшить—былъ ли этотъ индивидуумъ человѣкомъ или обезьяной: бедряная кость говоритъ какъ будто за человѣка, черепная покрышка—за обезьяну. Только въ случаѣ если бы былъ найденъ полный скелетъ Pithecanthropus можно бы было произнести рѣшительное сужденіе о его положеніи въ зоологической систематикѣ. Это разсужденіе Вирхова сохраняетъ всю свою силу донынѣ.

Къ этому должно прибавить слѣдующее. Яванскій пите-

кантропъ жилъ повидимому или въ древне-диллювіальный или въ новѣйшій третичный періодъ, но по теоріи человѣкъ и обезьяны должны были разойдтись раньше. Затѣмъ питекантропъ по нѣкоторымъ своимъ свойствамъ дѣйствительно представляетъ какъ бы промежуточное звено между человѣкомъ и обезьяной, но по другимъ свойствамъ онъ является какъ бы промежуточнымъ звеномъ между высшими и низшими обезьянами настоящаго времени. На это обратилъ вниманіе профессоръ Швальбе, самъ заинтересованный въ отыскиваніи доказательствъ животнаго происхожденія человѣка. Теперь больше склоняются къ тому, чтобы видѣть въ питекантропѣ боковую вѣтвь рода обезьянъ. Его нужно помѣщать не въ ряду предковъ человѣка, а въ ряду предковъ современныхъ обезьянъ. Рихардъ Гертвигъ склоняется къ выводу, что скорѣе всего останки Яванскаго скелета принадлежитъ вымершей гиббонообразной обезьянѣ, отличающейся отъ современныхъ необыкновенною величиною и громадною емкостью черепа, заставляющей предполагать относительно большой мозгъ. Точно также Макнамара пришелъ къ заключенію, что питекантропъ есть чистая обезьяна большой величины. Онъ при помощи методовъ измѣренія Швальбе произвелъ сравненіе Яванскаго черепа съ черепомъ чимпанзе. Оказалось, что они различаются между собою почти лишь величиною, но не формою.

Но Pithecanthropus не стоитъ одиноко, въ неандертальскомъ человѣкѣ онъ нашелъ своего юнѣйшаго молочнаго брата, о которомъ говорятъ, что онъ не долженъ считаться ни настоящимъ человѣкомъ, ни настоящею обезьяною, но промежуточнымъ звеномъ между обоими. Честь этого открытія принадлежитъ страсбургскому профессору Швальбе. Геній Швальбе, вызываетъ удивленіе тѣмъ, что ему удалось къ одинадцати существующимъ мнѣніямъ относительно неандертальскаго человѣка прибавить двѣнадцатое. Но цѣнность этого взгляда колеблется, разъ ему противопоставятъ другіе взгляды. Неандертальца считали то идіотомъ, то монгольскимъ казакомъ, то древнимъ германцемъ, древнимъ голландцемъ, древнимъ фризомъ, кузеномъ австралійскаго негра, примитивнымъ первочеловѣкомъ, примитивнымъ обезьяночеловѣкомъ. Эта научная судьба остатковъ неандертальскаго скелета показываетъ, что онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ

много значущихъ находокъ, изъ которыхъ каждый изслѣдователь извлекаетъ то, что ему нравится. Было бы преступно на основаніи подобныхъ находокъ заявлять, что теперь найдено связующее звено между обезьяною и человѣкомъ.

Затруднительность дѣла опредѣленія неандертальской находки становится еще большею вслѣдствіе того, что невозможно опредѣлить ея геологическій возрастъ. Раффъ подчеркнулъ, что никакой компетентный изслѣдователь не видалъ неандертальского скелета въ его первоначальномъ положеніи. Когда Фюльротъ, открывшій его, пришелъ на мѣсто находки, рабочіе уже вынули глину съ костями и помѣстили у подножія скалы. Уже Вирховъ отмѣтилъ, что никто не видалъ—помѣщались ли кости въ дилювіальной глинѣ. А вся слава неандертальскаго черепа обусловливалась тѣмъ, что о немъ сначала утвердилось мнѣніе, будто онъ лежалъ въ дилювіальной глинѣ, которая образовалась ко времени древнихъ млекопитающихъ. Знаменитый неандерталецъ могъ быть гораздо новѣйшаго происхожденія, чѣмъ дилювіальная глина пещеры, въ которой лежалъ: онъ могъ быть погребенъ въ ней позднѣе. Съ этимъ падаютъ всѣ утвержденія относительно значенія черепа для теоріи развитія.

Для полнѣйшаго выясненія взглядовъ Швальбе на неандертальскаго человѣка должно еще замѣтить, что Швальбе совершенно не допускаетъ прямого родства между питекантропомъ и неандертальскимъ первочеловѣкомъ. Первый представляетъ собою боковую вѣтвь рода обезьянъ, послѣдній—дѣйствительнаго предка современнаго человѣка. Клаатшъ и вмѣстѣ съ нимъ многіе другіе антропологи хотятъ поставить неандертальскаго человѣка только въ нѣкоторую параллель съ питекантропомъ. Неандертальскій человѣкъ, по ихъ мнѣнію, будучи представителемъ первочеловѣческой формы, не былъ ни теперешнимъ человѣкомъ, ни теперешнею обезьяною, но въ нѣкоторомъ отношеніи онъ напоминаетъ еще ниже стоящаго питекантропа, только принадлежащаго совсѣмъ къ другой вѣтви. Это воззрѣніе само по себѣ довольно невинно, хотя то положеніе Швальбе, что неандерталецъ не былъ существомъ принадлежащимъ къ роду homo, но промежуточное звено между этимъ родомъ и гипотетическими животными предшественниками, считаемъ совершенно неудачнымъ и рѣшительно отвергаемъ изъ естественно-науч-

ныхъ соображеній. Вирховъ показалъ, что теперь нѣкоторые фризы, будучи людьми въ полномъ смыслѣ слова, имѣютъ черепъ неандертальской формы.

Мы можемъ спокойно смотрѣть на будущее. Если будетъ установлено, что доисторическій скелетъ изъ Спи, нолетская челюсть, десять доисторическихъ скелетовъ найденныхъ около Аграма въ Кроаціи дѣйствительно имѣютъ характеристическіе признаки, принадлежащіе неандертальскому черепу, то намъ должно будетъ признать въ неандертальцѣ и его современикахъ не животноподобныхъ предшественниковъ людей, а особую древнюю доисторическую расу. Отступленія у этой расы отъ теперешняго типа homo, именно сильнѣйшее развитіе нижней челюсти, удовлетворительно объясняются приспособленіемъ къ условіямъ тогдашняго существованія. Человѣкъ велъ тогда жестокую борьбу за существованіе. Его челюсть была нужна ему, чтобы ѣсть свой жесткій хлѣбъ и разгрызать крѣпчайшіе орѣхи, тогда какъ у его потомковъ вслѣдствіе болѣе благопріятныхъ условій существованія образовалась челюсть нѣжнѣе и слабѣе. Такъ въ неандертальскомъ первочеловѣкѣ теорія животнаго происхожденія человѣчества не нашла ничего.

Теперь Швальбе не говоритъ уже, что неандерталецъ—особенный родъ человѣка, онъ видитъ въ немъ нѣкоторый особенный видъ, называемый homo primigenius. Но это выдѣленіе людей неандертальскаго типа въ особый видъ недопустимо. Это—очень обыкновенный типъ, который мы находимъ теперь въ деградировавшихъ человѣческихъ расахъ, наприм., у австралійцевъ. Горячій приверженецъ Швальбе Макнамара совершенно разрушилъ его гипотетическую постройку, показавъ, что у австралійцевъ и тасманцевъ имѣется та форма черепа, которою, говорятъ, характеризуется homo primigenius.

Когда профессоръ Бранко, директоръ геологическо-палеонтологическаго института берлинскаго университета держалъ заключительную рѣчь „Ископаемый человѣкъ“ на V международномъ зоологическомъ конгрессѣ въ Берлинѣ 16 августа 1901 г., его слушатели зоологи съ крайнимъ интересомъ ожидали воспринять взгляды этого спеціалиста относительно палеонтологическихъ основаній животного происхожденія человѣка. Питавшіе дарвинистическія надежды скоро увп-

дѣли себя разочарованными. Рѣчь Бранко оказалась направленною противъ разсужденій Геккеля (26 августа 1898 г. на IV международномъ зоологическомъ конгрессѣ въ Кембриджѣ) „о нашихъ настоящихъ знаніяхъ относительно происхожденія человѣка“.

Главное положеніе рѣчи Бранко формулировалось такъ: человѣкъ является передъ нами въ земной исторіи по истинѣ, какъ homo novus, а не какъ потомокъ раннѣйшихъ родовъ. Между тѣмъ какъ большая часть млекопитающихъ настоящаго времени, оказывается, имѣетъ длинные ряды предковъ въ третичное время, человѣкъ является прямо и внезапно въ дилювіальную эпоху такъ, что мы ничего не знаемъ о его третичныхъ предшественникахъ. Третичнаго человѣка нѣтъ, а слѣды его дѣятельности въ третичное время имѣютъ сомнительную природу. Напротивъ, остатковъ дилювіальнаго человѣка много, но дилювіальный человѣкъ выступаетъ какъ совершенный homo sapiens. Очень многіе изъ этихъ древнѣйшихъ людей владѣли черепомъ, которымъ могъ бы гордиться каждый изъ насъ. Они также не имѣли ни длинныхъ обезьяноподобныхъ рукъ, ни обезьяноподобныхъ зубовъ. Нѣтъ, дилювіальный человѣкъ по всякой оцѣнкѣ былъ дѣйствительнымъ человѣкомъ.

Какъ на единственное исключеніе изъ этихъ фактовъ Бранко указалъ на неандертальскій черепъ и на скелетъ изъ Спи, но эти исключенія, прибавилъ онъ, слишкомъ спорной и темной природы такъ, что они не могутъ измѣнить выводовъ изъ вышеуказанныхъ фактовъ. Притомъ подобныя исключенія довольно часто встрѣчаются и теперь, на что обратили вниманіе Вирховъ и Ранке.

Отсюда на вопросъ: кто былъ предкомъ человѣка, Бранко даетъ слѣдующій чисто научный отвѣтъ: *палеонтологія ничего не знаетъ объ этомъ, она не знаетъ предковъ человѣка.* Въ этомъ положеніи заключается квинтэссенція всей бранковской рѣчи.

Но къ этому чисто научному содержанію Бранко сдѣлалъ спекулятивную прибавку, въ которой высказалъ свое личное воззрѣніе, что человѣкъ по зоологическимъ основаніямъ, между которыми фриденталевское открытіе „родства“ крови у человѣка и приматовъ занимаетъ первое мѣсто, долженъ быть разсматриваемъ только какъ высоко развитое живот-

ное. Этому ненужно удивляться. Бранко говорилъ передъ зоологами, которые въ большей части привыкли судить о человѣкѣ чисто зоологически. Во всякомъ случаѣ приходится отмѣтить противоположность между научнымъ туловищемъ бранковскаго реферата и его десцендентно теоретическимъ хвостомъ. Въ первомъ Бранко говорилъ какъ спеціалистъ палеонтологіи, и пришелъ къ заключенію: мы не знаемъ предковъ человѣка; въ послѣднемъ онъ, не будучи спеціалистомъ, къ ослабленію того содержанія прибавилъ: не смотря на это, мы по чисто зоологическимъ основаніямъ должны вѣрить въ происхожденіе человѣка отъ обезьяны.

Свое разсужденіе Васманнъ заключаетъ такъ: „нашъ окончательный приговоръ о научныхъ доказательствахъ животнаго происхожденія человѣка вмѣстѣ съ Ранке мы можемъ выразить въ слѣдующемъ положеніи: съ достоинствомъ науки согласно лишь одно—сказать, что она ничего не знаетъ о происхожденіи человѣка".

3.

Богословскія соображенія Лабоша о первочеловѣчествѣ.

Хотя Васманнъ принялъ тезисъ, что наука не знаетъ ничего о происхожденіи человѣка и хотя нельзя сомнѣваться въ его искренности, однако несомнѣнно онъ имѣетъ побужденія признавать животное происхожденіе человѣческаго тѣла. Дѣло въ томъ, что Васманнъ—сторонникъ теоріи эволюціоннаго происхожденія видовъ и самъ нѣкоторыми своими работами стремился содѣйствовать обоснованію этой теоріи. Но эволюціонное происхожденіе человѣческаго тѣла тогда подсказывается, какъ логическій выводъ изъ общей теоріи развитія. Если Васманнъ и не настаиваетъ на такомъ происхожденіи рѣшительно, онъ откровенно допускаетъ его возможность. Возникаетъ вопросъ: какъ при такомъ допущеніи нужно представлять исторію первочеловѣчества? Васманнъ отвѣчаетъ слишкомъ обще. Въ выработавшуюся эволюціоннымъ путемъ высшую органическую форму Богъ вложилъ предназначенную къ вѣчному существованію разумную и нравственно свободную душу. Этотъ короткій отвѣтъ вызываетъ много недоумѣній. Какъ на нѣкоторую попытку разсѣять ихъ, можно смотрѣть на статью Le Dogme des dons préter-

naturels [1]), принадлежащую Л. Лабошу, профессору Догматики въ парижской высшей школѣ католическаго богословія.

Богъ, говоритъ Лабошъ, по ученію отцовъ тридентскаго собора, поставилъ перваго человѣка въ состояніе святости и правды, однимъ словомъ, въ благодатное состояніе. Въ тоже время и потому, что человѣкъ былъ поднятъ до порядка сверхъестественнаго, Богу было угодно совершенствовать его природу, воздѣйствуя на него не только обыкновеннымъ образомъ, какъ на все сотворенное, но еще и способомъ необыкновеннымъ. Мы не знаемъ, каковъ этотъ способъ, но утверждаемъ, что онъ существовалъ.

1) Богъ сохранялъ человѣка въ этой земной жизни неопредѣленно долгое время, т. е. Онъ сообщилъ человѣку сверхприродный даръ безсмертія или *изъятія изъ смерти.*

2) Вслѣдствіе особого божественнаго воздѣйствія происходило также, что человѣкъ, сохраняя способность грѣшить, былъ сильно укрѣпленъ въ своей нравственной волѣ. Поэтому онъ могъ исполнять свой долгъ съ величайшею легкостью. Идея зла, если она и предносилась его духу, не возбуждала страстей его сердца или, по крайней мѣрѣ, если и происходило легкое возбужденіе, нравственная воля препятствовала тому, чтобы оно получило развитіе. Такъ ни воображеніе, ни чувственныя впечатлѣнія не возбуждали безмѣрно чувственныхъ желаній или, по крайней мѣрѣ, если какое-нибудь эксцессивное движеніе проявлялось, нравственная воля непосредственно подавляла его своею могучею силою.

Страсть сердца, когда она особенно сильна и постоянно, какъ привычка, остается въ одномъ и томъ же состояніи, вслѣдствіе чего она становится силою способною болѣе или менѣе легко получить согласіе нравственной воли, такая страсть называется похотью. Различаютъ похоть почести или гордость и похоть благъ этого міра или любовь къ богатствамъ. Влеченія чувствъ, когда они становятся особенно сильны и постоянно стремятся увлечь за собою волю, называются похотью плоти или чувственностью.

Первый человѣкъ всесиліемъ его нравственной воли былъ *изъятъ отъ похоти*, хотя въ немъ сохранилась способность грѣшить и оставалась практическая возможность похоти. Это изъятіе было вторымъ сверхприроднымъ даромъ.

1) Revue pratique d' Apologétique 1907. T. IV. № 37.

3) Какъ вслѣдствіе особаго божественнаго воздѣйствія первый человѣкъ не испытывалъ никакого труда въ дѣлѣ управленія своими страстями, такъ онъ не встрѣчалъ никакихъ затрудненій при совершеніи своихъ внѣшнихъ дѣлъ. Такъ къ изъятію отъ нравственной скорби вызываемой грѣхомъ присоединялось въ немъ *изъятіе отъ страданія* вызываемаго тяжкимъ усиліемъ. Это—третій сверхприродный даръ.

4) Къ этимъ тремъ дарамъ Творецъ присоединилъ еще *изъятіе отъ невѣдѣнія* чрезъ сообщеніе Адаму высшаго знанія о вещахъ божественныхъ, о мірѣ и человѣчествѣ, основателемъ котораго и предстателемъ предъ Богомъ онъ былъ. Размѣры этого знанія Перронъ опредѣляетъ такъ: Адамъ зналъ все то, что ему было необходимо знать въ его положеніи. Существованіе такого знанія предполагается тѣми обязанностями, которыя Адамъ долженъ былъ выполнять и обусловливается другими полученными имъ дарами. Гораздо менѣе ее можно основывать на тѣхъ или другихъ текстахъ (Быт. 2, 19—20; Прем. сына Сирах. 17, 5). Вопросъ объ этомъ дарѣ ни explicite, ни implicite не содержится ни въ какомъ соборномъ опредѣленіи.

Какъ высказывалась церковь объ этихъ дарахъ?

Даръ изъятія отъ смерти, сообщенный первому человѣку, есть истина вѣры, опредѣленная на пленарномъ карѳагенскомъ соборѣ 418 г., акты котораго были одобрены папою Зосимою. Эта доктрина была принята тридентскимъ соборомъ подъ формою заимствованною у ап. Павла, что смерть поражаетъ всѣхъ людей въ наказаніе за грѣхъ, въ которомъ они рождаются, какъ происходящіе отъ грѣшнаго Адама.

Даръ изъятія отъ похоти также есть истина вѣры, опредѣленная пленарнымъ карѳагенскимъ соборомъ объявившимъ, согласно ап. Павлу, что грѣхъ, т. е. похоть, разсматриваемая, какъ причина грѣха Адама и грѣховъ всѣхъ его потомковъ, вошла въ міръ по винѣ перваго человѣка.

Изъятіе отъ страданія не опредѣляется explicite. Оно должно быть разсматриваемо какъ истина вѣры, потому что оно опредѣляется implicite по намѣренію соборныхъ отцовъ во второмъ декретѣ V сессіи тридентскаго собора.

Эти сверхприродные дары должно разсматривать какъ блага порядка естественнаго, данныя человѣку условно сообразно съ его поднятіемъ къ строю сверхприродному. Бла-

годатная жизнь есть какъ бы заключительный камень божественнаго дѣла реализованнаго въ Адамѣ. Но если человѣкъ разрушилъ сверхъестественный строй вслѣдствіе своей тяжкой вины, то по божественному плану прекратился особенный способъ воздѣйствія на человѣка.

Священное Писаніе и патристика ясно раскрываютъ это ученіе.

Повѣствованіе третьей главы кн. Бытія не оставляетъ сомнѣнія, что изъятіе отъ смерти было обезпечено первому человѣку. Смерть является здѣсь наказаніемъ за нарушеніе положительной заповѣди, и текстъ выясняетъ, что человѣкъ не умеръ бы, если бы не согрѣшилъ. Однако изъятіе отъ смерти не было естественнымъ даромъ для человѣка. Напротивъ, представленный своимъ собственнымъ силамъ человѣкъ долженъ бы былъ умереть, потому что онъ только прахъ и потому что для такого существа естественно обратиться въ прахъ. Безсмертіе представляется здѣсь, какъ сверхприродный даръ, который, если бы человѣкъ остался вѣрнымъ, Богъ продолжалъ бы подавать человѣку чрезъ непрестанное сообщеніе ему нѣкоей чудесной жизни, что символизировалось древомъ жизни.

Въ послѣдующихъ священныхъ книгахъ это ученіе получаетъ капитальную важность. Съ особенною силою оно развивается въ посланіи къ Римлянамъ, гдѣ говорится, что „однимъ человѣкомъ грѣхъ вошелъ въ міръ и грѣхомъ смерть; такъ и смерть перешла во всѣхъ человѣковъ, потому что въ немъ всѣ согрѣшили“ (5, 12). Изъ совокупности такихъ текстовъ вытекаетъ, что первый человѣкъ получилъ даръ изъятія отъ смерти.

Точно также онъ получилъ даръ изъятія отъ похоти. По ап. Павлу, на самомъ дѣлѣ, мы всѣ умираемъ, потому что мы всѣ грѣшники. Грѣхъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, не представляетъ допускаемыхъ нами личныхъ преступленій, но это есть сила грѣха, т. е. похоти, которую мы всѣ получаемъ при рожденіи вслѣдствіе того, что мы всѣ согрѣшили въ Адамѣ. Итакъ, ап. Павелъ учитъ, что преступленіемъ перваго человѣка похоть и грѣхъ заразъ вошли въ міръ. Изъятіе отъ смерти представлено на первомъ планѣ, изъятіе отъ похоти—на второмъ.

Должно отмѣтить, что это ученіе примыкаетъ къ находя-

щемуся въ Екклезіастѣ (7, 30) и премудрости сына Сирахова (17, 1—10), гдѣ говорится, что Богъ далъ первому человѣку совершенную праведность нравственной воли, т. е. по контексту силу господства надъ всѣми своими страстями.

Основаніе этого ученія должно искать въ книгѣ Бытія, гдѣ говорится, что первый человѣкъ прежде его паденія находился въ состояніи, которое онъ не сохранилъ послѣ грѣха: нарушеніе заповѣди возбудило въ немъ похоть плоти (2, 25; 3, 7—10).

Бытіе (3, 17—20) учитъ еще, что послѣ преступленія Адамъ и Ева были осуждены на физическія бѣдствія обусловленныя тяжкимъ пожизненнымъ трудомъ. Нужно ли заключать отсюда, спрашиваетъ Лагранжъ, что прежде грѣха они не трудились? Нѣтъ, потому что трудъ свойственъ человѣку. Но прежде паденія вслѣдствіе божественной благости, которою они пользовались, имъ все удавалось, все было легко, между тѣмъ какъ послѣ паденія, особая Божественная помощь была у нихъ отнята, все стало для нихъ сомнительнымъ и труднымъ.

Отсутствіе физическаго страданія было лишь однимъ изъ элементовъ ихъ благополучія. Когда они жили въ невѣдѣніи грѣха, въ близости съ Богомъ, они находились въ состояніи такого блаженства, которое невозможно представить.

Ученіе писанія было принято и развито Августиномъ и всѣми отцами, которые слѣдовали за нимъ. Существовало ли это ученіе въ вѣка предшествовавшіе эпохѣ славнаго учителя латинской церкви? Этотъ вопросъ позволительно поставить.

Въ концѣ II вѣка на западѣ св. Ириней утверждаетъ въ выраженіяхъ очень ясныхъ, что первый человѣкъ вслѣдствіе своего паденія потерялъ даръ изъятія отъ смерти или безсмертіе; онъ прибавляетъ, что это преимущество могло быть возстановлено лишь чрезъ воплощеніе Сына Божія. Принимая человѣчество и дѣлая его своимъ, Сынъ Божій, какъ антидотъ, сообщилъ ему жизнь (Haer. Lib. III, XIX, 1). Здѣсь на первомъ планѣ идетъ рѣчь о жизни благодатной и на второмъ о жизни естественной.

Ученикъ св. Іустина, Таціанъ, писавшій почти въ тоже время какъ и Ириней, учитъ въ своей рѣчи противъ грековъ, что человѣкъ созданный безсмертнымъ вслѣдствіе

своего грѣха потерялъ то преимущество, которое ему далъ Богъ (Or. adv. Graec. 11; M. P. G. VI, 829).

Въ III-мъ вѣкѣ Тертулліанъ поддерживаетъ то же ученіе, въ своемъ сочиненіи противъ Маркіона, но особенно онъ занимается вопросомъ о происхожденіи похоти. Въ трактатѣ De Anima онъ говоритъ, что похоть вошла въ міръ только вслѣдствіе нарушенія закона, произведеннаго первымъ человѣкомъ. Раньше Адамъ имѣлъ плоть чистую (De Anima, 44—41; M. P. L. II, 719). Ученіе Тертулліана было принято его ученикомъ Кипріаномъ: оно послужило основаніемъ ученія Августина.

Въ восточной церкви ученіе отцовъ, очень бѣдное по вопросу о благодатномъ состояніи перваго человѣка, напротивъ очень богато по вопросу о сверхприродныхъ дарахъ. Въ произведеніяхъ писателей III вѣка—особенно у Оригена (in Rom. lib. V, 1. M. P. G. XIV, 1011), въ писаніяхъ отцовъ IV в.—особенно у каппадокійцевъ: Василія, Григорія Назіанзина, Григорія Нисскаго—смерть, похоть и страданіе, овладѣвшія Адамомъ, представляются какъ слѣдствіе грѣха. Прежде преступленія Адамъ по Божественной особенной благости былъ изъятъ отъ всѣхъ этихъ бѣдствій.

Такъ по Лабошу, св. Писаніе и Отцы учатъ о существованіи сверхприродныхъ даровъ у перваго человѣка. Какъ согласить это ученіе съ современными антропологическими воззрѣніями на первочеловѣчество? Разсужденію объ этомъ Лабошъ посвящаетъ послѣднюю часть своей статьи. Какъ и Васманнъ, онъ утверждаетъ необоснованность десцендентныхъ теорій. Онъ принимаетъ, что человѣчество представляетъ собою одинъ родъ, но и одинъ родъ можетъ происходить или отъ многихъ родоначальниковъ или отъ одной пары. Взгляды эти значительно различаются между собою. Если принять допускаемую Васманномъ возможность эволюціоннаго происхожденія человѣческаго тѣла, то тогда естественнѣе всего представить, что сразу явился цѣлый человѣческій родъ. Какъ разобраться въ этомъ? У Лабоша мы не находимъ отвѣта на естественно возникающіе вопросы. Съ церковной точки зрѣнія гипотезу Васманна онъ считаетъ допустимою, но рекомендуетъ сохранять по отношенію къ ней благоразумное сомнѣніе (un doute prudent).

4.

Теоріи происхожденія человѣка, посредствующія между Библіею и дарвинизмомъ.

Прежде чѣмъ католическіе богословы выступили съ заявленіемъ, что возможно допустить эволюціонное происхожденіе тѣла человѣка, существовалъ уже рядъ теорій, представлявшихъ въ различной мѣрѣ и степени компромиссъ между дарвинизмомъ и Библіей. Теоріи эти не получили развитія и распространенія, ихъ уже заволакиваетъ мгла забвенія, но какъ ни смотрѣть на нихъ, въ нихъ есть много отдѣльныхъ цѣнныхъ мыслей и нѣкоторыя содержащіяся въ нихъ предположенія, порою высказанныя безъ всякихъ основаній, теперь выступаютъ на свѣтъ вновь независимо отъ старыхъ авторовъ и уже на основаніи фактовъ. Поучительно для обсужденія занимающаго насъ важнаго вопроса вспомнить нѣкоторыя изъ этихъ забытыхъ ученій.

Въ ряду различныхъ ученій о происхожденіи человѣка своеобразное мѣсто занимаетъ книжка Снеля, „Die Schöpfung des Menschen“. Его теорія отличается большою оригинальностью и наименьшею извѣстностью. Въ первый разъ сочиненіе Снеля вышло въ 1863 г. Въ 1887 вышло послѣднее изданіе его сочиненія подъ заглавіемъ. „Vorlesungen über die Abstammung des Menshen“. Aus dem handschriftlichen Nachlasse von Karl Snell ord. Professor der Mathematik und Phisik an der Universität Iena herausgegeben von Prof. Dr. Rudolf Seydel. Мы не видали этого посмертнаго изданія, но, судя по библіографическимъ отзывамъ о немъ, авторъ не измѣнилъ своей теоріи, а только подтвердилъ ее нѣкоторыми новыми данными. Авторъ былъ и остался дарвинистомъ, но только на сочиненіи его кромѣ вліянія доктрины британскаго натуралиста, опочилъ духъ нѣмецкаго идеализма. Онъ не видитъ въ человѣкѣ только игру случая, продуктъ, созданный эволюціонными факторами, онъ видитъ въ немъ результатъ таинственнаго развитія какого то зародыша, уже въ самомъ началѣ своего существованія заключавшаго въ себѣ нѣчто разумное и божественное.

Всѣ животныя и человѣкъ имѣютъ, по Снелю, одного общаго прародителя въ нѣкоторой первобытной формѣ, но тѣмъ не менѣе различіе, существующее между животными

и человѣкомъ есть не количественное, а качественное Надъ всѣмъ живущимъ на землѣ человѣка поднимаетъ его разумъ— „дѣятельность всеобщаго въ его мысли и возможность безусловнаго въ его нравственной волѣ“ (S. 141—142). Разумъ не является только дальнѣйшимъ развитіемъ инстинкта животныхъ: инстинктъ слишкомъ ограниченъ и узокъ, и потому изъ него не могъ возникнуть разумъ. Должно предположить отъ вѣчности существующую разумную первооснову, изъ которой могъ развиться самосознательный и дѣятельный разумъ. Разумная человѣческая природа могла развиться только отъ такого прародителя, который уже самъ носилъ въ себѣ непрерывное разумное начало. Отъ этого прародителя произошло два ряда существъ, изъ которыхъ одни стали рабами тѣхъ внѣшнихъ факторовъ, которые заправляютъ развитіемъ всякаго чувственно проявляющагося бытія, другія въ постепенно развивающейся конкретной формѣ сдѣлались носителями и органами безконечнаго. Первый рядъ обнимаетъ собою міръ животныхъ, къ второму принадлежитъ человѣкъ. Здѣсь мы видимъ примѣръ примѣненія маіоратнаго права. Въ природѣ имѣетъ значеніе право духовнаго первородства. Отъ перваго маіоратнаго владѣльца идетъ рядъ первенцевъ, которые вступаютъ въ обладаніе его преимуществомъ и его правами и всѣ стоятъ на одной и той же ступени къ жизни. Но младшіе сыновья перваго маіоратнаго владѣльца, какъ равнымъ образомъ и слѣдующія поколѣнія, производятъ другое потомство, не похожее на поколѣніе перворожденныхъ ни по богатству, ни по положенію въ жизни. Изъ этого потомства многіе члены часто ниспадаютъ на низшія ступени животной лѣстницы. Люди представляютъ рядъ первенцовъ; имъ первый прародитель отдалъ въ наслѣдство маіоратъ разума. Царство животныхъ составляютъ тѣ члены потомства, которые произошли отъ одного общаго съ ними корня, но которые, будучи лишены представленнаго первенцу маіората разума, опустились и упали до настоящаго своего животнаго существованія.

Многіе, навѣрное, склоняются къ мнѣнію, что тѣ созданія, которыя носили въ себѣ зерно столь великаго будущаго, съ самаго перваго времени самымъ своимъ внѣшнимъ видомъ, какъ непроходимою бездною, отдѣлялись отъ всѣхъ остальныхъ существъ, которымъ суждено влачить столь бѣдную и жал-

кую жизнь, какъ конечный результатъ ихъ развитія. Но на основаніи всѣхъ тѣхъ аналогій, которыя представляетъ намъ природа, это не должно считать необходимымъ. Эмбріональные зародыши, млекопитающихъ такъ сходны, что — за исключеніемъ незначительнаго различія по величинѣ—самый лучшій микроскопъ и самый тонкій анализъ не въ состояніи открыть различіе между зародышами волка, лошади и человѣка. Конечно, кто могъ бы своимъ взоромъ проникнуть за предѣлы чувственнаго міра въ глубочайшія основы сущаго, тотъ пророчески могъ бы прозрѣть будущее этихъ неразвернувшихся организацій. Кто видѣлъ грековъ въ то время ихъ жизни, когда они еще можетъ быть приносили человѣческія жертвы, тотъ едва ли могъ различить ихъ отъ служителей Ваала и Молоха. Но кто могъ бы по историческому зародышу прочитать его духовное будущее, т. е. кто имѣлъ бы даръ пророчества, тотъ навѣрное нашелъ бы ихъ совершенно различными и усмотрѣлъ бы въ однихъ только грубыхъ рабовъ Молоха, а въ другихъ нѣчто такое, чтобы стать сынами Божіими—Фидіями, Софоклами и Платонами. Точно также и предки человѣка навѣрное отличались отъ предковъ животныхъ внутреннимъ тонкимъ выраженіемъ на своей физіономіи, и какъ изъ глазъ дитяти часто смотритъ на насъ съ удивительнымъ и трогательнымъ глубокомысліемъ его зарождающаяся душа, такъ и сокровенная молчаливая тайна человѣческой души могла выдать себя во взглядѣ и выраженіи первичнаго организма чѣмъ-нибудь понятнымъ, выразительнымъ, глубокимъ. И если бы духъ, проникающій въ глубину сущности, могъ сквозь глаза этихъ твореній заглянуть въ тайники ихъ душъ и провидѣть печальное искаженіе и аномаліи, которымъ впослѣдствіи подверглась человѣческая природа, кто знаетъ, не изрекъ ли бы онъ:

Wie gross war diese Welt gestaltet,
So lang' die Knospe sie noch barg;
Wie wenig auch hat sie entfaltet,
Dies wenige wie klein, wie karg (см. S. 130—134).

Такъ какъ и люди и животныя произошли отъ одного прародителя, въ которомъ объединялись свойства, присущія человѣку и животнымъ, то изъ этого вытекаетъ, что существо, отъ котораго произошли и люди и животныя, не могло

быть вполнѣ похоже ни на человѣка въ его настоящемъ вполнѣ сформированномъ видѣ, ни на животныхъ. Оно должно было удержать основныя черты того и другого уклада—занимать средину между ними. Нынѣшняя форма человѣка не есть „даръ природы или Божества", а наслѣдство, доставшееся ему послѣ вѣкового развитія безъ разумно-свободнаго содѣйствія съ его стороны. Этимъ развитіемъ въ значительной мѣрѣ заправляло психическое начало, живущее въ человѣкѣ, хотя и не свободно. Міръ сновидѣній и ночная жизнь души играли въ этомъ развитіи весьма важную роль (объ этомъ у Снеля говорится въ посмертномъ изданіи, въ главѣ: Seilentriebe bauen den Leib und bewirken die Hoherbildung der Gattungen). Съ нашей стороны была бы совершенно напрасной попытка воспроизвести образъ первобытнаго предка, въ которомъ исчезало различіе между животнымъ и человѣкомъ точно такъ же, какъ и ближайшихъ къ нему по времени первенцовъ: мы должны навсегда отказаться отъ мысли воспроизвести ихъ образъ. „Земля въ своихъ глубинахъ скрываетъ ихъ останки, и если мы найдемъ ихъ, то не узнаемъ."

Признавъ такимъ образомъ, что нельзя возстановить образъ первобытнаго предка, Снель тѣмъ не менѣе старается набросать нѣсколько чертъ, по которымъ можно судить о его наружности. Въ первый великій періодъ творенія организмовъ—въ періодъ палезоическій, когда еще не было населенныхъ странъ, и вся жизнь заключалась въ текучихъ элементахъ, уже находятся основныя черты позвоночныхъ животныхъ, къ которымъ по своей организаціи принадлежитъ и человѣкъ. Обыкновенно всѣхъ позвоночныхъ палезоическаго періода называютъ рыбами, основываясь только на томъ, что они жили въ водѣ. Съ современными чешуйчатыми рыбами они не имѣли ничего общаго. Впрочемъ, въ ихъ загадочныхъ странныхъ формахъ мы не должны искать фигуры маіоратнаго владѣльца. Эти формы представляли собою нѣчто сравнительно установившееся, въ нихъ очень замѣтно выступали черты животнаго уклада такъ, что по нимъ можно было гадать о младшихъ членахъ фамиліи. Замѣчательно, что въ глубочайшихъ древнѣшихъ слояхъ перваго періода, мы не находимъ никакихъ остатковъ позвоночныхъ животныхъ.

Весьма вѣроятно, что тѣ организмы, которымъ предназначено было совершать свое дальнѣйшее развитіе на сушѣ, во время своей жизни въ водѣ не развились до установившихся и твердыхъ формъ, а жили въ ней какъ слабые головастики, и только по мѣрѣ выхода на воздухъ и на сушу формировались ихъ части и члены, какъ въ наше время это дѣлается съ лягушками. (Это сравненіе Снеля навѣяно на него, очевидно, прежде существовавшими теоріями о происхожденіи человѣка отъ гигантской допотопной лягушки. А эта теорія была подсказана создавшимъ ее отчасти тѣмъ обстоятельствомъ, что лягушка есть единственное изъ животныхъ, имѣющее, какъ и человѣкъ, икры).“ Такимъ образомъ, эти первыя позвоночныя животныя могли исчезнуть и вымереть безъ малѣйшаго вреда для дальнѣйшихъ генеалогическихъ родовъ позвоночныхъ животныхъ. Понятно, что творенія съ задатками высшаго развитія должны были трудиться дальше надъ своей внутренней обработкой, пока не выработали, себѣ прочныхъ формъ“ (S. 106, 108—110). Таково своеобразное ученіе Снеля.

Отъ нѣмцевъ перейдемъ въ Англію. Ляйэль, какъ и Дарвинъ, склонился здѣсь къ ученію о происхожденіи человѣка отъ обезьяны. Въ своихъ „Основахъ геологіи“ онъ говоритъ объ этомъ неясно, онъ склоняется къ мнѣнію, что человѣческій родъ произошелъ отъ одной пары, мнѣніе, которое понятно, не пріемлется эволюціонною доктриною. Но въ сочиненіи „Геологическія доказательства древности человѣка“ онъ рѣшительно становится на сторону эволюціонной теоріи происхожденія человѣка и высказываетъ одну мысль, которой нѣтъ у Дарвина, и ради которой и слѣдуетъ отмѣтить его взглядъ. Дарвинъ происхожденіе человѣка приписываетъ вліянію безконечно малыхъ измѣненій, Ляйэль высказываетъ мысль о возможности скачковъ въ развитіи органическаго міра. „Мы несогласны съ мнѣніемъ, говоритъ онъ, что теорія измѣнчивости и естественнаго подбора необходимо заставляетъ насъ принять существованіе совершенно незамѣтнаго перехода отъ инстинкта высшихъ животныхъ къ совершенствующемуся уму человѣка. Рожденіе необыкновеннаго генія отъ родителей, не показывающихъ особыхъ умственныхъ способностей, стоящаго выше своего вѣка или племени, представляетъ явленіе, которое не слѣдуетъ упускать изъ

виду при разсмотрѣніи того, не представляютъ ли иногда послѣдовательныя ступени развитія случайныхъ скачковъ и перерывовъ въ непрерывной въ другихъ отношеніяхъ цѣпи психическихъ измѣненій".

Третьимъ (послѣ Дарвина и Ляйэля) англійскимъ ученымъ, предложившимъ свой взглядъ на пройсхожденіе человѣка, является Уоллэсъ. Уоллэсъ признаетъ, что человѣкъ произошелъ отъ животныхъ родоначальниковъ, но только путемъ не одного естественнаго, а и искусственнаго подбора. Естественный подборъ сохраняетъ въ борьбѣ за существованіе только приспособленнѣйшихъ, естественный подборъ образуетъ и фиксируетъ только тѣ признаки у животныхъ, которые имъ полезны. Но при подборѣ искусственномъ подбирающее разумное лицо можетъ фиксировать тѣ или иные признаки ради какой нибудь отдаленной цѣли. Изучая человѣка съ его физической и психической стороны, Уоллэсъ приходитъ къ заключенію, что въ физической и психической организаціи дикарей находится много такого, что имъ совершенно не нужно, и что заложено въ нихъ ради отдаленныхъ цѣлей, дикарь, напримѣръ владѣетъ мозгомъ философа, а на самомъ дѣлѣ ему нуженъ мозгъ немного больше того, который имѣетъ обезьяна. Должно полагать, по Уоллэсу, что большой мозгъ образованъ въ дикарѣ ради его будущаго цивилизованнаго состоянiи, когда онъ съ пользою будетъ употреблять его. Мягкая, голая, чувствительная кожа, лишенная волосъ, замѣчательно совершенное строеніе рукъ и ногъ, чрезвычайно сложное, строеніе гортани, всѣ эти свойства совершенно ненужныя, а иногда и вредныя для дикарей, понятно, не могли произойти путемъ естественнаго подбора. Относительно сферы духовной Уоллэсъ говоритъ: „многія изъ умственныхъ способностей дикаря не имѣютъ никакого приложенія ни къ отношенію его къ своимъ собратіямъ, ни къ улучшенію матеріальной стороны его существованія. Понятіе о вѣчности и безконечности и всѣ чисто отвлеченныя представленія о формѣ, числѣ и гармоніи, играющія такую важную роль въ жизни цивилизованныхъ племенъ, находятся совершенно внѣ круга идей дикаря и не имѣютъ никакого вліянія ни на индивидуальность, ни на его племенное существованіе. Такія свойства, слѣдовательно, не могли развиться путемъ сохраненія полезныхъ формъ мысли,

а между тѣмъ мы находимъ случайные слѣды ихъ и при низкой степени цивилизаціи и еще въ такое время, когда они не могли имѣть никакого практическаго вліянія на благосостояніе отдѣльныхъ особей или семействъ и племенъ. Точно также мы не можемъ объяснить естественнымъ подборомъ развитія нравственнаго чувства или сознанія". Всѣ эти признаки, однако, необходимы человѣку для его развитія и они были заложены и развиты въ немъ, по мнѣнію Уоллэса, рода отдаленнѣйшихъ цѣлей цивилизаціи. „Я вывожу изъ этого ряда явленій, говоритъ онъ, оканчивая свое разсужденія о происхожденіи человѣка (стр. 328—391), то заключеніе, что нѣкоторое высшее интеллигентное существо давало опредѣленное направленіе развитію человѣка, направляло его къ спеціальной цѣли совершенно такъ, какъ человѣкъ руководитъ развитіемъ многихъ животныхъ и растительныхъ формъ. Законы развитія сами по себѣ, можетъ быть, никогда не произвели бы зерна столь хорошо приноровленнаго къ нуждамъ человѣка, какъ пшеница или маисъ, не произвели бы такихъ плодовъ, какъ, безсѣменные бананы и плоды хлѣбного дерева, или такихъ животныхъ, какъ гернейскія дойныя коровы и лондонскія ломовыя лошади. Но всѣ приведенныя формы такъ похожи на тѣ, которыя произведены природой безъ вмѣшательства человѣка, что мы легко можемъ себѣ представить, что лицо, основательно знакомое съ законами геологическаго развитія органическихъ формъ, не захочетъ повѣрить, чтобы въ произведеніи ихъ участвовала какая то особая новая сила и презрительно отвергнетъ теорію (какъ можетъ быть и моя теорія будетъ отвергнута многими, согласными со мной въ другихъ пунктахъ)—отвергнетъ теорію, что въ этихъ немногихъ случаяхъ нѣкоторая разумная сила для собственныхъ цѣлей направляла и контролировала дѣйствіе законовъ измѣнчивости, размноженія и переживанія приспособленнѣйшихъ. Однако, мы знаемъ, что такая сила въ разсматриваемомъ примѣрѣ участвовала, поэтому мы по крайней мѣрѣ должны допустить возможность того, что, если мы не высшія интеллигентныя существа всей вселенной, то нѣкоторое высшее, чѣмъ мы, интелигентное существо направляло процессъ развитія человѣческаго рода, направляло при томъ такими тонкими средствами, о которыхъ мы даже не можемъ

составить себѣ понятія по тѣмъ, которыми сами располагаемъ. Въ то же время я долженъ сознаться, что эта теорія неудобна тѣмъ, что требуетъ вмѣшательства какой то разумной индивидуальности, въ образованіе того, что мы можемъ разсматривать какъ конечную цѣль всего органическаго міра, т. е. въ образованіе интеллектуальнаго и нравственнаго безконечно совершенствующагося человѣка. Теорія эта заставляетъ допустить, что великіе законы, управляющіе матеріальнымъ міромъ, недостаточны для произведенія человѣка или, по крайней мѣрѣ, мы должны допустить и при томъ на вѣру контроль высшей интеллигенціи, какъ необходимую составную часть этихъ законовъ, настолько же необходимую, насколько необходимо дѣйствіе окружающей среды для развитія органическаго міра".

Противъ теоріи Уоллэса, какъ онъ и предвидѣлъ, возстали очень многіе чистые дарвинисты, можно даже пожалуй сказать, что онъ остается единственнымъ послѣдователемъ своей теоріи. Въ Англіи противъ него поднялись Дарвинъ, Стеенструпъ, Клапарэдъ, у насъ въ Россіи противъ него писалъ Вагнеръ. А нѣкоторые русскіе ученые (бывшій профес. Петровск. Академіи Линдеманъ) поступили съ его теоріею очень своеобразно, онъ перевелъ на русскій языкъ его книгу о естественномъ подборѣ, выкинувъ изъ нея трактатъ о происхожденіи человѣка и замѣнивъ его заявленіемъ, что и человѣкъ произошелъ по указаннымъ принципамъ естественнаго подбора. На ученіе Уоллэса о происхожденіи человѣка не было сдѣлано никакого намека. Безъ сомнѣнія, это самый простой и въ то же время самый цѣлесообразный способъ предохраненія общества отъ вліянія на него идей, которыя переводчику кажутся несостоятельными и вредными.

Изъ Англіи перейдемъ во Францію. Здѣсь не безынтересно отмѣтить своеобразное ученіе Нодена о происхожденіи человѣка, поставляемое имъ въ связь съ теоріею происхожденія видовъ и—по его мнѣнію—согласное съ ученіемъ Библіи.

Исходное начало, изъ котораго развился весь органическій міръ, Ноденъ видитъ въ протоплазмѣ или первоначальной бластемѣ, ни происхожденія, ни начала дѣйствованія которой онъ не находитъ возможнымъ объяснить. Подъ вліяніемъ органо-пластической или эволюціонирующей силы изъ бластемы образовались протоорганизмы—весьма простые по

своей структурѣ, безполые и обладающіе свойствомъ производить отпрысками мезоорганизмы—нѣчто болѣе сложное, чѣмъ они сами. Эти мезоорганизмы въ свою очередь производили существа нѣсколько болѣе сложныя, чѣмъ сами. Новопроизводимые организмы отличались не только отъ производившихъ, но и между собою. Такъ отъ поколѣнія къ поколѣнію формы умножались, и природа быстрыми шагами шла къ состоянію зрѣлости. Но существа, о которыхъ идетъ рѣчь, еще не были видами, это были только переходныя ступени, видъ личинокъ, единственная роль которыхъ состояла въ томъ, чтобы быть посредствующими между первоначальной бластемой и опредѣленными формами. Разсѣянныя по различнымъ странамъ земного шара, они всюду несли сѣмена будущихъ формъ, которыя должна была произвести изъ нихъ эволюціонирующая сила. Изъ творческой, какою она была вначалѣ, эта сила, истощаясь вслѣдствіе своей собственной дѣятельности, стала консервативной. Тогда формы интегрировались, однако онѣ сохраняютъ остатокъ пластичности, онѣ варіируютъ подъ вліяніемъ извѣстныхъ условій и отсюда происходитъ множество формъ, изъ которыхъ нѣкогда тоже могутъ образоваться виды.

Прото и мезо-организмы заключали въ себѣ самихъ—каждый сообразно съ своимъ мѣстомъ въ родѣ — рудименты царствъ, типовъ, классовъ, порядковъ, семействъ, родовъ. Мѣста, гдѣ они фиксировались, стали потомъ центрами творенія. Они однако не произвели сразу всѣ формы, которыя заключали въ возможности. Существуютъ значительные интервалы между послѣдовательными произведеніями живыхъ существъ; чѣмъ объясняется, почему группы одного и того же порядка не были современными.

Органическіе типы—даже и мало различающіеся между собою—не могли произойти одни отъ другихъ. Вообразимъ, говоритъ Ноденъ, мезоорганизмъ, который бы былъ порядкомъ млекопитающихъ. Со времени его появленія на землѣ всѣ порядки млекопитающихъ — включая порядокъ человѣка—заключались бы въ немъ, но очевидно, что мезоорганизмъ, отъ котораго впослѣдствіи долженъ былъ произойти порядокъ А, потенціально долженъ былъ отличаться отъ мезоорганизма, отъ котораго имѣлъ произойти порядокъ В, ибо въ каждомъ изъ этихъ мезоорганизмовъ эволюціониру-

щія силы, имѣя произвести въ будущемъ различные порядки, были распредѣлены различнымъ образомъ. Явленіе это подобно образованію органовъ въ зародышѣ во время роста. Тамъ мы видимъ, что изъ общаго и единообразнаго начала выходятъ совершенно подобныя части, которыя въ дальнѣйшемъ развитіи различаются между собою.

Изъ этого видно, что Ноденъ призываетъ въ опору своему воззрѣнію эмбріогеническія явленія, въ которыхъ дарвинисты, въ свою очередь, видятъ опору своей теоріи. Но кромѣ того ученый ботаникъ придаетъ много значенія тѣмъ метаморфозамъ, которыя совершаются отъ яйца. Онъ видитъ истинные прото-организмы въ про-эмбріонахъ мушекъ, въ личинкахъ насѣкомыхъ и множествѣ иныхъ низшихъ животныхъ. Онъ обращаетъ особенное вниманіе на явленіе чередующихся поколѣній, какъ представляющихъ образъ того, что происходило нѣкогда, или—лучше—какъ воспроизводящихъ отчасти „древній или всеобщій процессъ творенія“.

По мнѣнію Нодена, человѣкъ подчиненъ общему закону, и повѣствованіе Моисея есть вмѣстѣ и совершенно истинное и глубоко назидательное. Въ своей первой фазѣ человѣчество заключалось въ глубинѣ нѣкотораго временнаго (переходнаго) организма, уже рѣзко отличавшагося отъ другихъ и не могшаго слиться съ ними. Изъ первичной бластемы, названной въ Библіи земнымъ прахомъ (limon) является Адамъ. Онъ при своемъ появленіи, собственно говоря, не былъ ни мужчиной, ни женщиной: оба пола не были дифференцированы. Изъ этого личинкообразнаго человѣчества эволюціонирующая сила произведетъ видъ. Но для того, чтобы совершилось это великое событіе, нужно, чтобы Адамъ прошелъ черезъ состояніе неподвижное и безсознательное, совершенно аналогичное состоянію куколокъ у насѣкомыхъ подверженныхъ метаморфозамъ. Это состояніе было тѣмъ сномъ, о которомъ говоритъ Библія, и въ теченіе котораго совершился процессъ дифференцированія, аналогичный подобному процессу у медузъ и асцидій. Человѣчество, такъ образовавшееся, сохранило въ себѣ достаточно эволюціонирующей силы, чтобы произвести различныя расы. (О теоріи Нодена, см. у Quatrefages'a L' Espèce humaine 1878 pp. 89—91).

5.

Палеонтологическія открытія, приводимыя въ доказательство десцендентнаго происхожденія человѣка.

Естественное происхожденіе человѣка считается постулатомъ естествознанія точно также, какъ и естественное возникновеніе первоначальной жизни. Со второй половины XIX столѣтія содержаніе этихъ постулатовъ было расширено и жизнь вообще и человѣкъ произошли эволюціоннымъ путемъ. Постепенно неорганическое вещество преобразовывалось въ органическое, постепенно животное преобразовывалось въ человѣка. Первое допускаетъ возможность лабораторной провѣрки, второе допускаетъ возможность провѣрки палеонтологической. Если человѣкъ имѣетъ непрерывный рядъ преходовъ, возводящихъ его къ первоорганизмамъ, если родословная его—хотя и не такая аристократичная, какъ предполагали прежде, но за то несравненно длиннѣйшая—обнимаетъ собою всѣ періоды существованія жизни на землѣ, то необходимо допустить, что его предки оставили слѣды своего существованія на землѣ и задача палеонтологической антропологіи—наукѣ объ ископаемомъ человѣкѣ—состоитъ въ томъ, чтобы по найденнымъ слѣдамъ и останкамъ возстановить образъ человѣка прошедшаго, отъ котораго произошелъ человѣкъ современный. Человѣкъ, вводимый зоологами въ ихъ систему, называется homo sapiens, и вотъ теперь пытаются установить, что раньше, чѣмъ на землѣ явился homo sapiens на землѣ жилъ homo primigenius; останки этого предполагаемаго предшественника и предка человѣчества немногочисленны. Поучительно сдѣлать ихъ краткое обозрѣніе, чтобы видѣть, къ чему сводятся прямыя данныя въ пользу животнаго происхожденія человѣка.

На первомъ мѣстѣ въ ряду останковъ ископаемаго человѣка помѣщается неандертальскій черепъ, найденный въ Рейнской провинціи, недалеко отъ Дюссельдорфа, въ Неандерской долинѣ.

Въ высшей степени любопытно, что Дарвинъ, который въ немъ долженъ бы былъ находить себѣ опору, видитъ въ немъ очень обыкновенный человѣческій черепъ. (Дарвинъ,

О происхожденіи человѣка т. 1 стр. 162). Вирховъ, изслѣдовавъ неандертальскій черепъ, склонился въ тому, чтобы видѣть въ немъ патологическое исключеніе. Черепъ, по его мнѣнію, носитъ слѣды того, что обладатель его страдалъ ломомъ въ костяхъ (malum Senile или arthritis chronica deformans), потомъ на немъ будто бы явны слѣды механическаго сдавливанія, особенно въ чешуѣ затылочной кости,—въ томъ мѣстѣ, которое въ обычныхъ случаяхъ именно отличается закругленностью и ровностью. Третій рядъ паталогическихъ измѣненій въ неандертальскомъ черепѣ представляютъ, по Вирхову, измѣненія внутренней поверхности черезъ отношеніе новыхъ костяныхъ образованій, именно въ большей части протяженія на лобной кости (Platz. der Mensch. S. 31—32). Катрфажъ, подвергшій тщательному изслѣдованію неандертальскій черепъ, говоритъ слѣдующее: „эпитеты животнаго, обезьяньяго, часто прилагавшіеся къ черепу, неандертальскому и къ тѣмъ, которые походили на него, догадки, пущенныя въ ходъ относительно индивидуумовъ, къ которымъ онъ принадлежалъ, могли бы заставить думать, что нѣкоторая интеллектуальная и нравственная низость необходимо связываются съ этою формою черепа. Легко доказать, что это положеніе принадлежитъ къ числу дурно обоснованныхъ. На антропологическомъ конгрессѣ въ Парижѣ К. Фогтъ указалъ на одного изъ своихъ друзей доктора Эмейера, черепъ котораго совершенно тожественъ съ черепомъ неандертальскимъ, и который тѣмъ не менѣе— врачъ, принадлежащій къ числу самыхъ лучшихъ. Осматривая копенгагенскій музей, я былъ пораженъ совершенно подобными чертами, которыя представлялъ одинъ изъ череповъ коллекціи. Оказалось, что это былъ черепъ Кай Ликке, датскаго дворянина, который игралъ нѣкоторую политическую роль въ XVII вѣкѣ. Гордонъ опубликовалъ рисунокъ головы св. Mansny, епископа IV вѣка, и эта голова воспроизводитъ самыя выдающіяся черты неандертальскаго черепа. Лобъ еще болѣе остръ, черепной сводъ еще болѣе пониженъ. Наконецъ, голова Брюса, шотландскаго героя, воспроизводила типъ канштадскій. Въ присутствіи этихъ фактовъ должно признать, что тотъ индивидуумъ, остатки котораго нашли въ неандертальской пещерѣ, могъ имѣть всѣ интеллектуальныя и нравственныя качества, совмѣстныя съ его

низшимъ соціальнымъ положеніемъ. (Quatrefages, L'Espéce humaine p. 231).

Въ 1886 г. въ августѣ мѣсяцѣ на антропологическомъ конгрессѣ въ Намурѣ два антрополога Charles de Puydt и Lohest сдѣлали сообщеніе, которое, намъ кажется, вполнѣ рѣшаетъ вопросъ о неандертальскомъ черепѣ и рѣшаетъ его безповоротно въ пользу взгляда Катрфажа. Названные антропологи въ гротѣ Biche aux roches близь Spy нашли два скелета. Лица, которымъ они принадлежали, очевидно, были погребены, ибо кости, разбитыя тяжестью послѣдующихъ отложеній, занимали, однако, ихъ естественное положеніе. Около нихъ найдены были орудія типа мустерійскаго, кости, изображающія палки начальника, многія костяныя пластинки съ изображеніемъ тюленей, три осколка отъ горшковъ, еще выдолбленную кость, наполненную олигистомъ (желѣзнымъ блескомъ), употребляемымъ для татуированія. Одинъ изъ этихъ скелетовъ принадлежалъ женщинѣ, другой—юношѣ (швы черепа не были стерты). Черепа ихъ воспроизводили типъ неандертальскій, кости большой толщины (9 mm), черепъ женщины чисто долихоцефальной (70), междубровная область развита недостаточно; головная мѣра другого черепа не была опредѣлена, ее можно положить приблизительно равною 75—76, такимъ образомъ, какъ поддолихоцефальную. Изученіе этихъ двухъ череповъ показываетъ въ нихъ развитіе надбровныхъ дугъ, лобныя впазушины очень замѣтны, глазныя впадины очень велики, лобъ низокъ и загнутъ назадъ, что особенно обнаруживается у женщины, затылочная область и преимущественно можжечковая часть весьма развиты. Прогнатизмъ выступаетъ у нихъ довольно замѣтно, apophyses geni обозначены явно. Референты ничего не сообщили о платикнеміи и о полулунной вырѣзкѣ локтевой кости. Измѣренія череповъ дали цыфры, поразительно сходныя съ цыфрами, полученными отъ измѣренія неандертальскаго черепа.

	Неандертальскій черепъ	Мужской черепъ.	Женскій черепъ.
Діаметръ передне-задній.	200	200	198
„ поперечный maximum . .	144	140	150
„ лобный „ . . .	122	114	117
„ „ minimum . .	106	104	106
мозговая кривая.	90	80	92

затылочная кривая	51	60	58
темянная кривая	119	118	114
Толщина кости	10	9	9
головная мѣра	72	70	75—76
челюсть (ширина)	59		
вышина соединительной кости . .	35		
Высота зубовъ	30		
уголъ соединенія	107		

Эти цыфры ясно указываютъ, что найденные скелеты принадлежатъ къ неандертальскому типу, что этотъ типъ не есть исключеніе, а есть нормальный, что существовала раса неандертальскаго типа. Предположеніе о всемъ этомъ было гораздо раньше высказано Катрфажемъ. Открытіе въ гротѣ Biche-aux-roches представляетъ много данныхъ для сужденія о людяхъ неандертальскаго племени. Оказывается, что эти люди фабриковали каменныя орудія, утилизировали кости животныхъ, наприм., клыки слоновъ, пользовались краскою для разрисовки ихъ тѣла и одеждъ, обжигали горшки и хоронили своихъ мертвецовъ. (Nadaillac, la grot de la Biche-aux-roches. Rev. Quest Scient. 1886 p. 520). Эти данныя побуждаютъ поставить людей неандертальскаго типа выше нѣкоторыхъ изъ существующихъ племенъ, а не видѣть въ нихъ посредствующія звенья между предшественникомъ человѣка и современными низшими типами человѣчества.

Указываютъ на энгисскій черепъ, нолетскую челюсть, челюсть изъ moulin quignon, какъ принадлежащіе homo primigenius.

Мнѣнія относительно энгисскаго черепа весьма различны. Одни видятъ въ немъ черепъ расы эскимосской или австралійской, другіе (Ляйэль и Bisk) признаютъ, что онъ приближается къ современному европейскому типу. По мнѣнію Гексли, это—черепъ человѣческій средней мѣры, который также легко могъ заключать мозгъ философа, какъ и мозгъ необразованнаго дикаря. Мортилье въ сообщеніи, читанномъ имъ въ антропологическомъ обществѣ въ Парижѣ въ 1882 г. заявилъ, что этотъ черепъ нельзя считать ни ископаемымъ, ни принадлежащимъ къ первому отдѣлу четвертичной эпохи. Вотъ его основанія. Черепъ былъ найденъ въ гротѣ, носящемъ явные слѣды того, что онъ былъ погребальнымъ, но человѣкъ палеолитическаго вѣка не хоронилъ своихъ мер-

твецовъ (нѣкоторые антропологи продолжаютъ утверждать это и теперь, несмотря на очевидность фактовъ, ихъ опровергающихъ). Два зуба—lamna, которые, видно, человѣкъ носилъ какъ украшеніе и костяное шило, найденное съ костями указываетъ на индустрію вѣка полированнаго камня. а не оббитаго. Наконецъ въ энгіесѣ слои были перемѣшаны. чего не подозрѣвалъ Шперлингъ, при опредѣленіи отложеній, потому что тамъ находятся раковины helix pomalia, останки курицы, носорога и мамонта, что представляетъ соединеніе совершенно невозможное (Arcelin L'âge du cranc d'Engic. R. Qs. T. 12). Ставя знакъ вопроса надъ перемѣшанностью слоевъ, трудно оспаривать значеніе археологическихъ находокъ, указываемыхъ Мортилье, а значеніе ихъ сводится къ тому, чтобы энгисскій черепъ, какъ и неандертальскій, выкинуть изъ числа принадлежащихъ обезьяноподобнымъ людямъ. Послѣ этого у эволюціонистовъ не осталось ни одного черепа, поддерживающаго ихъ теорію.

Особенность нолетской челюсти, отсутствіе apophysis geni, подавшее поводъ Мортилье отрицать существованіе способности рѣчи у шеллійскаго человѣка, не представляется въ глазахъ другихъ имѣющею такое значеніе. Къ apophysis geni прикрѣпляются мускулы языка, Мортилье изъ отсутствія перваго выводитъ заключеніе о несуществованіи послѣднихъ. Но ему возражали, что во 1) послѣдніе у нолетскаго человѣка могли быть прикрѣплены и иначе, во 2) изъ единичнаго случая нельзя дѣлать такого широкаго заключенія, которое позволяетъ себѣ дѣлать французскій антропологъ. Нолетская челюсть могла быть патологическимъ исключеніемъ. Болѣе вѣроятнымъ, впрочемъ, считали первое (особый способъ прикрѣпленія мускуловъ), а не второе. Dawkins. составившій подробное описаніе особенностей доисторическихъ череповъ, совсѣмъ не упомянулъ объ этой нолетской челюсти, потому, полагаютъ, что онъ не придавалъ ей никакого значенія, потому что она есть и у нѣкоторыхъ современныхъ людей и при томъ вовсе не сопровождается тѣми пагубными послѣдствіями, которыя указываетъ Мортилье (Platz, Der Mensch. S. 33—34). Тѣмъ не менѣе до 1887 г. нолетская челюсть всегда выставлялась дарвинистами, какъ одно изъ довольно сильныхъ доказательствъ истинности ихъ теоріи. Но болѣе оно уже не будетъ приводиться, какъ та-

ковое доказательство. Топинаръ—самъ дарвинистъ—посѣтилъ Брюссель, гдѣ она находится, и изслѣдовалъ ее. Оказалось, что apophysis geni у ней существуетъ, какъ обыкновенно и у всѣхъ другихъ людей. Онъ не былъ замѣченъ сначала только потому, что челюсть была дурно вымыта. (Arcelin, la mâchoire de la Naulette. Rev. Quest. Scient. 1887 г. T. 21).

Челюсть изъ moulin quignon была предметомъ многихъ споровъ и внимательнаго изслѣдованія. Прежде всего ея подлинность оспаривалась и оспаривается многими и не безъ успѣха. Челюсть найдена была близъ Аббевиля, мѣстности, съ которою связано печальное воспоминаніе о томъ, какъ ученыхъ обманывали невѣжды (продавая имъ за весьма дорогую цѣну дѣлавшіяся ими кремневыя орудія, которыя выдавали за доисторическія). Ляйэль склонялся къ мнѣнію, что Муленская челюсть — подлинная, указывая на то, что она покрыта известковыми инкрустаціями, для образованія которыхъ требуется значительное время. Но никто, вѣдь, не говоритъ, что эта челюсть новая, она, можетъ быть, имѣетъ за собою два тысячелѣтія—этого вполнѣ достаточно для образованія инкрустацій—и тѣмъ не менѣе она могла принадлежать человѣку неолитическаго и даже металлическаго вѣка и была перенесена рабочими въ moulin quignon. Было сообщено, что какой-то рабочій изъ Мотора (близъ Аббевиля), сносившійся съ рабочими moulin quignon въ 1862 г. нашелъ два скелета въ старой засыпанной (кельтской?) гробницѣ. Буше де Пертъ впослѣдствіи пріобрѣлъ эти скелеты, у одного изъ нихъ, индивидуума лѣтъ 10—12, сохранились всѣ личныя кости, а нижняя челюсть его оказалась поразительно сходною съ челюстью муленскою. Обнаруживающееся между ними различіе могло имѣть причиною различіе возраста. Было высказано предположеніе, что неоказавшаяся челюсть у другого скелета была похищена рабочимъ, перенесена и погребена въ Moulin quignon и затѣмъ указана Буше де Перту (въ 63 г.). Предположеніе это весьма вѣроятно и доселѣ не поколеблено. Ляйэль возражаетъ противъ этого предположенія на основаніи того, что челюсть маньерскаго (гдѣ нашли гробницу) ребенка не покрыта чѣрными отложеніями, но послѣднія, намъ кажется, могли налечь на муленскую челюсть въ теченіе того года, который она пролежала на новомъ мѣстѣ въ темномъ песчанистомъ

гравіи, содержащемъ въ себѣ много окиси желѣза и марганца. Поэтому вовсе нельзя считать непоколебленнымъ мнѣніе, что эта челюсть не принадлежитъ примитивному человѣку, а принадлежитъ лицу, жившему приблизительно за двѣ тысячи лѣтъ до нашего времени и, слѣдовательно, отстоявшему отъ обезьяны, можно сказать, также далеко, какъ и мы. Но если даже допустить, что эта челюсть подлинная, за нею рѣшительно нельзя признать никакого значенія для эволюціонной теоріи, какъ разъ оказалось, что подобныя челюсти (маньерская) встрѣчались въ неолитическую или даже металлическую эпоху. Затѣмъ, подобныя челюсти встрѣчаются, правда, какъ рѣдкое исключеніе, и у индивидуумовъ настоящаго времени. По заключенію Вирхова, эта челюсть не имѣетъ въ себѣ ничего обезьяньяго. (Platz. Der Mensch, S. 34—36).

Новѣйшее важное открытіе останковъ ископаемаго человѣка сдѣлано въ 1908 году—въ Chapelle aux-saints.

Здѣсь ясно все и отложеніе опредѣлено хорошо. Три аббата, компетентность которыхъ извѣстна, Ж. и А. Буйссони и Бардонъ, раскапывая коррецкій гротъ, собрали различныя человѣческія кости, которыя передали для изслѣдованія Булю, ученому профессору палеонтологіи въ музеѣ. Принимая во вниманіе кости животныхъ и кремни, найденные съ человѣческими останками, представляется безспорнымъ, что они принадлежатъ къ среднему четвертичному періоду, къ той его фазѣ, которую изслѣдователи доисторическаго времени называютъ эпохой Мустье. Кромѣ того, состояніе, близкое къ окаменѣнію, и морфологическіе признаки достаточно доказываютъ глубокую древность останковъ. Человѣческіе останки представляютъ собою черепъ, разбитый на множество кусковъ (но однако такъ, что было возможно реставрировать его безъ произвольныхъ предположеній), челюсть, нѣсколько позвонковъ и длинныя кости. Очевидно, они принадлежали индивидууму—старику (какъ указываетъ состояніе черепныхъ швовъ и зубной полости), роста сравнительно невысокаго (1 м. 60 сантим.=2 ар. 4 вер.), но съ очень развитою головою, поражающею своимъ животнымъ видомъ и обезьяноподобными чертами. Этотъ черепъ долихоцефальнаго типа (головной показатель=75) обращаетъ на себя вниманіе всею совокупностью своихъ признаковъ, главнѣйшіе изъ

которыхъ, по Булю, суть слѣдующіе: большая толщина костей, приплющенность мозговой коробки, скошенный назадъ лобъ, сильное развитіе надбровныхъ дугъ, выдающихся такъ же, какъ въ неандертальскомъ черепѣ и проходящихъ широкимъ желобомъ отъ отростка одной глазной впадины до такого же у другой, сильное развитіе очень сдавленной затылочной части, непрямое положеніе затылочнаго отверстія, сплющенная форма затылочныхъ мыщелковъ (выступовъ костей, служащихъ для прикрѣпленія мышцъ или входящихъ въ составъ сочлененій), малый объемъ сосцевидныхъ отростковъ. Лицо не менѣе необыкновенно. Лицевой прогнатизмъ значителенъ. Орбиты велики и выдаются. Короткій и широкій носъ отдѣленъ отъ лба глубокой складкой. Верхняя челюсть выдается впередъ, сообщая лицу характеръ животнаго рыла. Небный сводъ очень длиненъ. Края зубныхъ ячеекъ почти параллельны, какъ у антропоморфныхъ обезьянъ. Зубы неизвѣстны. Челюсть характеризуется шириною мыщелка, незначительною глубиной сигмоидальной выемки, сильною толщиною кости, кривизною соединенія и отсутствіемъ подбородка. Въ общемъ, черепъ изъ chapelle-aux-saints воспроизводитъ въ усиленномъ видѣ черты черепной крышки изъ Неандерталя и Спи, челюсть напоминаетъ нолетскую, Спи, Малярно. Это тѣмъ болѣе важно, что эти кости, найденныя въ очень отдаленныхъ пунктахъ западной Европы, принадлежатъ почти одному и тому же вѣку. Не остается сомнѣній, что въ этихъ различныхъ случаяхъ имѣютъ дѣло съ нѣкоторымъ нормальнымъ типомъ людей, которые жили въ среднемъ четвертичномъ періодѣ. Подлинность и значеніе нѣкоторыхъ изъ этихъ останковъ сильно оспаривались. Если Катрфажъ и Гами избрали неандертальскій черепъ, какъ типичный для расы, то не менѣе выдающіеся ученые какъ, Вирховъ, смотрѣли на этотъ черепъ, какъ на черепъ идіота или урода. Теперь взглядъ первыхъ находитъ себѣ подтвержденіе. Ни у какой изъ нынѣ существующихъ расъ нельзя найти всѣхъ тѣхъ чертъ низшаго типа, которыя представляетъ черепъ изъ chapalle-aux-saints. Онъ занимаетъ низшее мѣсто въ лѣстницѣ человѣчества. Въ томъ, что этотъ черепъ принадлежитъ человѣку, не можетъ быть сомнѣній. Рѣшеніе вопроса о томъ, видѣть ли въ этомъ человѣкѣ особый видъ, зависитъ отъ того, что каждый пони-

маетъ подъ видомъ. Несомнѣнно, какъ отмѣчаетъ Буль, если бы дѣло шло о хищномъ или жвачномъ, то не стали бы колебаться въ томъ, чтобы дать ему особое мѣсто въ классификаціи. Мнѣ представляется вѣрнымъ, прибавляетъ Буль, что совокупностью своихъ чертъ группа Неандерталь-Спи-Шапель-о-Сентъ представляетъ низшій типъ, приближающійся къ антропоморфнымъ обезьянамъ болѣе, чѣмъ какая-либо человѣческая группа. Морфологически, кажется, ее должно помѣстить между яванскимъ питекантропомъ и современными низшими расами, что, спѣшу я (Буль) прибавить, не рождаетъ въ моемъ духѣ мысль о существованіи прямыхъ генетическихъ связей. Во второмъ сообщеніи (21 декабря) Буль далъ нѣсколько дополнительныхъ свѣдѣній, важнаго значенія. Изъ сообщеній аббатовъ Буйссони и Бардона видно, что скелетъ былъ найденъ въ углубленіи, голова его лежала на кучѣ камней. Очевидно, онъ былъ погребенъ. Отсюда вытекаетъ, что культъ умершихъ уже существовалъ въ эту отдаленную эпоху. Это тѣмъ болѣе является основаніемъ для утвержденія, что дѣло идетъ о человѣкѣ. Человѣкъ былъ несомнѣнно примитивный, потому что онъ не зналъ употребленія огня, по крайней мѣрѣ не нашли слѣдовъ очага, обстоятельство отрицательное, не могущее имѣть большой доказательной силы. Во всякомъ случаѣ этотъ ископаемый человѣкъ могъ производить только грубыя орудія. Не видно скульптуры, нѣтъ никакихъ украшеній. Артистическія идеи не родились еще въ этомъ бѣдномъ мозгу, мы видимъ ихъ появленіе только позднѣе въ верхнемъ четвертичномъ періодѣ. Но человѣкъ, который создалъ эти интересныя произведенія скульптуры и удивительныя созданія живописи, новые образчики которыхъ открываются постоянно, стоялъ несравненно выше, чѣмъ бѣдное существо изъ chapelle aux-saints. Его мозгъ былъ развитъ гораздо болѣе. Нижняя часть головы у него сообщала лицу видъ правильный и гармоничный" (L. Pervinquiére-Le Pithecanthr. et l'homme fossile de la chapelle-aux saints. Rev. scientifique. 1909, № 2—1-er sem.).

Человѣкъ изъ chapelle-aux-saints жилъ, по мнѣнію изслѣдователей найденныхъ костей, въ эпоху Мустье. Въ доисторической хронологіи теперь руководятся преимущественно классификаціей эпохъ Мортилье. Классификація эта состав-

лена преимущественно на основаніи открытій во Франціи, но ее пытаются примѣнять всюду, тѣмъ умѣстнѣе ее было примѣнить къ находкѣ въ chapelle-aux-saints—пунктѣ, отстоящемъ очень недалеко отъ тѣхъ мѣстъ, именами которыхъ Мортилье обозначалъ доисторическія эпохи въ своей классификаціи. Древнѣйшіе европейцы не употребляли металловъ. Они жили въ каменномъ вѣкѣ. Этотъ вѣкъ подраздѣленъ на два періода: древній — палеолитическій и новый—неолитическій. Въ первый періодъ люди выдѣлывали орудія изъ камня путемъ оббивки, во второй—къ оббивкѣ они присоединили полировку, поэтому иначе эти періоды называются періодомъ оббитаго и періодомъ полированнаго камня. Въ свою очередь каждый изъ этихъ періодовъ подраздѣляется на эпохи. Палеолитическій обнимаетъ собою шелльскую, ашеллійскую (первоначально Мортилье объединялъ эти двѣ эпохи), мустье, солютрэ, магдаленъ. Эпоха Мустье (названіе отъ пещеры въ Дордоньи) наиболѣе характеризуется орудіемъ, носящимъ названіе „остріе мустье“. Это—усовершенствованный coup de poing (кулачный ударъ) предшествовавшихъ эпохъ. Тамъ онъ представлялъ собою камень болѣе длинный, чѣмъ широкій, заостренный съ одного конца и округленный съ другого, онъ двусторонне симметриченъ. Въ эпоху Мустье онъ является болѣе заостреннымъ съ одной стороны стесаннымъ, такъ что онъ становится гораздо легче. Еще Мустье характеризуется каменнымъ скребкомъ, можетъ быть для обдиранія древесной коры или шкуръ. Костяныя орудія отсутствуютъ. Послѣдующее время палеолитическаго періода характеризуется усовершенствованіемъ и дифференціаціей орудій и развитіемъ искусствъ. По мнѣнію Мортилье человѣкъ палеолитическаго періода не имѣлъ религіи и не хоронилъ своихъ мертвецовъ. Многіе оспаривали этотъ тезисъ. Новое открытіе идетъ также противъ Мортилье. Обезьяноподобный человѣкъ Мустье, оказывается, имѣлъ культъ умершихъ. Едва ли справедливо утверждать, что этотъ человѣкъ имѣлъ только то, что нашли въ chapelle-aux-saints. Argumenta e silentio всегда должны быть принимаемы cum grano salis. Но и теперь указываютъ нѣчто весьма высокое въ этомъ человѣкѣ типа Мустье: онъ въ своей заботѣ о мертвыхъ уже стремился къ вышечеловѣческому, думалъ и заботился о томъ, что лежало за предѣлами земного существованія.

Одновременно съ открытіемъ въ Chapelle—aux—saints Гаузеръ открылъ скелетъ неандертальскаго типа въ Мустье. Около скелета было найдено много орудій. Скелетъ указываетъ, что покойнику сообщили положеніе спящаго человѣка. Голова обращена на право съ лицомъ нѣсколько склоненнымъ внизъ, правая щека лежитъ на локтѣ нѣсколько приподнятой правой руки, лѣвая рука протянута впередъ, подъ ладонью находится прекрасно обдѣланный миндалевидный „ударъ кулака“ сенташельскаго типа и отлично обдѣланный скребокъ типа Мустье. Подъ правымъ локтемъ и верхнею правою частью головы были хорошо выбранные, плоскіе кремневые камни. Подо лбомъ лежала обдѣланная кремневая плитка. Затѣмъ кремни были расположены такъ, какъ будто они защищали лицо. Кромѣ этого около трупа и вмѣстѣ съ нимъ было смѣшано множество костей животныхъ, носящихъ на себѣ слѣды огня. Обыкновенно это считается слѣдами похороннаго пира или указаніемъ на то, что умершаго снабжали съѣстными припасами. Скелетъ повидимому принадлежалъ индивидууму мужескаго пола лѣтъ пятнадцати. Клаатшъ опредѣлилъ, что онъ принадлежалъ къ неандертальской расѣ. Ему удалось извлечь бедровую кость, берцовую, локтевую и одно ребро и во всѣхъ этихъ костяхъ, не смотря на то, что они принадлежали очень юному лицу, отмѣтить существенныя черты неандертальскаго типа. Короткіе размѣры и неуклюжесть этихъ трубчатыхъ костей указывали на неандертальскій типъ. Особенно на это указывала сильная кривизна ребра—признакъ, которымъ неандертальская форма отличается отъ всѣхъ нынѣ живущихъ расъ и чѣмъ она приближается къ антропоморфнымъ обезьянамъ. Небольшіе размѣры роста и короткія конечности напоминаютъ нынѣшнія арктическія расы, но не первобытныя расы южнаго полушарія, у которыхъ локтевая и лучевая кости вовсе не коротки. Въ черепѣ ясно выражено громадное развитіе зубной и челюстной области. Клаатшъ находитъ возможнымъ говорить здѣсь, какъ и при разсужденіи о многихъ австралійцахъ, не о лицѣ, а о рылѣ. Носъ у скелета помѣщался на выдавшейся впередъ закругленной части рыла, зубы были роскошно развиты, зубы мудрости еще не вышли изъ челюстей, остальные зубы обнаруживаютъ юношескую свѣжесть рельефа, которой еще не приходилось

наблюдать ни у одного индивидуума неандертальской расы. Вообще зубная область напоминаетъ находки изъ Крапины (въ Австріи); ненормальнымъ представляется то, что нижній лѣвый клыкъ не вышелъ, вмѣсто него остался маленькій молочный зубъ. Массивная нижняя челюсть заставляетъ предполагать отступающій назадъ подбородокъ низшаго человѣческаго типа. Развитіе надбровныхъ дугъ, глазныя впадины, разстояніе между ними, все соотвѣтствуетъ неандертальскому типу, нѣтъ только морщины на лобной чешуѣ между глазными орбитами, но она не соотвѣтствуетъ юношескому возрасту скелета. По Клаатшу если у гориллы укоротить руки и удлинить ноги, то она приблизится къ изслѣдованному имъ человѣку Мустье. Массивность костей также сближаетъ мустьерца съ большими африканскими обезьянами, а вмѣстѣ и съ африканскими неграми. Въ новой находкѣ, какъ еще въ гибралтарскомъ черепѣ, хорошо сохранилась лицевая часть. Отъ громадныхъ глазныхъ орбитъ заключаютъ къ малому количеству мозга, по строенію лицевыхъ костей Клаатшъ, заключаетъ, что носъ мустьерца, какъ и носъ многихъ австралійцевъ, былъ необыкновенно широкъ.

Позволительно думать, что эта мустьерская находка подсказываетъ прежде всего два вывода: 1) что неандертальская раса существовала дѣйствительно и 2) что человѣкъ неандертальской расы былъ столько же homo sapiens, сколько и современные некультурные народы. Мустьерецъ былъ погребенъ очень тщательно; несомнѣнно на его трупѣ была принесена жертва; орудія и останки животныхъ положенные съ нимъ указываютъ, что его сородичи вѣровали въ будущую жизнь и имѣли о ней опредѣленныя представленія. Поучительно, что погребальный обрядъ былъ совершенъ почти надъ мальчикомъ.

Немного ранѣе, чѣмъ мустьерскій скелетъ, именно въ концѣ 1907 года около Гейдельберга въ такъ называемой гейдельбергской стѣнѣ была найдена челюсть, изслѣдованіе о которой позднѣе опубликовалъ Шётенсакъ и которую склонны считать древнѣйшею изъ извѣстныхъ человѣческихъ останковъ. Фауна, среди которой она была найдена, относится даже къ третичному періоду—къ верхнему пліоцену (Rhinoceros etruscus). Если бы отъ челюсти сохранилась

только часть, направляющаяся къ подбородку, ее можно было бы принять по мнѣнію изслѣдователей за челюсть гориллы. Если бы, напротивъ, сохранилась восходящая вѣтвь, то ее можно было бы счесть челюстью разновидности гиббона. Но сохранились зубы и эти зубы свидѣтельствуютъ о томъ, что она принадлежала человѣку. Эти зубы нѣсколько больше, чѣмъ зубы современныхъ европейцевъ, но они слабѣе, чѣмъ зубы современныхъ дикарей. Между зубами и челюстью въ гейдельбергской находкѣ оказывается несоотвѣтствіе. Пытаются объяснить его такъ. Зубы гейдельберца служили тѣмъ же нуждамъ, какъ и зубы теперешнихъ дикарей, но сильное развитіе челюсти есть наслѣдство полученное отъ предковъ, указывающее, что ихъ образъ жизни требовалъ могущественнаго развитія нижней части головы.

Нетрудно перечислить всѣ найденные доселѣ неандерталовидные останки человѣка. Таковы: челюсть Малерно, найденная во Франціи въ 1889 году, она болѣе прогнатична, чѣмъ челюсть нолетская; челюсть изъ Шипки (въ Моравіи), таубхскіе (около Веймара) и предмостскіе (въ Моравіи) зубы. Близко къ неандертальскому стоитъ гибралтарскій черепъ. Затѣмъ должны быть названы скелеты изъ Крапины (Австрія), кремскіе скелеты (недалеко отъ Вѣны), сен-денизскій человѣкъ, ариньянскій человѣкъ. Но можетъ быть важнѣе всѣхъ ихъ находка, сдѣланная въ липовецкомъ уѣздѣ кіевской губерніи и носящая теперь имя новоселскаго черепа. Объ этой находкѣ Казиміръ Столихво (Stołyhwo) помѣстилъ сообщеніе въ извѣстіяхъ краковской академіи наукъ 1908 года.—„Новоселскій черепъ разсматриваемый какъ доказательство существованія въ историческую эпоху формъ родственныхъ homo primigenius“. Черепъ этотъ найденъ въ курганѣ относительно новаго происхожденія. При немъ найдено желѣзное оружіе, чешуйчатая броня, его относятъ къ эпохѣ переселенія народовъ. Въ парижскомъ журналѣ L' Anthropologie Столихво по поводу новоселскаго черепа помѣстилъ статью: „Homo primigenius принадлежитъ ли къ виду отличному отъ homo sapiens?“ и далъ на этотъ вопросъ отрицательный отвѣтъ. Столихво сравнивалъ морфологическіе признаки череповъ homo primigenius и homo sapiens и пришелъ къ заключенію, что между ними нѣтъ глубокой пропасти, что, напротивъ, можно говорить о близкомъ морфо-

логическомъ родствѣ обѣихъ группъ. Первая примитивнѣе, но она не совершенно иного строенія, чѣмъ послѣдняя, и было бы несправедливо оспаривать принадлежность ея къ homo sapiens. Интеллектъ первой, хотя еще и неразвитый, несомнѣнно стоялъ на несравненно высшей ступени, чѣмъ интеллектъ нашихъ ближайшихъ родственниковъ въ животномъ царствѣ. Поэтому Столихво заключаетъ, что пограничная линія, которую Швальбе провелъ между homo primigenius и homo sapiens, совершенно искусственна: обѣ группы образуютъ не двѣ различныя вѣтви, но только одну—homo sapiens, которая распадается на длинный рядъ различныхъ формъ [1]).

Какое заключеніе на самомъ дѣлѣ должно вывести изъ приведенныхъ фактовъ? Для того, кто *вѣруетъ* въ теорію эволюціи, эти факты говорятъ о томъ, какими звеньями человѣкъ связанъ съ животнымъ міромъ, но для тѣхъ, для кого теорія эволюціи является проблемой, а не открытой истиной, эти факты могутъ представляться имѣющими очень различное значеніе.

Во 1) крайне удивительно, что ихъ такъ мало. Вѣдь, человѣчество усердно искало своихъ предковъ. Вѣдь, рѣшеніемъ вопроса о происхожденіи человѣка обусловливается цѣлое міросозерцаніе. И что же? со времени открытія неандертальскаго черепа прошло болѣе полстолѣтія, сколько ученыхъ и во сколькихъ странахъ искали человѣческихъ ископаемыхъ останковъ и нашли лишь нѣсколько костей приближающихся къ неандертальскимъ. А сколько въ это время найдено останковъ нормальнаго типа? Безчисленное количество. Вѣдь, легко тогда, принимая во вниманіе отношеніе первыхъ къ послѣднему, допустить что эти неандерталоподобныя кости—исключенія, уродства. Вѣдь новоселскій человѣкъ по своему черепу былъ исключеніемъ среди своихъ современниковъ; почему не допустить, что такимъ исключеніемъ былъ и гибралтарецъ и мустьерецъ? Дѣло въ томъ, что типы подобные ископаемымъ находятся и теперь:

---

[1]) Обозрѣніе находокъ въ области палеонтологической антропологіи имѣется у Hoernes'a—Natur—und Urgeschichte des Menschen. Erster Band. 1909. Обозрѣніе новѣйшихъ изслѣдованій палеонтологическихъ человѣческихъ останковъ дано въ послѣдней книигѣ Revue des Questions scientifiques за 1910 г. Замѣтка о новоселскомъ черепѣ неандертальскаго типа имѣется въ Natur und Offenbarung 1909, № 4.

и зубы болѣе крѣпкіе и носы болѣе широкіе, чѣмъ у ископаемыхъ, оказываются у современныхъ австралійцевъ. Что же въ такомъ случаѣ прибавляетъ палеонтологическая антропологія къ современной этнографіи?

Во 2) пусть найденныя кости порою такъ приближаются къ костямъ приматовъ, что возникаетъ сомнѣніе—человѣческія они или нѣтъ. Вотъ, что несомнѣнно: всѣ найденные доселѣ палеонтологическіе люди обладали строеніемъ допускавшимъ для нихъ возможность дѣлать все то, что дѣлаетъ современный человѣкъ, и этимъ они при всей своей кажущейся близости къ животнымъ безконечно отличались отъ нихъ.

Въ 3) палеонтологическіе люди оставили слѣды своей духовной культуры, они хоронили своихъ мертвецовъ; форма погребенія доказываетъ, что они вѣрили въ загробную жизнь. Въ погребенія коррезца, мустьерца мало вдумывались. Теперь при погребеніи обычно держатся традиціи, смыслъ которой часто бываетъ утерянъ, но какъ у первобытныхъ людей искать религіозную традицію? Они должны были создать обычаи, выработать формы погребенія, они должны были при выработкѣ этихъ формъ руководиться идеями, принципами, убѣжденіями. Погребеніе человѣка съ предметами, которые онъ употреблялъ въ домашнемъ обиходѣ, вѣдь, не указываетъ, что люди загробную жизнь считали тожественною съ земной. Они не могли сдѣлать этого допущенія, потому что въ загробной жизни человѣкъ былъ лишенъ своего земного тѣла. Они могли только мыслить, что загробная жизнь подобна земной. Снабженіе покойника орудіями, утварью и съѣстными припасами должно было имѣть въ ихъ глазахъ символическое, а не реальное значеніе. Это мы знаемъ относительно религіозныхъ вѣрованій древнихъ культурныхъ народовъ и въ этомъ мы не сомнѣваемся относительно ископаемыхъ народовъ. Въ Солютрэ (предполагается, что хронологически обитатели Солютрэ слѣдовали непосредственно за мустьерцами) было найдено мѣсто погребенія, археологическое изслѣдованіе котораго дало весьма интересные результаты. Повидимому глава пещеры былъ похищенъ смертію, его товарищи по войнѣ и охотѣ положили его въ хижинѣ, обративъ голову къ заходящему солнцу. Подъ руку положили его оружіе и предметы, которые были ему особенно дороги: два острія копья сдѣланныя оббивкой,

большое число весьма маленькихъ и очень остро отдѣланныхъ копій, створка Pecten Jacobeus, раковина богомола, имѣющая отверстіе вблизи шарнира и назначенная можетъ быть служить вмѣстѣ и украшеніемъ и религіознымъ символомъ. Но самымъ интереснымъ предметомъ была грубо оббитая фигура въ молоссовомъ осколкѣ, изображающая оленя [1]). Вотъ—эта фигура оленя, она есть только символъ дѣйствительнаго оленя, и обитатель Солютрэ, очевидно, какъ и древній египтянинъ умозаключалъ, что при погребеніи достаточно символа. Какую мысль должны были соединять люди съ этимъ символическимъ снабженіемъ покойника нужными предметами? Позволительно думать, что въ сущности ту же самую, которую позднѣйшіе язычники соединяли съ жертвой. Важна не жертва, а готовность принести жертву. Важно не то, что дадутъ умершему живые; важна ихъ готовность содѣйствовать благополучію умершаго въ загробномъ мірѣ. Живые знали, что предметы положенные съ умершимъ останутся въ гробу, а умершій будетъ жить *внѣ* гроба. Предметы не послѣдуютъ за нимъ. Что же послѣдуетъ? Можетъ быть души предметовъ. Сложная система погребенія у палеонтологическихъ людей говоритъ о высокихъ духовныхъ инстинктахъ и о существованіи отвлеченныхъ вѣрованій. Въ вопросѣ о безсмертіи души современный человѣкъ не ушелъ дальше своихъ ископаемыхъ предковъ, почему же онъ трактуетъ ихъ такъ высокомѣрно и, называя себя homo sapiens, не хочетъ имъ усвоять признака sapientiae. Не есть ли это на самомъ дѣлѣ неумный тезисъ неумныхъ людей говорящихъ: мы гораздо умнѣе нашихъ отцовъ.

Палеонтологическій человѣкъ не имѣлъ опыта тѣхъ тысячелѣтій, которыя протекли со времени его существованія до нашихъ дней. Отсутствіемъ этого опыта объясняется несовершенство его техники. Палеонтологическій человѣкъ велъ жестокую борьбу за существованіе, этимъ объясняется его могучее физическое развитіе, прогнатизмъ его челюсти, сила его зубовъ. Но этотъ человѣкъ, обладавшій крайне скудными познаніями и жившій въ ужасно тяжелыхъ условіяхъ,

---

[1]) Vacandard—Le nouvel homme préhistorique de Menton (Rev. Quest. scientif. T. 20).

стремился сообщать своимъ примитивнымъ поддѣлкамъ изящную форму и давалъ имъ религіозное употребленіе. Я думаю, что это съ несомнѣнностью доказываетъ, что извѣстный намъ палеонтологическій человѣкъ въ духовномъ смыслѣ былъ тѣмъ же, чѣмъ являются люди XX столѣтія.

6.

Настоящее положеніе вопроса о происхожденіи видовъ.

Для того, кто принимаетъ эволюціонную теорію происхожденія животныхъ и растительныхъ видовъ, очень трудно и едва ли даже возможно допустить изъятіе человѣка отъ подчиненія общему закону эволюціи. Съ зоологической точки зрѣнія человѣкъ несомнѣнно есть животное позвоночное, млекопитающее, стоящее близко къ приматамъ. Рожденіе, жизнь и смерть человѣка подчинены тѣмъ же физіологическимъ законамъ, какъ и жизнь другихъ млекопитающихъ. Но если индивидуумы человѣческіе и животные подчинены однимъ и тѣмъ же законамъ, то почему дѣлать изъятіе изъ родовъ и представлять, что родъ человѣческій возникъ не такъ, какъ роды животныхъ? Вѣдь, и Библія созданіе человѣка представляетъ не изъятіемъ изъ общаго закона творенія, а завершеніемъ творенія. Все было хорошо, но съ появленіемъ человѣка стало хорошо весьма. Разъ происхожденіе человѣка неизвѣстно наукѣ, то конечно нельзя считать доказаннымъ, что человѣкъ произошелъ также, какъ и другія животныя близкія ему по зоологическому типу. Однако не трудно видѣть, что для мысли естественнѣе всего допустить одинаковое происхожденіе для перваго и вторыхъ. Съ этимъ нужно согласиться. Но я поставлю теперь вопросъ иначе—знаемъ ли мы, какъ произошли животныя? И я думаю, что на этотъ вопросъ должно отвѣчать отрицательнымъ образомъ. Родословныя предлагаемыя палеонтологіей едва ли на самомъ дѣлѣ болѣе отвѣчаютъ дѣйствительности, чѣмъ родословныя троянскихъ героевъ. Ученые болѣе всего работали надъ родословной человѣка. Она у нихъ никакъ не складывается, но можетъ быть если бы они приложили столько же усилій къ разработкѣ вопроса о родословной осла или орангъ-утанга, дѣло оказалось бы не въ лучшемъ положеніи.

Фактической исторіи органическаго міра нѣтъ, но съ 59 г. прошлаго столѣтія имѣется теоретическое представленіе этой исторіи и заправляющихъ ею факторовъ. Было время когда на Руси не позволялось раскрывать рта, чтобы возражать противъ, а вѣчныхъ истинъ", возвѣщенныхъ Дарвиномъ. Теперь дѣло обстоитъ нѣсколько иначе. Возраженія противъ теоріи допускаются и не только возраженія новыя, но и старыя возраженія, къ которымъ сначала отнеслись пренебрежительно, стали предметомъ болѣе внимательнаго обсужденія. Въ сущности этими возраженіями и рѣшается дѣло. Ими утверждается, что факторы эволюціи, установленные Дарвиномъ, не существуютъ и что его теорія развитія жизни не отвѣчаетъ тому, что мы знаемъ объ исторіи этой жизни.

Для того, чтобы теорія Дарвина была правильною, нужно, разсуждаютъ антидарвинисты, чтобы измѣнчивость (первый эволюціонный факторъ) въ организмахъ имѣла слѣдующіе признаки: постепенность, неопредѣленность, безграничность и мозаичность. Если нѣтъ постепенности, а существуютъ скачки, то тогда собственно теорія Дарвина не при чемъ, ибо причина такихъ скачковъ неизвѣстна, и рычагъ, который управляетъ развитіемъ организмовъ, такимъ образомъ, окажется тайной. А между тѣмъ можно указать, какъ въ ботаникѣ, такъ и въ зоологіи и даже антропологіи, примѣры такихъ скачковъ. Вотъ примѣры, приведенные Данилевскимъ изъ ботаники. „Можетъ ли кто въ здравомъ умѣ надѣяться получить яблоко перваго достоинства или сочную тающую грушу отъ дикой груши?"—спрашиваетъ Дарвинъ. „Мои опыты, отвѣчаетъ знаменитый садоводъ Декенъ, прямо показываютъ, что мы можемъ получать хорошія разновидности, высѣвая сѣмена дикихъ грушъ, и очень дурныя—высѣвая сѣмена нашихъ улучшенныхъ породъ". Другими подобными примѣрами являются внезапное появленіе однолистной земляники въ Версалѣ въ 1863 г., кипарисъ, дающій изъ сѣмянъ пирамидальную разновидность, и біота, дающая разновидность плакучую. Подобные примѣры можно указать въ зоологіи. Въ Америкѣ въ Парагваѣ водится племя безрогаго скота, происшедшее отъ безрогаго быка, родившагося отъ рогатыхъ родителей. Самые голуби, такъ излюбленные Дарвиномъ: гонцы, дутыши, турманы — произошли вовсе не вслѣдствіе постепенной измѣнчивости, а вслѣдствіе неожи-

даннаго рожденія отъ обыкновенной самки голубей съ рѣзкими особенностями, какъ это допускаетъ и самъ Дарвинъ. У людей мы видимъ тоже подобное явленіе. Такъ шестипалыя дѣти рождаются отъ родителей, имѣющихъ по 5 пальцевъ, и часто передаютъ свою шестипалость слѣдующимъ поколѣніямъ. Точно также альбиносы рождаются отъ людей съ обыкновенными глазами. Всѣ эти примѣры показываютъ, что измѣненія въ организмахъ происходятъ скачками, а не со строгою постепенностью. Относительно того, безгранична ли измѣнчивость или нѣтъ, нельзя съ твердою увѣренностью сказать ничего рѣшительнаго. Судя по наблюденіямъ и историческому опыту, она оказывается ограниченною. Но можетъ ли она въ теченіе вѣковъ быть безграничною, это неизвѣстно. Что касается до мозаичности измѣнчивости (подъ этимъ Данилевскій разумѣетъ, что для удовлетворенія теоріи Дарвина требуется, чтобы измѣнчивость не представляла опредѣленной связи въ одновременныхъ измѣненіяхъ различныхъ органовъ), то мозаичности удовлетворяетъ только измѣнчивость, не имѣющая значенія (напримѣръ, образованіе курдюковъ у овецъ не соединяется ни съ какими иными измѣненіями въ ихъ организаціи). Относительно другого фактора—наслѣдственности, доселѣ въ біологіи не выяснено самое существенное для дарвинизма. На вопросъ: передаются ли наслѣдственностью отъ предковъ къ потомкамъ только свойства, полученныя предками отъ природы, или же и благопріобрѣтенныя, доселѣ не дано увѣреннаго отвѣта. Знаніе, опытъ, техническіе навыки не передаются по наслѣдству, наслѣдственно передаются природныя способности, но не степень ихъ развитія. Говорятъ, передаются наслѣдственно болѣзни, но объясняютъ, что передаются болѣзни инфекціонныя (передаются микробы) или передается природная расположенность къ болѣзнямъ (наприм., слабая грудь, предрасполагающая къ чахоткѣ), а не болѣзни благопріобрѣтенныя (ослѣпшій, оглохшій, безногій—рождаютъ видящихъ, слышащихъ, съ ногами). Но если вопросъ о наслѣдственности оказывается покрытымъ безусловнымъ мракомъ, то вмѣстѣ съ этимъ оказывается совершенно невыясненнымъ и вопросъ объ измѣнчивости и ея факторахъ. Что производитъ измѣненія? Какимъ образомъ они передаются отъ поколѣнія къ поколѣнію? Что фиксируетъ въ растительныхъ и животныхъ

видахъ эти измѣненія? Біологія не даетъ отвѣта на эти вопросы. По гипотезѣ дарвинистовъ, у многихъ организмовъ не только должны измѣняться и совершенствоваться существующіе органы, но должны возникать и совершенно новые. Здѣсь представляется слѣдующая трудность: при первомъ зачаточномъ своемъ образованіи эти органы не могутъ выполнять тѣхъ функцій, которыя имъ будетъ суждено исполнять въ будущемъ, они будутъ не только безполезны въ организмѣ, но непремѣнно вредны. Возьмемъ, положимъ, глазъ. Его зачаточная форма будетъ не что иное, какъ болѣзненное образованіе на кожѣ вслѣдствіе чрезмѣрнаго ея раздраженія отъ дѣйствія свѣта. Возьмемъ, далѣе, легкое, образующееся изъ плавательнаго пузыря; въ срединѣ процесса превращенія оно будетъ дѣлать затруднительнымъ для своего обладателя существованіе какъ въ водѣ, такъ и на сушѣ. Спрашивается, какимъ образомъ особи, претерпѣвающія въ своемъ организмѣ подобныя измѣненія, могутъ сохраниться въ борьбѣ за существованіе, вѣдь онѣ не наиболѣе, а наименѣе приспособленныя? Очевидно, онѣ должны не сохраниться, а погибнуть. О борьбѣ за существованіе— этомъ рычагѣ прогресса по Дарвину, Данилевскій замѣчаетъ, что Дарвинъ невѣрно представляетъ себѣ эту борьбу. Во многихъ мѣстахъ у животныхъ не существуетъ борьбы ни между собою изъ-за пищи, ни съ климатомъ (наприм., въ благодатныхъ степяхъ Америки у травоядныхъ животныхъ), и однако одни животныя вымираютъ, а другія остаются. При этомъ мы видимъ, что вымирали виды, повидимому, совершенно обезпеченные въ борьбѣ за существованіе: мамонтъ, носорогъ съ костяною перегородкою, въ настоящее время вымираютъ могучіе зубры въ Бѣловѣжской пущѣ. Естественный подборъ, по утвержденію антидарвинистовъ, долженъ устраняться и уничтожаться скрещиваніемъ. Полезныя измѣненія, которыя долженъ бы былъ сохранять естественный подборъ, возникаютъ у немногихъ организмовъ, которыя скрещиваются обыкновенно съ неизмѣнившимися; ихъ потомки, отчасти унаслѣдовавшіе ихъ особенности, опять будутъ скрещиваться съ обыкновенными особями. Не трудно видѣть, что въ такомъ случаѣ, если и будутъ у тѣхъ или другихъ животныхъ и растеній возникать какія либо особенности, онѣ всегда будутъ растворяться и исчезать въ

послѣдующихъ поколѣніяхъ. Въ природѣ являются типы, рѣзко возвышающіеся надъ среднимъ уровнемъ: между людьми—геніи, въ царствѣ растительномъ и животномъ—особи съ исключительными признаками; являются также, наоборотъ, идіоты и сумасшедшіе между людьми, уродливыя животныя и растенія; но все это не сохраняется, въ концѣ концовъ все, что стоитъ выше и ниже средняго уровня, исчезаетъ. Природа такимъ образомъ является великой уравнительницей. Естественный подборъ, говоритъ Данилевскій, есть устраненіе скрещиванія, и разъ существуетъ скрещиваніе, то не существуетъ подбора. Даже и по устраненіи скрещиванія представляется весьма мало вѣроятія, чтобы подборъ дѣйствительно могъ образовывать новые виды организмовъ. Такъ какъ для образованія новыхъ видовъ измѣненія, возникающія въ организмахъ, должны фиксироваться въ одномъ направленіи, то понятно, что малѣйшее уклоненіе въ теченіе тысячелѣтій легко можетъ уничтожить всю работу подбора. Дарвинъ придаетъ еще важное значеніе принципу полового подбора и утверждаетъ, что, не обращаясь къ этому принципу, невозможно объяснить происхожденія многихъ животныхъ видовъ и человѣка. Но здѣсь противъ Дарвина возстаютъ уже сами эволюціонисты. По мнѣнію Уолласа, полового подбора не существуетъ. Въ доказательство существованія полового подбора Дарвинъ приводитъ только одно обстоятельство, именно то, что самцы во время полового возбужденія выставляютъ напоказъ самыя красивыя части своего организма, но Уолласъ объясняетъ это не стремленіемъ показать свою красоту, а нервнымъ возбужденіемъ, такъ какъ и неукрашенные самцы въ этотъ періодъ машутъ крыльями, расширяютъ ихъ, поднимаютъ свои гребни или хохолки и т. д. Если же нѣтъ полового подбора, то нельзя объяснить происхожденія хвоста у павлина, роговъ у оленя. Но если этотъ подборъ и существуетъ, то и тогда вопросъ о происхожденіи хобота слона, курдюка овецъ, горба бизона остается совершенно открытымъ. Обращаясь къ прошедшему, антидарвинисты утверждаютъ, что геологія и палеонтологія также представляютъ серьезныя возраженія противъ дарвинизма. Эволюціонный процессъ, по Дарвину, долженъ происходить съ крайнею медленностью, онъ долженъ заключать въ себѣ по крайней мѣрѣ билліоны

и трилліоны вѣковъ, но, по утвержденію физиковъ и астрономовъ, предлагающихъ свои вычисленія геологамъ, періодъ существованія органическаго міра на землѣ обнимаетъ собою никакъ не болѣе 40—20 милліоновъ лѣтъ. Но и эта цифра нѣкоторымъ ученымъ представляется черезчуръ преувеличенною,—такъ Пераформъ утверждаетъ, что вся исторія земли обнимаетъ собою 5 милліоновъ лѣтъ. Палеонтологія представляетъ также серьезныя возраженія противъ дарвинизма. Первымъ изъ нихъ является фактъ неизмѣняемости многихъ родовъ растеній и животныхъ въ теченіе многихъ геологическихъ періодовъ. Укажемъ нѣкоторые. Discina (относится къ типу мягкотѣлыхъ, къ классу головоногихъ; голова рѣзко обособлена; имѣетъ два большихъ, очень совершенныхъ глаза; ротъ окруженъ руками; нога имѣетъ видъ воронки; раздѣльнополы) существуетъ съ силурійской эпохи до нашихъ дней, а между тѣмъ discina относится далеко не къ типу простѣйшихъ. Tuya accidentalis и abies canadensis являются теперь такими же, каковыми онѣ были въ міоценовую эпоху. Почему онѣ не измѣнились? Не говоритъ ли это о томъ, что есть какое-то начало въ организмѣ, сопротивляющееся измѣненіямъ? Это особенно ясно открывается изъ того, что мы видимъ—хотя бы въ discina—варіаціи видовъ; это, по теоріи Дарвина, должно бы было вести все далѣе и далѣе отъ первоначальнаго типа,—однако, нѣтъ, новые виды столь же ясно говорятъ о принадлежности къ тому же роду, какъ и древніе. Другимъ, еще болѣе серьезнымъ возраженіемъ противъ дарвинизма является въ палеонтологіи фактъ отсутствія переходныхъ типовъ. На первый взглядъ кажется, что это возраженіе теряетъ свою силу вслѣдствіе ссылки Дарвина на бѣдность палеонтологическихъ коллекцій, но при внимательномъ разсмотрѣніи эта ссылка оказывается не имѣющею значенія. Дѣло вотъ въ чемъ. Согласно теоріи Дарвина, между каждыми двумя видами должно существовать множество переходныхъ ступеней. Пусть такъ. Но вотъ что удивительно. Палеонтологамъ удавалось находить очень много экземпляровъ одного и того же вида и много экземпляровъ видовъ родственныхъ и между тѣмъ не удавалось находить посредствующихъ звеньевъ въ одномъ экземплярѣ. На основаніи теоріи вѣроятности, это ненахожденіе можно объяснить только дѣйствительнымъ

отсутствіемъ таковыхъ звеньевъ. Пфаффъ пытался выразить числами вѣроятность, которая существуетъ для встрѣчи посредствующихъ формъ между двумя родственными видами, доставившими много образчиковъ, напримѣръ, между двумя видами силурійскихъ трилобитовъ. Эти переходныя формы, по гипотезѣ эволюціонистовъ, должны быть весьма многочисленны. Пфаффъ предположилъ ихъ только 10 между двумя чистыми формами. Онъ представляетъ потомъ кучу, составленную изъ милліона зеренъ; однихъ—цвѣта голубого, представляющихъ чистую форму, другихъ—цвѣта краснаго, представляющихъ 10 посредствующихъ формъ, которыя должны привести къ новому виду. Красныхъ зеренъ, слѣдовательно, будетъ въ десять разъ больше, чѣмъ голубыхъ. Пфаффъ ставитъ затѣмъ такой вопросъ: какая существуетъ вѣроятность, выбравъ 100 зеренъ изъ таза, выбрать только голубыя? Или лучше—извлекая изъ пластовъ 100 экземпляровъ одного ископаемаго вида, какая существуетъ вѣроятность не найти ни одной посредствующей формы? Вычисленіе вѣроятностей отвѣчаетъ дробью $0{,}1^{100}$ или 1, раздѣленной на 1 со ста нулями. Это вычисленіе не особенно благопріятствуетъ теоріи Дарвина; но, собственно говоря, найдены доказательства скачковъ въ природѣ. Возьмемъ хотя бы лошадь. Иногда рождаются жеребята, имѣющіе кромѣ копыта другой палецъ сзади; въ прошедшемъ удалось отыскать животное, близкое къ лошади (гиппаріонъ), но имѣвшее такое же строеніе ноги, каковое теперь встрѣчается у двупалыхъ жеребятъ. Допустимъ, что послѣдніе представляютъ собою атавизмъ, но на что указываетъ этотъ атавизмъ? На то, что отъ гиппаріона путемъ какого-то загадочнаго скачка произошла лошадь подобно тому, какъ теперь путемъ скачковъ отъ лошади можетъ произойти гиппаріонъ (не всѣ считаютъ гиппаріона предкомъ лошади). Естественный подборъ здѣсь не при чемъ. Третьимъ возраженіемъ противъ дарвинизма съ точки зрѣнія палеонтологіи является то, что въ геологическихъ пластахъ новыя формы обыкновенно являются сразу и при томъ въ большомъ количествѣ. Можетъ быть, это, дѣйствительно, слѣдствіе пробѣловъ нашей палеонтологической лѣтописи, но пока, вѣдь, эти пробѣлы не восполнены, дарвинизмъ не можетъ утверждать, что палеонтологія на его сторонѣ. Наконецъ, возраженіемъ противъ дарвинизма

является отсутствіе строгой послѣдовательности въ ископаемыхъ, находимыхъ въ пластахъ (наприм., найденное млекопитающее въ юрскихъ отложеніяхъ стоитъ по своей организаціи выше млекопитающихъ эоценовой эпохи [1]).

Лицамъ, выступившимъ съ отрицаніемъ теоріи Дарвина, нерѣдко ставили странное возраженіе (его наприм., высказалъ проф. Тимирязевъ): какъ же по вашему произошли виды? Это возраженіе конечно не является возраженіемъ. Признать неудовлетворительнымъ какое-либо объясненіе факта вовсе не значитъ претендовать на умѣнье объяснить этотъ фактъ. И наука, которая хорошо знаетъ свои границы, правильно оцѣниваетъ матеріалъ, которымъ располагаетъ, и отказывается отъ объясненій тамъ, гдѣ не можетъ ихъ дать, такая наука гораздо выше той, которая даетъ нелѣпыя объясненія. До временъ Реди (XVII столѣтія) ученые говорили массу пустяковъ о произвольномъ зарожденіи и приводили массу фактовъ такового. Современная наука говоритъ, что она не знаетъ фактовъ произвольнаго зарожденія и не знаетъ, какъ первоначально возникла жизнь. Это знаніе своего незнанія есть громадный шагъ впередъ въ дѣлѣ развитія науки. Позволительно думать, что біологія сдѣлаетъ и дальнѣйшій шагъ и признаетъ, что, какъ проблема происхожденія жизни, такъ и проблема происхожденія видовъ безусловно не рѣшена. Но за всѣмъ тѣмъ и вопросъ: какъ же вы объясняете? можно не вполнѣ оставить безъ отвѣта. Есть теоріи, рѣзко расходящіяся съ дарвинизмомъ и не расходящіяся съ фактами, ихъ можно противопоставить дарвинизму. Настаивать на ихъ истинности нельзя, но можно настаивать на томъ, что сравнительно съ ними дарвинизмъ не заслуживаетъ предпочтенія. Таковыми являются взгляды Келликера, опирающіеся между прочимъ и на открытія и работы русскихъ ученыхъ (Вагнера, Коржинскаго).

Съ своею теоріею Келликеръ выступилъ въ 1872 году Онъ началъ съ критики теоріи Дарвина. „Теорія Дарвина, какъ замѣчаетъ Клаусъ, есть ничто иное, какъ примѣненіе

---

[1]) На Руси въ ряду ученыхъ было мало антидарвинистовъ. Кромѣ Данилевскаго должно указать еще на проф. А. А. Тихомирова. Сжато свое отрицательное отношеніе къ дарвинизму, признавая за нимъ и положительное значеніе, онъ изложилъ въ брошюрѣ „Судьба дарвинизма. 1907“.

къ разъясненію органическаго развитія великаго закона суммированія множества мельчайшихъ вліяній, дѣйствующихъ въ теченіи громадныхъ промежутковъ времени, въ одинъ общій колоссальный результатъ". Значеніе этихъ мельчайшихъ вліяній и строгую постепенность въ развитіи органическаго міра Келликеръ отрицаетъ. Келликеръ признаетъ, что существуетъ общій законъ развитія органическаго міра, законъ, подобный тому, по которому развиваются отдѣльные организмы. При чемъ, по Келликеру, развитіе органическаго міра можетъ совершаться и дѣйствительно совершается скачками, а не въ строгой постепенности. Измѣненія въ организмахъ, говоритъ Келликеръ, состоятъ во 1) въ измѣненіи существующихъ органовъ, во 2) въ возникновеніи новыхъ морфологическихъ единицъ. Измѣненіе существующихъ органовъ—Келликеръ допускаетъ—можетъ происходить подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій, но возникновеніе новыхъ органовъ имѣетъ свою причину въ законѣ общаго развитія, а не въ случаѣ. Странно допустить вліяніе подбора на возникновеніе новыхъ органовъ, когда эти органы вначалѣ будутъ только лишнимъ или даже вреднымъ бременемъ для организма. Появленіе спинной струны у первыхъ млекопитающихъ, первыхъ позвонковъ, первыхъ кровеносныхъ сосудовъ, все это непонятно съ точки зрѣнія естественнаго подбора. Затѣмъ, если обратить вниманіе на то, что почти всѣ болѣе или менѣе крупныя измѣненія зародыша и прежде всего всѣ настоящія новообразованія органовъ случаются въ самыя раннія поры зародышевой жизни, такъ у куринаго зародыша всѣ главные органы закладываются въ первые 4—5 дней его существованія, у человѣка къ концу перваго мѣсяца его утробной жизни; если обратить вниманіе на это обстоятельство, то очевидно нельзя представить себѣ развитіе организмовъ такимъ образомъ, что они сначала проходили всѣ стадіи безпозвоночныхъ животныхъ, а потомъ начали принимать признаки позвоночныхъ. Развитіе нужно представлять инымъ образомъ По Келликеру, возможны и дѣйствительно бываютъ такіе случаи, что отъ родителей, стоящихъ на низшей ступени, положимъ, кишечнополостныхъ или червей, прямо возникнутъ насѣкомыя. Для обоснованія и разъясненія своей теоріи онъ обращается къ яв-

леніямъ метагенезиса (перемѣнъ генерацій) [1]), гетерогоніи [2]) и педогенезиса [3]). Простѣйшую форму метагенезиса представляютъ нѣкоторые кольчатые черви (Syllis). Они раздѣльнополы и имѣютъ вполнѣ развитые, хотя и весьма просто устроенные, половые органы. Изъ оплодотвореннаго яйца возникаетъ личинка, а изъ нея молодой червь, проходя типическія стадіи развитія. Но почти взрослый сложившійся червь, не имѣющій только вполнѣ развитого полового аппарата, можетъ дѣлиться поперекъ на нѣсколько частей, изъ которыхъ каждая образуетъ новаго маленькаго червя. Эти маленькіе черви представляютъ, слѣдовательно, собою поколѣніе, происшедшее путемъ безполаго размноженія, путемъ дѣленія материнскаго организма. Они растутъ, достигаютъ половой зрѣлости и размножаются посредствомъ оплодотворенныхъ яицъ, производя слѣдующее поколѣніе путемъ полового размноженія, какъ произошелъ и первый червь. Болѣе сложное явленіе метагенезиса наблюдаютъ у нѣкоторыхъ медузъ. Эти морскія животныя имѣютъ обыкновенно видъ студенистаго полупрозрачнаго колокола и размножаются посредствомъ оплодотворенныхъ яицъ. Изъ яйца развивается овальная личинка, плавающая нѣкоторое время въ морѣ и, наконецъ, укрѣпляющаяся однимъ своимъ концомъ на какомъ-либо подводномъ предметѣ. На свободномъ концѣ ея тѣла появляется ротовое отверстіе, а вокругъ него вырастаютъ щупальцы. Въ этомъ видѣ превращенная личинка медузы называется сцифистомою и напоминаетъ собою сидячій полипъ вродѣ прѣсноводной гидры, водящейся въ нашихъ прудахъ. Сцифистома растетъ въ вышину и начинаетъ подраздѣляться поперечными перехватами на части, а ея щупальцы претерпѣваютъ обратное развитіе, т. е. уничтожаются. Въ этой стадіи развитія животное называется стробилою. По краямъ сегментовъ стробилы образуются за-

---

1) Метагенезисъ состоитъ въ томъ, что отъ полового поколѣнія организмовъ происходитъ поколѣніе, размножающееся безполымъ путемъ, а отъ этого поколѣнія происходитъ половое, тожественное съ первымъ.

2) Гетерогонія обозначаетъ происхожденіе отъ одного поколѣнія организмовъ другого на него непохожаго, потомство котораго представляетъ возвратъ къ 1-му поколѣнію.

3) Педогенезисомъ называется способность полового организма размножаться безполымъ путемъ уже въ личиночномъ (дѣтскомъ) состояніи.

тѣмъ новые отростки (щупальцы) и мало-по-малу сегменты отдѣляются въ видѣ плоскихъ дисковъ съ отростками, которые плаваютъ отдѣльно и превращаются постепенно въ взрослыхъ колоколообразныхъ медузъ. Здѣсь, такимъ образомъ половыя и безполыя поколѣнія оказываются совсѣмъ непохожи одно на другое, здѣсь являются превращенія. Теперь обратимъ вниманіе на то, что сцифистома въ извѣстной стадіи развитія весьма напоминаетъ гидру. Исходя изъ этого, Келликеръ предполагаетъ, что возможно, что нѣкогда гидроподобные организмы, размножаясь, произвели дотолѣ не существовавшія формы медузъ.

Явленія метагенезиса, указываютъ, по Келликеру, на возможность происхожденія совершенно новыхъ существъ внезапно, т. е. безъ всякихъ постепенныхъ переходовъ. Возможность этой внезапности открывается также изъ фактовъ гетерогоніи. Подъ именемъ гетерогоніи разумѣютъ тѣ случаи, когда одно и то же животное при размноженіи своемъ является въ двухъ или болѣе различныхъ формахъ зрѣлыхъ въ половомъ отношеніи. Такъ, напримѣръ, существуетъ маленькая круглая глиста, аскарида лягушачья (ascaris nigrovenosa), которая живетъ въ двухъ различныхъ формахъ—въ легкихъ лягушки и во влажной землѣ. Въ легкихъ лягушки живетъ гермафродитическая форма, яйца которой развиваются изъ раздѣльнополыхъ глистъ, имѣющихъ признаки рода Rhobditis. Эти молодые робдитисы изъ легкихъ лягушки переходятъ въ пищепріемное горло и пройдя черезъ пищеварительный каналъ, съ испражненіями попадаютъ на землю, послѣ чего живутъ въ землѣ свободно, пока снова не попадутъ въ ротъ и легкія лягушки, гдѣ они производятъ первоначальное гермафродитическое поколѣніе. Такъ, оказывается, что изъ одного и того же начала возникаютъ ascaris nigrovenosa и rhobbitis nigrovenosa.

Что касается до педогенезиса, то Келликеръ цитируетъ открытіе пр. Вагнера о размноженіи личинокъ мухъ, какъ подтверждающее его теорію разнороднаго происхожденія. Вагнеръ нашелъ, что личинки нѣкоторыхъ мухъ (cecidomyidae) могутъ производить внутри своего тѣла новое поколѣніе подобныхъ же личинокъ. Эти послѣднія поѣдаютъ внутренности матери и выходятъ наружу, послѣ окукливаются или же вторично производятъ внутри себя поколѣніе личи-

нокъ, которыя уже подвергаются окукливанію. Изъ куколокъ развиваются мухи. Можно допустить, говоритъ Келликеръ, что личинки насѣкомыхъ существовали нѣкогда, какъ самостоятельныя формы и внезапно стали производить неподобныхъ себѣ личинокъ, а новыя существа, т. е. современныхъ мухъ. (Холодковскій, теорія Дарвина, ея критики и ея дальнѣйшее развитіе. Келликеръ).

Въ подтвержденіе теоріи Келликера о возможности внезапныхъ переходовъ организмовъ одного вида къ организмамъ другого вида можно указать еще на наблюденія и опыты Уоллэса и Вейссмана надъ бабочками. Существуютъ, напримѣръ, двѣ формы европейскихъ бабочекъ vanessa levana и vanessa prorsa, рѣзко различающіяся между собою цвѣторасписаніемъ. Первая—буро-желтаго цвѣта съ черными пятнами и полосками, вторая—черная съ широкой бѣлой перевязью на обоихъ крыльяхъ. Эти двѣ формы долгое время считались за два различныхъ вида, но впослѣдствіи оказалось, что различіе окраски обусловливается вліяніемъ временъ года: vanessa levana есть перезимовавшая въ куколкѣ vanessa prorsa. Теперь существуютъ самостоятельно и prorsa и levana. Вейссманъ развилъ теорію что prorsa произошла отъ levana во время ледниковой эпохи. Съ точки зрѣнія Келликера, находящей въ данномъ случаѣ опору въ фактахъ настоящаго, такой переходъ могъ произойти внезапно.

Теорія Келликера отрицаетъ знаменитое древнее положеніе: natura non facit saltum, положеніе, надо замѣтить, представляющее собою такой же бэконовскій idolon для современныхъ натуралистовъ, какимъ для прежнихъ являлся horror vacui въ природѣ. Теорія эта, далѣе, устанавливаетъ новый взглядъ на отношеніе организмовъ между собою. По Дарвину и другимъ, различные организмы тѣмъ ближе генетически, чѣмъ они ближе физически, по Келликеру этого не оказывается. Непосредственнымъ дѣтищемъ червеобразнаго существа можетъ быть musca domestica—организмъ совсѣмъ другого типа, стоящій рядомъ съ musca caesar, vomotoria и могущій не имѣть съ ними никакого родства. Келликеръ идетъ даже далѣе, онъ утверждаетъ, что организмы одного вида могли происходить отъ совершенно различныхъ предковъ, почему и называетъ свою гипотезу полифилитическою въ противоположность дарвиновской, которая, какъ онъ законно

говоритъ, непремѣнно должна быть монофилитической. Съ точки зрѣнія Келликера, значитъ, человѣкъ могъ родиться—даже и въ библейскомъ смыслѣ потенціально совершеннымъ—отъ какого-нибудь вовсе непохожаго на него млекопитающаго, но могъ, конечно, родиться и отъ обезьяны.

По пути проложенному Келликеромъ, Коржинскимъ, Бетсономъ пошелъ голландскій ботаникъ Фризъ. Внезапному превращенію одного вида въ другой теперь усвоено имя мутаціи, и теорія такихъ превращеній названа мутаціонной. Сущность ея по Фризу такова: органическіе виды не подлежатъ непрерывной измѣнчивости, въ теченіе болѣе или менѣе долгихъ періодовъ остаются неизмѣнными. Но затѣмъ органическій видъ вступаетъ въ мутаціонный періодъ, организмы прямо воспроизводятъ отъ себя новые виды. По мнѣнію Фриза, особенности вида обусловливаются появленіемъ въ организмѣ опредѣленныхъ, единичныхъ, рѣзко ограниченныхъ одинъ отъ другого элементовъ. Самъ элементъ тотъ подлежитъ измѣненіямъ, варіаціямъ, обусловливаемымъ, согласно опытамъ Фриза, главнымъ образомъ питаніемъ, отъ этого зависятъ варіаціи въ растеніяхъ. Но возникновеніе видовъ зависитъ не отъ варіацій, а отъ мутацій. Наступаетъ моментъ въ жизни вида, когда онъ долженъ дать жизнь новымъ видамъ. По Фризу такой мутаціонный періодъ въ недалекомъ прошедшемъ пережили многія растенія. Такова крупка весенняя, иначе называемая бѣленикъ весенній, сухоребрица (Hunger blumchen, La drave printannière), маленькое однолѣтнее растеніе, принадлежащее къ семейству кресто-цвѣтныхъ (имѣютъ четыре лепестка), съ бѣлыми цвѣтами лепестки раздѣляются вверху, плодъ—стручекъ, растетъ на песчаныхъ мѣстахъ (6 тычинокъ, изъ нихъ двѣ больше остальныхъ). У крупки въ настоящее время насчитываютъ до двухсотъ подвидовъ, очень сходныхъ, но совершенно самостоятельныхъ, которые поэтому могутъ быть разсматриваемы, какъ виды. Къ растеніямъ, подобно крупкѣ, недавно пережившимъ мутаціонный періодъ, относятъ подорожники, ивы, шиповникъ, ежевику. Въ настоящее время, по Фризу, переживаетъ мутаціонный періодъ oenothera lamarckiana (ослинникъ, онагрикъ, ночная свѣтильня, двухлѣтнее растеніе, семейство onagrarieae или oenotherae). Около ста лѣтъ назадъ оно вывезено изъ Сѣверной Америки и теперь распростра-

нилось по Европѣ. Есть виды oenothera употребляемые въ пищу, такъ, наприм., корень (такой же какъ у моркови) oenoterabiennis (которое разводится въ декоративныхъ цѣляхъ въ садахъ, благодаря своимъ желтымъ четырехлепестнымъ, красивымъ и сильно пахнущимъ цвѣтамъ). Фризъ наблюдалъ oenothera въ окрестностяхъ Амстердама, онъ замѣтилъ появленіе у этого растенія новыхъ видовъ, перенесъ его въ экспериментальный садъ и въ теченіе многихъ лѣтъ производилъ надъ ними наблюденія. Фризъ сѣялъ тысячами семена oenothera. Въ 1889—1899 г.г. изъ этихъ сѣмянъ вышло семь новыхъ видовъ: Oen. gigas, albicla, lata, nanella, rubrinervis, oblonga и scillitans. Послѣдній видъ наименѣе устойчивъ, только часть его сѣмянъ воспроизводитъ новый типъ. Важно здѣсь обратить вниманіе, что новый видъ возникаетъ не отъ одного какого-либо организма (oenothera имѣетъ цвѣты двуполые), а отъ многихъ. Сѣмена другихъ растеній даютъ тождественный новый видъ. Отсюда слѣдуетъ, что oenothera въ потенціи заключаетъ въ себѣ возможныя мутаціи въ строго опредѣленныхъ направленіяхъ.

Таковы факты, изъ которыхъ исходитъ Фризъ, и такова сущность его воззрѣній [1]). На основаніи своихъ наблюденій и опытовъ онъ пришелъ къ заключенію, что теорія Дарвина не только утверждается, благодаря игнорированію фактовъ, но что она обязана своимъ существованіемъ и невѣрнымъ наблюденіямъ и неправильнымъ аналогіямъ. Фризъ—ботаникъ по спеціальности, но теорія его имѣетъ приложеніе не къ растительному только, а ко всему органическому міру. Онъ указываетъ намъ путь къ разрѣшенію многихъ недоумѣній относительно человѣческаго рода. Съ точки зрѣнія Дарвина появленіе человѣка на землѣ есть актъ неуловимый. Каждый послѣдующій моментъ въ исторіи животнаго міра неуловимо отличается отъ предыдущаго. Человѣка не было въ началѣ какой-либо громадный геологической эпохи положимъ: пліоценовой или постпліоценовой, въ концѣ этой эпохи онъ явился. Медленность прогрессивнаго движенія въ

---

[1]) Свою теорію Hugo de Vries изложилъ въ обширномъ произведеніи—Die Mutationstheorie. Erster Band. 1901. Zweiter Band. 1903. Послѣ этого онъ не переставалъ развивать свои воззрѣнія въ различныхъ статьяхъ. См., С. Глаголева—Ботаника и дарвинизмъ (Вѣра и Разумъ, 1907, № 1).

животномъ мірѣ кажется человѣку совершенной неподвижностью. Точно также неуловимо, по Дарвину, развилась культура, образовались расы. Для исторіи человѣческаго рода нѣкоторые охотно назначаютъ милліоны лѣтъ (въ 1906 г., напримѣръ, явилась брошюра: Douze cent mille ans d'humanité). Наше христіанское воспитаніе пріучило насъ смотрѣть на происхожденіе и судьбы человѣчества совершенно иначе. Нельзя сказать, что мутаціонная теорія даетъ намъ неопровержимые доводы для обоснованія библейскаго повѣствованія и для опроверженія дарвиновской теоріи, но она во всякомъ случаѣ показываетъ, что то, о чемъ повѣствуетъ Библія, возможно, и что то, что утверждаетъ дарвинизмъ, еще не есть дѣйствительно. Библія представляетъ намъ появленіе человѣка на землѣ, какъ совершенно новый моментъ, новое явленіе въ исторіи міра. Теорія мутацій говоритъ: новыя явленія возможны. Библія представляетъ намъ, что человѣкъ явился нѣсколько съ иною организаціею, чѣмъ нынѣ существующіе люди: человѣкъ жилъ въ началѣ приблизительно девять сотенъ лѣтъ. Біологія знаетъ, что такое продолжительное существованіе организмовъ возможно (киты, предполагаютъ, живутъ столько же), а мутаціонная теорія утверждаетъ возможность происхожденія отъ такихъ долгожизненныхъ организмовъ новыхъ родовъ съ гораздо меньшею жизнеспособностью. Въ Библіи образованіе расъ, народностей представляется совершающимся какъ то неожиданно и незамѣтно. То человѣчество было едино и вдругъ оно оказывается раздробленнымъ на племена и государства. Мутаціонная теорія утверждаетъ безусловно возможность этого факта. Библія ходъ культуры представляетъ довольно быстрымъ; дарвинизмъ вопреки очевидности настаивалъ на его медленности. Говоримъ: вопреки очевидности, ибо достаточно сравнить состояніе техники въ концѣ XVIII и въ концѣ XIX вѣковъ, чтобы видѣть, какой громадный размахъ можетъ совершить культура въ теченіе одного столѣтія. Мутаціонная теорія и здѣсь указываетъ дарвинистамъ на рискованность ихъ тезисовъ.

Но мутаціонная теорія Фриза допускаетъ лишь малые размахи. Теорія Дарвина, по Фризу, для исторіи органическаго міра требуетъ два съ половиною милліарда лѣтъ. Его теорія мутацій требуетъ 24 милліона лѣтъ. Это конечно во 100 слиш-

комъ разъ меньше, чѣмъ дарвиновскіе милліарды, но все таки очень много. Фризъ получаетъ свою цифру такимъ образомъ. Если oenothera lamarkiana имѣетъ 6000 признаковъ и въ теченіе 4000 лѣтъ подвергся мутаціи одинъ признакъ, мы имѣемъ для исторіи oenothera, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для исторіи всего органическаго міра уравненіе:

$$6000 \times 4000 = 24000000.$$

Это—біохроническое уравненіе Фриза. Онъ даетъ такую общую формулу:

$$M \times L = BL$$

т. е. число мутацій, умноженное на среднее время между двумя мутаціями равно біологическому времени.

Не трудно видѣть всю произвольность фризовскаго уравненія. II мутаціи и среднее время между ними, не только можно, но и должно предполагать, суть величины перемѣнныя. Вѣдь, медленныя мутаціи Фриза происходили при неизмѣнныхъ геологическихъ условіяхъ, а эти условія, по возрѣніямъ самого Фриза, мѣнялись въ прошедшемъ. Фризу нужны его милліоны для того, чтобы согласить свою біологическую исторію съ предполагаемой геологической. Но прочно ли установлены геологическія цифры? Не придется ли и здѣсь въ будущемъ производить сокращенія подобныя тѣмъ, которыя Фризъ производитъ въ исторіи органическаго міра. Вѣдь, онъ сокращаетъ эту исторію въ 104 раза. Что если и геологическую исторію можно сократить подобнымъ образомъ? Это предположеніе теперь можетъ показаться нелѣпо еретическимъ, но можетъ быть черезъ два десятилѣтія оно не покажется такимъ.

И геологическая и біологическая исторіи неизвѣстны человѣчеству. Несомнѣнно, что теперешняя геологическая классификація имѣетъ лишь провизорный характеръ и въ нее не укладываются факты, что отмѣтилъ еще покойный Лаппаранъ въ своей работѣ Les Surprises de la Stratigraphie (Rev. d. Quest. scientif. Juillet. 1904). Исторіи органическаго міра написанныя доселѣ даже непровизорны, а просто произвольны. Для естественной исторіи они, пожалуй, менѣе цѣнны, чѣмъ миѳологіи для изученія человѣческой исторіи.

Кто знаетъ, можетъ быть предположеніе древнихъ, что широкогрудая Геа—земля нѣкогда пребывала въ мукахъ рожденія и непосредственно изъ себя произвела различные

роды сущаго, кто знаетъ, можетъ быть это предположеніе заключаетъ въ себѣ гораздо болѣе истины, чѣмъ предполагалось доселѣ. Почему то донынѣ изслѣдователи не обращали вниманія на слѣдующее.

Если существуетъ эволюція, то должно происходить съ одной стороны вымираніе существующихъ формъ жизни, съ другой—возникновеніе новыхъ. Если нѣтъ эволюціи, то долженъ происходить только первый процессъ. Но человѣчество за все время своего не только историческаго, а и палеонтологическаго существованія наблюдало только этотъ процессъ вымиранія. Никакихъ новыхъ формъ жизни не явилось на глазахъ человѣка, конечно, разумѣя подъ новыми формами не oenothera Lamarkiana, а нѣчто болѣе важное, но многія старыя формы вымерли на глазахъ человѣка. Таковы: мамонты, пещерные львы, пещерные тигры и медвѣди, костистые носороги, гигантскіе олени, туры, морскія коровы, птица моа и много другихъ. Многія животныя вымираютъ. Таковы: зубры, бѣлые носороги, окапи. Есть серьезныя основанія утверждать, что въ недалекомъ будущемъ должны погибнуть крупные хищники и многія толстокожія. Своеобразная фауна Австраліи (утконосъ, ехидна) тоже едва ли долговѣчна. Смерть и умираніе типичныхъ формъ наблюдаетъ около себя человѣкъ, но природа не дѣлаетъ никакихъ намековъ на то, что она находится въ потугахъ рожденія новыхъ формъ. Но если такъ, то очевидно, что въ прошедшемъ формъ промежуточныхъ типовъ должно было быть болѣе, чѣмъ въ настоящемъ. Отсюда и слѣдуетъ, что палеонтологія должна отыскивать переходныя формы. Но какъ произошли эти формы, на самомъ дѣлѣ не знаетъ никто. Никто доселѣ не объяснилъ, какъ образовались человѣческія расы. Для провѣрки предположеніяхъ гипотезъ имѣются данныя тысячелѣтій, но эти данныя ничего не дали. Исторіи расъ не существуетъ, даже нѣтъ тѣни этой исторіи. Но если неизвѣстно, какъ произошли расы, то тѣмъ болѣе съ научной точки зрѣнія неизвѣстно, какъ произошелъ человѣкъ.

7.

Вопросъ о побочныхъ основаніяхъ десцендентной теоріи.

Теорія, утверждающая происхожденіе высшихъ органическихъ типовъ отъ низшихъ путемъ эволюціи, не имѣетъ для

себя прямыхъ основаній и не дала доселѣ правдоподобной исторіи ни одного рода. Она и аппелируетъ главнымъ образомъ не къ прямымъ, а къ *побочнымъ* даннымъ. Поучительно разсмотрѣть эти побочныя данныя.

Прежде всего займемся разсмотрѣніемъ данныхъ, представляемыхъ эмбріологіею. Сущность основаній, заимствуемыхъ эволюціонистами изъ эмбріологіи, состоитъ въ томъ, что, такъ какъ онтогеническій процессъ (процессъ индивидуальнаго развитія) отражаетъ въ себѣ процессъ филогеническій (процессъ родового развитія), и такъ какъ зародышъ человѣка въ различныхъ стадіяхъ своего развитія бываетъ похожъ послѣдовательно на различные животные типы, начиная отъ низшихъ и восходя къ высшимъ, то значитъ, отъ этихъ животныхъ типовъ онъ и произошелъ. Но во 1) дѣйствительно ли онтогеническій процессъ служитъ отраженіемъ процесса филогеническаго, это еще не доказано. Существуютъ даже нѣкоторыя основанія отрицать это, именно слѣдующія: а) зародышъ всякаго животнаго въ своемъ развитіи бываетъ похожъ только на очень немногія формы низшія; между тѣмъ какъ по теоріи эволюціи онъ долженъ бы былъ проходить безчисленное количество низшихъ формъ. Далѣе, даже и съ немногими то формами его сходство бываетъ не безусловно, а ограничено только немногимъ числомъ признаковъ: походя въ одномъ какомъ нибудь отношеніи, положимъ, на рыбу, зародышъ въ тоже время имѣетъ признаки исключительно присущіе млекопитающему. По теоріи эволюціи этого быть бы не должно. b) Процессъ развитія различныхъ животныхъ далеко не одинаковъ. Такъ всѣ млекопитающія развиваются совершенно иначе, чѣмъ безпозвоночныя. „У млекопитающихъ прежде всего появляется сердце, вскорѣ затѣмъ, артеріи и вены, спустя немного, нервная система и, наконецъ, пищеварительный каналъ. У безпозвоночныхъ порядокъ совершенно измѣняется. Пищеварительный аппаратъ производится раньше органовъ кровообращенія. Иногда случается, что ихъ вовсе не бываетъ въ теченіе долгаго времени независимой жизни молодого животнаго внѣ яйца“. (Катрфажъ, Метаморфозы человѣка и животныхъ, стр. 19). По теоріи эволюціи слѣдовало бы признать, что млекопитающія произошли не отъ безпозвоночныхъ, но въ такомъ случаѣ отъ кого же? Вообще то замѣ-

тимъ, что чѣмъ дальше изучается эмбріологія, тѣмъ болѣе колеблется ученіе о прохожденіи высшимъ животнымъ въ своемъ развитіи формъ, отражающихъ низшія. Ученіе Меккеля (своими соображеніями по этому предмету, представлявшаго прекрасныя основанія для Геккеля) утверждавшаго (въ 1812 г.) что каждый организмъ отражаетъ въ своемъ развитіи всѣ низшія формы, давно отвергнуто. Еще Бэръ показалъ, что не всѣ животныя развиваются однимъ и тѣмъ же путемъ; изслѣдованія послѣ Бэра еще болѣе подтвердили утвержденіе послѣдняго. 2) Но если даже допустить, что въ развитіи зародыша отражаются низшія формы, то и тогда здѣсь, собственно говоря, не много слѣдуетъ въ пользу теоріи эволюціи. Каждый высшій организмъ обыкновенно представляетъ собою непосредственно низшій + нѣкоторый X. Развитіе каждаго организма, конечно, должно происходить въ такомъ порядкѣ, что сначала являются у него органы наиболѣе необходимые для жизни, затѣмъ, менѣе, необходимые. Понятно, что питаніе должно предшествовать ощущенію и ощущеніе—мысли, существенное должно являться раньше несущественнаго и главное раньше деталей. Отсюда, естественно, зародышъ высшаго организма въ извѣстныхъ стадіяхъ развитія долженъ отражать въ себѣ низшіе организмы, какъ отдаленные отъ него, такъ затѣмъ и ближайшіе къ нему. Но въ дѣйствительности онъ бываетъ только похожъ на нихъ, а не тожественъ съ нимъ: a) съ самаго начала, вѣдь, у него въ сѣмени заложенъ тотъ X, который отличаетъ его отъ организма низшаго; b) потому что онъ въ дѣйствительности представляетъ собою не просто непосредственно низшій его организмъ +X, а нѣкоторое измѣненіе этого организма +X. Эмбріологія, дѣйствительно, и подтверждаетъ это апріорное соображеніе о зародышѣ. Но въ такомъ случаѣ, очевидно, эмбріологія представляетъ собою весьма шаткую, даже, пожалуй, опасную (если принять во вниманіе сказанное подъ 1, *a* и *b* пунктами) опору для теоріи эволюціи; и во всякомъ случаѣ ея указанія въ рѣшеніи вопроса, о происхожденіи человѣка безъ подтвержденія ихъ другими данными не имѣютъ значенія. Обратимся къ этимъ другимъ даннымъ.

Эволюціонисты указываютъ на рудиментарные органы, существующіе у человѣка и представляющіе будто бы собою

безполезное наслѣдіе, полученное отъ отдаленныхъ животныхъ предковъ. Но на самомъ дѣлѣ происхожденіе каждаго изъ рудиментарныхъ органовъ у человѣка можетъ быть объяснено совершенно иначе. Что касается до будто бы рудиментарныхъ мышцъ на лбу и ушныхъ, то онѣ, пожалуй, указываютъ, что люди, вообще, прежде двигали ушами и кожею на лбу, но, вѣдь, несомнѣнно, въ неблагопріятномъ для Дарвина смыслѣ. Движеніе ушами, если могло быть полезно прежде животному предку человѣка или человѣку, то только вертикальное, между тѣмъ какъ оно (какъ показываютъ мышцы) было только горизонтальное, слѣдовательно, безполезное: движеніе кожи на лбу, понятно, не могло быть полезно ни для животнаго, ни для человѣка. Позволительно поэтому предполагать, что главное назначеніе этихъ мышцъ состоитъ не въ томъ, чтобы сообщать движеніе, а въ чемъ то иномъ, что онѣ играютъ какую-то доселѣ не выясненную роль въ экономіи организма. Маленькій выступъ на ушахъ, указанный Дарвину Ульнеромъ, не представляетъ собою зачаточнаго органа. Изслѣдованія показываютъ, что у нѣкоторыхъ людей такихъ выступовъ бываетъ два. Объясняя, какъ рудиментъ, одинъ выступъ, мы обязаны также объяснять и другой выступъ, но въ такомъ случаѣ падаетъ теорія Дарвина объ остроконечныхъ ушахъ нашихъ предковъ. Не представляетъ рудимента и ушная раковина. Правда, не доказано, но можно предполагать, что она оказываетъ значительную услугу органу слуха, собирая звуковыя волны и передавая ихъ колебанія оконечностямъ слуховыхъ нервовъ. Это предполагать можно, такъ какъ еще никто не доказалъ противнаго. Полулунная складка около вѣка, въ которой Дарвинъ хочетъ видѣть остатокъ мигательной перепонки, на самомъ дѣлѣ можетъ имѣть совсѣмъ иное значеніе въ экономіи организма. Видѣть въ чувствѣ обонянія рудиментарный органъ по меньшей мѣрѣ несостоятельно, во 1) потому что оно доставляетъ эстетическое наслажденіе черезъ воспріятіе ароматическихъ запаховъ, во 2) потому что оно играетъ роль профилактическаго органа: оно удерживаетъ насъ отъ того, чтобы оставаться въ испорченной атмосферѣ, сообщая о ея зловоніи, оно удерживаетъ насъ, напримѣръ, отъ употребленія въ пищу гнилой рыбы, возвѣщая о совершающихся въ ней процессахъ разложенія. Трудно

объяснить существованія волосъ на различныхъ частяхъ тѣла; но эта трудность еще не даетъ основаній утверждать, что они—рудиментарный органъ. Существованія волосъ на головѣ, у мужчинъ—бороды и усовъ доставляетъ эстетическое наслажденіе (въ тропическихъ странахъ волосы защищаютъ отъ зноя), брови охраняютъ глаза отъ разъѣдающаго дѣйствія пота. Но зачѣмъ бываютъ волосы на груди, рукахъ, ногахъ и т. д.? Атласистая голая кожа есть требованіе эстетическое, природа, однако, далеко не вполнѣ удовлетворяетъ этому требованію. Какія условія заставляютъ ее не удовлетворять ему, когда и гдѣ появляется у человѣка наиболѣе волосъ на тѣлѣ и при томъ волосъ шерстоподобныхъ? Даемъ на это общепризнанный отвѣтъ словами Дарвина: „при условіяхъ ненормальнаго питанія близь хронически воспаленныхъ поверхностей". Этотъ отвѣтъ Дарвина едва ли особо благопріятствуетъ его теоріи. У человѣка есть червеобразный отростокъ слѣпой кишки, повидимому, не только безполезный, но даже вредный, должно ли этотъ отростокъ считать рудиментарнымъ органомъ? Основаній для этого нѣтъ, ибо онъ можетъ имѣть какое-нибудь доселѣ невыясненное физіологическое значеніе; что же касается до указываемаго вреда отъ него, если попадутъ какія-нибудь твердыя тѣла, то вѣдь, съ равнымъ правомъ Дарвинъ и Геккель могли бы указать на вредъ отъ дыхательнаго горла, въ которое, если попадетъ твердый предметъ, то человѣкъ погибаетъ неизбѣжно. Причину существованія зачаточныхъ женскихъ половыхъ органовъ у мужчинъ и мужскихъ у женщинъ нужно видѣть, какъ это показалъ Келликеръ, въ двуполомъ размноженіи; вѣдь, извѣстно, что зародышъ въ извѣстный періодъ развитія бываетъ одинаковъ, какъ мужской, такъ и женской, половые органы не обозначаются ясно и только впослѣдствіи или мужскіе или женскіе органы выдѣляются и развиваются окончательно. Другіе органы (противоположнаго пола), остающіеся зачаточными,—удѣлъ всѣхъ позвоночныхъ и однако, въ развитомъ видѣ (за исключеніемъ аномаліи) не существуютъ ни у одного позвоночнаго. Если бы эти зачаточные органы были рудиментарными, то они должны были бы имѣть не ту форму, какую имѣютъ теперь, а ту, въ которой они существовали въ отдаленныя времена у отдаленныхъ двуполыхъ предковъ; однако этого нѣтъ, зна-

читъ, они вовсе не завѣтъ предковъ потомству. Указываютъ на хвостецъ, существующій у человѣка и будто бы служащій напоминаніемъ о томъ, что человѣкъ былъ нѣкогда одаренъ хвостомъ, но можно, вѣдь, въ немъ и не видѣть этого напоминанія: можетъ быть онъ нуженъ человѣку для сообщенія большей устойчивости его вертикальному положенію (отодвигая къ заду центръ тяжести), можетъ быть нуженъ для какихъ-нибудь другихъ цѣлей. Претендуютъ на то, что открыли рудиментарные остатки третьяго глаза у человѣка. Чтеніе этого сообщенія о третьемъ глазѣ невольно вызываетъ нѣкоторое изумленіе передъ тою странною послѣдовательностью развитія органа, которую намѣчаютъ сдѣлавшіе открытіе Кармельтъ и Varigni. У рыбъ глазъ не обнаруживается ясно, у земноводныхъ тоже не обнаруживается, у пресмыкающихъ замѣтнѣй всего, у млекопитающихъ остается какая то шишка, очень маленькая. Какимъ же образомъ шло развитіе этого органа? Вѣдь, если онъ исчезъ у млекопитающихъ, то самые слабые слѣды его должны быть у пресмыкающихся, болѣе замѣтные у земноводныхъ, еще болѣе замѣтные и, можетъ быть, даже прямо самый органъ у рыбъ. Но на самомъ дѣлѣ мы видимъ, развитіе органа, шло по какой то волнообразной линіи, да вдобавокъ самого то органа, вѣдь, нигдѣ и ни у кого не нашли. Относительно этого, какъ его называютъ, пинеальнаго глаза образовались различныя мнѣнія и возникли споры (Лейдига и Лейденфельда), которые пока совершенно устраняютъ возможность ссылаться на этотъ спорный органъ въ доказательство истинности эволюціонной доктрины. (Dollo, L'oeil. pinéal. Rev. Quest. Scient. 1888. Janvier. p. 336).

Подведемъ итогъ всему сказанному о такъ называемыхъ рудиментарныхъ органахъ: 1) значеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ, наприм., хвоста, лунообразной складки около глаза, нѣкоторыхъ мышцъ для насъ не совсѣмъ ясно; тѣмъ не менѣе, мы имѣемъ основанія предполагать, что они имѣютъ значеніе въ животной экономіи, только ускользающее доселѣ отъ нашихъ наблюденій, это предположеніе во всякомъ случаѣ не менѣе вѣроятно, чѣмъ предположенія Дарвина; 2) въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, пожалуй, можно предполагать рудиментарные органы; по Дарвину, можно такъ смотрѣть на органъ обоняния у дикарей, что, однако, будетъ свидѣтель-

ствовать только о томъ, что эти дикари произошли отъ болѣе совершенныхъ предковъ; 3) нѣкоторые такъ называемые рудиментарные органы на самомъ дѣлѣ представляютъ собою патологическое явленіе.

Третій рядъ фактовъ, которые будто бы, по утвержденію эволюціонистовъ, представляютъ собою подтвержденіе ихъ теоріи, суть явленія атавизма. Сущность этихъ явленій состоитъ въ томъ, что являются иногда у людей признаки и органы животныхъ. Но кажется, даже признавая гипотезу Дарвина справедливою, нельзя видѣть въ приводимыхъ имъ и другими примѣрахъ дѣйствительно то, что они понимаютъ подъ атавизмомъ, нельзя видѣть въ нихъ возвращенія къ первобытному типу. Возвращеніе къ типу предковъ, дѣйствительно, бываетъ. Рождающіяся дѣти иногда бываютъ похожи не на родителей, а на болѣе отдаленныхъ предковъ: дѣда, прадѣда и т. д.; но можетъ ли атавизмъ заходить далѣе, это не доказано. Факты, отмѣчаемые Дарвиномъ и другими эволюціонистами, имѣютъ причину свою не въ предкахъ, а совсѣмъ въ другихъ обстоятельствахъ. Дѣло въ томъ, что въ зародышѣ, подъ вліяніемъ еще далеко не выясненныхъ условій, одинъ органъ можетъ развиться далѣе нормальной величины, другой—не доразвиться. Такъ являются микроцефалы—люди съ весьма малыми головами, такъ являются хвостатые люди вслѣдствіе того, что хвостецъ ихъ продолжалъ развиваться дальше, чѣмъ слѣдуетъ. Отчего это такъ? Мы не пытаемся представить естественно-научнаго объясненія этого факта, но постараемся только показать его возможность нѣкоторой аналогіей. Существуютъ въ организмѣ такъ называемые фагоциты—клѣточки, пожирающія другія около нихъ лежащія клѣточки и вырабатывающія изъ нихъ новые органы. Такъ, напримѣръ, у взрослой лягушки исчезаетъ хвостъ черезъ поглощеніе его фагоцитами. У человѣческаго зародыша въ извѣстной стадіи развитія хвостецъ выступаетъ далеко наружу, въ дальнѣйшемъ излишекъ его исчезаетъ, можетъ быть его поглощаютъ клѣточки, подобныя фагоцитамъ; представимъ себѣ, что вслѣдствіе какой-нибудь болѣзни дѣйствіе этихъ клѣточекъ парализуется, тогда хвостецъ остается сильно развитымъ, и человѣкъ рождается съ хвостомъ.

Относительно хвостатыхъ людей нужно, впрочемъ, замѣ-

тить еще, что доселѣ не доказано, чтобы они дѣйствительно были. Тамъ, гдѣ хвостатость была тщательно изслѣдована, оказывалось, что органы называемые хвостами, на самомъ дѣлѣ представляли собою болѣзненное образованіе иного порядка. Такъ въ концѣ 1874 г. Вирховъ получилъ отъ главнаго врача греческой арміи письменное сообщеніе о нѣкоторомъ человѣкѣ и съ фотографіею его, показывающею, что онъ обильно покрытъ шерстью въ области крестцовой кости. Для главнаго врача этотъ человѣкъ являлся истинно, какъ homo caudatus. Вирховъ уже готовъ былъ опубликовать сообщенія о новомъ случаѣ умноженія и свободнаго выступанія спинныхъ позвонковъ, но полученное въ это же утро новое сообщеніе удержало его отъ этого. Въ Берлинъ на секцію было представлено женское тѣло, имѣющее на оконечности спины значительно выступающее впередъ мѣсто, покрытое волосами. Точное изслѣдованіе показало, что здѣсь былъ случай такъ называемой Spina bifiola occulta, неимѣющій ничего общаго съ атавизмомъ. Мнимый придатокъ былъ только болѣзненнымъ образованіемъ и развитіемъ родимаго пятна, сильно выдвинувшагося и обильно покрытаго волосами.

Что касается до волосатости людей, то въ ней по самому ученію Дарвина позволительно видѣть ненормальность, но—главное—самый характеръ ея совершенно отрицаетъ атавизмъ. У бирманскаго семейства волосы были особенно обильны и длинны на лицѣ; какимъ же образомъ это явленіе представляетъ возвращеніе къ обезьяньему типу, когда у обезьянъ волосы на лицѣ отсутствуютъ, да и вообще нѣтъ никакого животнаго, и никто не зналъ такового въ прошедшемъ, у котораго косы спускались бы со щекъ. Наконецъ, волосатость у бирманскаго семейства соединялась съ крайне слабымъ развитіемъ зубовъ, а слабые зубы далеко не признакъ атавизма. Что касается до волосатой дѣвочки Крао, то хвоста у ней, приписываемаго ей ея антрепренеромъ, не было, сама она по своимъ способностямъ стояла выше многихъ дѣтей ея возраста: она была дѣвочкой съ хорошими способностями. Волосатость ея представляетъ случай hypertrichosis universalis и объясненіе ея должно искать не въ атавизмѣ, а въ условіяхъ зачатія и утробнаго развитія Крао. Приводятъ примѣръ людей, напоминающихъ собою овцу, гуся, зайца и т. д. Разсказываютъ, напримѣръ, объ одной

идіоткѣ, которая имѣла отвращеніе отъ мяса, ѣла съ жадностью растительную пищу, не пила ничего, кромѣ воды. Выраженія ея чувствъ—радости или тревоги—ограничивались повтореніемъ звуковъ—бе, ма, ба. Сидѣла и спала она постоянно на полу, а когда упрямилась или хотѣла выразить неудовольствіе, то пробовала бодаться. Спина и плечи ея были покрыты мягкими, черноватыми волосами, а въ формѣ ея головы было будто бы нѣчто овечье. Другой подобный примѣръ приводитъ извѣстный психопаталогъ Маудсли, именно дѣвочку-идіотку, которая по наружности и повадкѣ имѣла нѣкоторое сходство съ гусемъ, почему сидѣлки въ домѣ умалишенныхъ прозвали ее „ощипаннымъ гусемъ". Голова у ней была маленькая, волосы жидкіе съ небольшой лысинкой на маковкѣ, глаза большіе круглые. Нижняя челюсть представляла нѣкоторое сходство съ клювомъ, шея была необыкновенно длинна и гибка и могла, загибаясь назадъ, касаться спины между лопатками. Кожа ея представляла сходство съ гусиною, именно только что ощипанной, а высунувшіеся нижніе углы лопатокъ похожи на зачатки крыльевъ. Въ радости дѣвушка эта гоготала, какъ гусь, при неудовольствіи шипѣла, а разсердившись била себя руками по бокамъ или топала ногами. Сама она не могла ѣсть, но жадно глотала все, что клали ей въ ротъ. Она страшно любила купаться и, когда ее сажали въ ванну, громко хохотала отъ радости". Разсказываютъ много другихъ подобныхъ случаевъ. Что означаютъ они? Принимая во вниманіе тотъ несомнѣнный и для Дарвина и для другихъ фактъ, что въ числѣ предковъ человѣка не было ни овцы, ни гуся, должно признать, что причина рожденія людей съ признаками и свойствами животныхъ кроется не въ атавизмѣ, который не можетъ здѣсь имѣть мѣста, а въ чемъ то иномъ. Думаемъ, что причины такихъ уродствъ у тѣхъ или у другихъ субъектовъ нужно искать не въ далекомъ прошломъ, а въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, имѣвшихъ мѣсто во время беременности ихъ матерей.

Въ ряду явленій атавизма особенно сильное вниманіе было обращено на микроцефалію или малоголовость. Фогтъ написалъ цѣлую книгу о малоголовыхъ (переведена на русскій языкъ). Нельзя оспаривать значенія и достоинствъ этой книги, содержащей въ себѣ массу фактовъ, изслѣдо-

ваній и наблюденій весьма важныхъ для врача и антрополога, но должно рѣшительно утверждать, что она не представляетъ никакого довода въ пользу теоріи происхожденія человѣка отъ обезьяны. Стремленіе сдѣлать эту книгу однимъ сплошнымъ аргументомъ въ пользу извѣстной теоріи, только много повредило книгѣ. Ради своей цѣли Фогтъ жертвуетъ правдой, это побуждаетъ къ осторожности при обращеніи съ его книгой. Такъ сознательно или безсознательно, но о мозгѣ микроцефаловъ онъ говоритъ неправду. Мозгъ микроцефаловъ, правда, отличается отъ мозга человѣческаго, но не приближается къ обезьяньему. Отсутствіе симметричности въ извилинахъ обоихъ полушарій, отсутствіе наружной затылочной перпендикулярной борозды и такъ называемаго operculum, все это далеко не напоминаетъ обезьянъ. Точно также строеніе и изгибъ основанія черепа, отсутствіе черепныхъ гребней и строеніе костей лица выказываетъ (какъ и все прочее тѣло) совершенно человѣческіе признаки. Фогтъ не излѣдовалъ самъ мозга микроцефаловъ, онъ удовольствовался изученіемъ слѣпковъ и наблюденіями другихъ анатомовъ, но тѣ, которые занимались таковымъ изслѣдованіемъ, пришли къ указанному заключенію о несходствѣ микроцефаловъ съ обезьянами. Вотъ имена этихъ анатомовъ: Маршаль, Лушко, Ленхосежъ, Эккеръ, Мержеевскій, Зандеръ, Шнеле, Бищовъ, Вирховъ и др. По мнѣнію всѣхъ этихъ анатомовъ явленіе микроцефаліи представляетъ собою не атавизмъ, а слѣдствіе остановки развитія мозга въ зародышѣ. Но не зависимо отъ этихъ фактовъ представляется въ высшей степени страннымъ, какъ Фогтъ или кто либо другой могъ видѣть въ микроцефалахъ портреты своихъ предковъ. 1) Микроцефалы-идіоты, неспособные поддерживать собственное существованіе. Неужели можно допустить, чтобы въ ряду нашихъ предковъ были такіе. Если бы дѣйствительно были такіе, то насъ бы не было. 2) Всѣ микроцефалы не способны къ продолженію рода. Какъ же отъ такихъ предковъ могли бы явиться мы? Микроцефалы, это— уроды, подобные двуголовымъ и тому подобнымъ тератологическимъ субъектамъ. Если судить по этимъ исключеніямъ о нашемъ прошедшемъ, то должно было бы допустить, что въ ряду нашихъ предковъ были обладающіе и двумя головами и шестью или семью конечностями, и все это въ

недалекомъ разстояніи отъ насъ между высшими позвоночными.

Вся эта теорія побочныхъ данныхъ имѣетъ въ своей основѣ чрезвычайно странныя предположенія. Ею предполагается, что организмы безъ всякой пользы или даже со вредомъ для себя повторяютъ въ своей жизни исторію жизни своего рода. Вѣдь, что нибудь изъ двухъ: или человѣческому зародышу на извѣстной стадіи его развитія нужны жаберныя щели или ненужны. Въ первомъ случаѣ ненужно обращаться къ исторіи рода, а нужно объяснить, какъ наличные факторы удовлетворяютъ нужду зародыша въ жаберныхъ щеляхъ. Во второмъ случаѣ мы получаемъ смѣлое и очень рискованное утвержденіе, что зародышъ развивается *нецѣлесообразно*. Но если даже принять и это, то все таки индивидуальное развитіе должно быть истолковываемо изъ наличныхъ факторовъ развитія, а не изъ исторіи рода. Апелляція къ исторіи есть на самомъ дѣлѣ отказъ отъ объясненія. Затѣмъ теоріей побочныхъ данныхъ предполагается, что природа снабжаетъ организмъ ненужными или даже вредными для него органами (нефункціонирующими мышцами, опаснымъ чревообразнымъ отросткомъ) и это происходитъ всегда при условіяхъ нормальнаго развитія. Получается, что нормы природы ненормальны. Да простятъ мнѣ великіе защитники дарвинизма, сколько бы ни считалось между ними геніальныхъ ученыхъ, я все таки скорѣе повѣрю природѣ, чѣмъ имъ, и рѣшительно утверждаю, что обвиненія возводимыя ими на природу обусловливаются тѣмъ, что они ея не знаютъ. Не умѣя опредѣлить значенія того или иного органа въ развитіи или экономіи организма, они говорятъ, что онъ ненуженъ. При такомъ отношеніи къ фактамъ, пожалуй, много ненужнаго окажется на свѣтѣ. Наконецъ, въ теоріи атавизма мы встрѣчаемся съ мистическимъ элементомъ въ дарвинизмѣ. Оказывается, организмъ въ скрытомъ состояніи носитъ въ себѣ всѣ свойства и качества своихъ прабабушекъ и прадѣдушекъ и при благопріятныхъ обстоятельствахъ можетъ передать ихъ потомству такъ, что они станутъ явными, какъ и были у предковъ. Какимъ безконечнымъ наслѣдствомъ, оказывается, владѣютъ организмы, не пользуясь имъ и даже не подозрѣвая о его существованіи! Все это слишкомъ сложно, произвольно и представ-

ляетъ природу дѣйствующею очень неразумно. Прежде каждое научное открытіе вызывало удивленіе передъ премудростью законовъ природы—ихъ простотою и цѣлесообразностью. Теорія побочныхъ данныхъ устанавливаетъ новый взглядъ на природу. Эта теорія уподобляетъ ее фантастически глупому архитектору, который, взявшись построить на мѣстѣ хижины дворецъ (вмѣсто ланцетика человѣка), весь грубый и непрактичный матеріалъ хижины присоединилъ бы къ мрамору и бронзѣ дворца. Такихъ нелѣпыхъ архитекторовъ не встрѣчается и между людьми, а природа во всякомъ случаѣ архитекторъ болѣе премудрый, чѣмъ кто-либо изъ архитекторовъ.

8.

Религіозная сторона вопроса о происхожденіи человѣка.

Есть люди, которые хотятъ разграничить, какъ несоприкасающіяся области, религію и науку и есть люди, которые такимъ же образомъ хотятъ разграничить религію и жизнь. Первые говорятъ: областью религіи служитъ непознаваемое, наука занимается познаваемымъ, онѣ не должны поэтому сталкиваться между собою и если такія столкновенія происходили и происходятъ, то это—плодъ печальнаго недоразумѣнія. Вторые говорятъ: религія есть частное дѣло каждаго, общество не должно ни поощрять, ни преслѣдовать религіозныхъ вѣрованій, не должно и считаться съ ними въ своихъ законахъ и постановленіяхъ. Такъ и первые и вторые хотятъ сдѣлать изъ религіи что-то въ родѣ безвреднаго фантазированія, они хотятъ допустить ея существованіе у нѣкоторыхъ въ видѣ какого-то придатка, цѣнность и значеніе котораго равна нулю. На самомъ дѣлѣ такимъ безполезнымъ и невѣсомымъ балластомъ религія никогда не была и не будетъ. Умные люди всегда понимали это. Ѳ. Гоббесъ (1588—1679), религіозность котораго весьма сомнительна, боялся религіи, какъ силы, съ которою постоянно приходится считаться и трудно справиться государству. Не должно быть, разсуждалъ онъ, свободы въ сферѣ религіозной, таковая можетъ вести только къ бѣдствіямъ. Такъ, при различіи религіозныхъ воззрѣній представитель власти можетъ потребовать отъ гражданина чего нибудь такого, что послѣднему

представится грѣхомъ (присяги, участія въ военной службѣ). Возникаютъ несогласія, раздоры, которые многократно вели къ междуусобіямъ и войнамъ. Нѣтъ такого догмата, относительно котораго нельзя было бы спорить, отсюда при раздѣленіи свѣтской и религіозной власти всегда неизбѣжны конфликты. Римскій папа всегда можетъ потребовать отъ англійскаго гражданина противнаго тому, что требуетъ отъ него король. Что было во дни Гоббеса, то будетъ всегда. Религіозныя убѣжденія одного не позволятъ ему прикоснуться къ чужой собственности, а религіознымъ исповѣданіемъ другого въ тоже время можетъ быть, что собственность есть кража. Отдѣленіе церкви отъ государства не рѣшаетъ вопроса. И послѣ отдѣленія церковь остается не какъ Privatsache, а какъ Status in statu; отсюда понятно стремленіе противниковъ церкви не отдѣлить только ее, но и уничтожить; отсюда—борьба. Это—въ области практической; тоже самое имѣетъ мѣсто и въ области теоретической. Наука о религіи—богословіе отрицаетъ самодостаточность или самобытность міра. По представленію многихъ натуралистовъ, свойства міра въ настоящемъ указываютъ на его вѣчное существованіе въ прошедшемъ, и это прошедшее можно точно такъ же возстановлять научно, какъ и предсказывать будущее. Далѣе, богословіе учитъ о провидѣніи, которое можетъ измѣнять, преобразовывать и возвышать строй міровой жизни для высшихъ цѣлей. Подобно тому, какъ человѣкъ вноситъ измѣненія въ естественную жизнь природы, такъ Богъ преобразуетъ природу, смотря по тому, что наиболѣе полезно для человѣка. Это промышленіе о мірѣ обусловливается тѣмъ, что міръ не есть мертвый механизмъ, но въ немъ живутъ свободныя твари дѣйствія которыхъ нельзя всецѣло истолковывать изъ предшествовавшихъ условій, но которыя въ нѣкоторой сферѣ являются первопричиною явленій, какъ Богъ есть первопричина ихъ бытія. Наконецъ, богословіе сообщаетъ многое о прошедшемъ и о конечномъ будущемъ,—эти сообщенія, говорятъ, стоятъ въ противорѣчіи съ тѣмъ, что открыла наука относительно прошедшаго и что она предвидитъ относительно будущаго. Такъ разсуждаютъ многіе натуралисты.

Конфликты между религіозными вѣрованіями и научными воззрѣніями существовали всегда. Китайскій мыслитель

Янъ-Чжу еще до Р. Х. подрывалъ религіозное ученіе Конфуція. В. Индіи философія Бригаспати находила несовмѣстными научныя данныя о природѣ съ браминскимъ богословіемъ. Въ III в. по Р. Х. неоплатоникъ Порфирій настаивалъ на научной несостоятельности христіанства, тоже самое въ IV в. повторялъ Юліанъ. Въ новое время конфлитъ между богословіемъ и наукой возникъ съ появленіемъ теоріи Коперника и крайне обострился въ эпоху Галилея. Галилей пытался устранить обвиненіе его въ ереси двумя повидимому взаимно исключающими себя разсужденіями. Съ одной стороны, онъ утверждалъ, что Св. Писаніе учитъ такъ же, какъ и онъ (земля въ Писаніи называется повѣшенною, недержимо тяготѣющею), и что, слѣдовательно, прежнія толкованія Писанія не правильны; съ другой стороны онъ говорилъ, что Писаніе назначено только для спасенія души, что оно не можетъ служить авторитетомъ для науки, и послѣдняя не должна зависѣть отъ него. Повидимому, что нибудь одно: или нужно настаивать на согласіи своего ученія съ писаніемъ или на томъ, что такое согласіе совсѣмъ не требуется. Галилей настаивалъ на томъ и на другомъ. Позволительно думать, что имъ при этомъ руководило инстинктивное чувство истины. Всякое ученіе, если оно истинно, непремѣнно должно быть въ согласіи съ *духомъ* Богословія и Писанія, разъ мы вѣримъ, что таковыя содержатъ истину. Но вопросъ о согласіи результатовъ опытнаго знанія съ *буквою* Писанія не можетъ имѣть для себя такого простого рѣшенія. Библія излагаетъ ученіе истины не ученымъ языкомъ, а „для мудрыхъ и простыхъ вкупѣ“, языкомъ эпохи, примѣнительно къ представленіямъ времени. Въ Библіи есть и человѣческій элементъ. Съ другой стороны, Библія во всемъ своемъ объемѣ есть божественное ученіе, поэтому въ ней могутъ предлагаться только такія представленія о природѣ, которыя по *существу* непремѣнно согласны съ истиной. Имѣя все это въ виду, должно признать, что не всегда вопросъ объ отношеніи Библіи къ новымъ ученіямъ можетъ быть рѣшаемъ скоро и просто. Человѣкъ ограниченъ и его сужденія о Библіи и законахъ природы часто оказываются погрѣшительными. Чѣмъ тверже мы будемъ признавать святость Библіи, чѣмъ больше мы будемъ любить изслѣдованія и чѣмъ большую терпимость мы будемъ проявлять къ мнѣ-

ніямъ, не согласнымъ съ нашими собственными, тѣмъ скорѣе во многихъ случаяхъ мы придемъ къ единенію съ нашими противниками въ истинѣ и любви. Такъ разсуждаемъ мы съ точки зрѣнія вѣры, но на какой точкѣ зрѣнія ни стоять, должно признать неизбѣжность конфликтовъ и объ этомъ нужно не скорбѣть, а этому нужно радоваться; негодовать здѣсь рѣшительно не на что. Фактъ конфликтовъ указываетъ на возможность провѣрки религіозныхъ ученій научными изслѣдованіями. Тѣ, кто отрицаетъ религію, должны надѣяться, что наука разсѣетъ религіозныя заблужденія. Признающіе религію истиной вѣрятъ, что въ концѣ концовъ наука подтвердитъ ихъ вѣру. Всякій конфликтъ между вѣрой и научной теоріей можетъ имѣть три исхода: 1) или новая теорія окажется несостоятельной, или 2) религіозное ученіе будетъ отвергнуто во имя теоріи или 3) будетъ признана ихъ совмѣстимость. Но взаимной независимости у религіи и науки не можетъ быть.

Это признавалъ и Дарвинъ. Онъ находилъ, что его теорія несовмѣстима съ вѣрою въ провидѣніе и отвергнулъ вмѣшательство Бога въ процессы міровой жизни. Это онъ высказалъ уже при опубликованіи своей книги о происхожденіи видовъ. Поставивъ вопросъ о происхожденіи человѣка, онъ отлично понималъ, что поднимаетъ множество вопросовъ. Человѣкъ владѣетъ языкомъ, разумомъ, нравственнымъ чувствомъ, поэтому въ вопросъ о происхожденіи человѣка входятъ вопросы о происхожденіи языка, разума, нравственности и религіи, Васманнъ говоритъ не новость, когда указываетъ на психологическую сторону проблемы. Дарвинъ и обсуждалъ ее и съ зоологической и съ психологической стороны.

Но обыкновенно такъ бываетъ, что для людей тѣ вопросы, въ которыхъ они наименѣе свѣдущи и которыми наименѣе занимались, представляются самыми легкими. Такъ это было и съ Дарвиномъ и съ его послѣдователями. Надъ атомическими особенностями берцовой кости человѣка они ломали голову гораздо больше, чѣмъ надъ вопросомъ о происхожденіи религіи. Послѣдній имъ представлялся очень простымъ и легкимъ. Но онъ не простъ и не легокъ. Въ концѣ концовъ въ вопросѣ о происхожденіи человѣка, думаю, все одинаково трудно и при настоящемъ знаніи неразрѣшимо. А относительно теоріи эволюціи я полагаю, что она въ на-

стоящемъ видѣ дѣлаетъ не шагъ впередъ въ вопросѣ о про исхожденіи животныхъ и человѣка, но отступаетъ далекс назадъ.

Эволюціонное представленіе процесса міровой жизни не ново, оно насчитываетъ за собою тысячелѣтія. Объясняя міръ по аналогіи съ собою, человѣкъ естественно долженъ былъ представить, что міръ постепенно развивался, какъ постепенно развивается онъ. Но развитіе человѣка совершается подъ воздѣйствіемъ старшихъ, и древній человѣкъ представлялъ, что и развитіе міра совершалось подъ воздѣйствіемъ боговъ. Въ древнѣйшей изъ извѣстныхъ намъ космогоній—вавилонской, мы находимъ такую исторію міра. Когда было устроено небо, нужно было населить землю. Въ этомъ дѣлѣ приняли участіе многіе боги. Но первые опыты творенія были неудачными. Новосозданныя твари не могли выносить ни свѣта, ни воздуха (жили въ водѣ?). Тогда Белъ разрубилъ себѣ голову, его божественная кровь была примѣнена къ матеріалу творенія и сообщила тогда созданнымъ животнымъ и людямъ способность сопротивляться дѣйствію стихій. Люди сначала жили въ дикомъ состояніи. Они существовали подобно скотамъ безъ нравственности и безъ законовъ. Богъ Еа возвысилъ людей до культурнаго состоянія. Онъ проходилъ посреди людей, никогда не принимая пищи, уча ихъ письму, наукамъ и всѣмъ полезнымъ искусствамъ: искусству строить города, воздвигать храмы. Онъ училъ людей геометріи, законамъ, умѣнью сѣять и воздѣлывать, вообще всему тому, что составляетъ культуру. Финикійская космогонія въ своей сидонской версіи повѣствуетъ слѣдующее. Въ началѣ былъ хаосъ (Вогу), и хаосъ былъ мрачный мятущійся, и Дыханіе (Руахъ) носилось надъ хаосомъ. И хаосъ не имѣлъ предѣла и онъ такъ существовалъ въ теченіи вѣковъ и вѣковъ. И Дыханіе возлюбило свои собственныя начала, и произошло ихъ смѣшеніе, и это смѣшеніе было названо желаніемъ (Шефетъ). И желаніе было причиною всего, и Дыханіе не знало своего собственнаго созданія, и Дыханіе и хаосъ смѣшались, и родился Мотъ (илъ или вязкая тина), и изъ него вышли всѣ сѣмена творенія, и Мотъ былъ отцомъ всего. Мотъ имѣлъ форму яйца. И солнце, и луна и звѣзды и великія созвѣздія засвѣтили на небѣ. Тогда явились существа, у которыхъ не было

чувствъ и отъ нихъ произошли существа разумныя, и ихъ назвали Тсофесамимъ (созерцающіе небо). Началась борьба элементовъ, которые стали раздѣлятся между собою. Раскаты громовъ разбудили разныя существа, которыя были какъ бы во снѣ, и тогда мужскія и женскія существа стали двигаться по землѣ и по морю. И Дыханіе родило сѣверный, южный, восточный и западный Вѣтеръ. Хаосъ и западный Вѣтеръ соединились и они произвели Улома (время) и древняго (Кадмонъ) и эти произвели потомство (толедетъ) и населеніе (моледетъ), которые населили Финикію и почитали солнце подъ именемъ Ваала—Самимъ, какъ владыку небесъ. Уломъ и Кадмонъ родили сыновей, имена которыхъ суть: свѣтъ, огонь и пламя, они ввели употребленіе огня путемъ тренія одного куска дерева о другой. Отъ нихъ явились на землѣ сыновья—гиганты (рефаимы), которые назывались Кассій, Ливанъ. Антиливанъ и Θаворъ. Отъ этихъ родились Самемрумъ (поднимающійся до небесъ) и Узо (косматый). Самемрумъ жилъ на островѣ Тирѣ, гдѣ изобрѣлъ искусство строить хижины изъ камыша и папируса. Братъ его Узо, жившій несогласно съ нимъ, изобрѣлъ приготовленіе одеждъ изъ шкуръ животныхъ. Узо былъ первый пустившійся въ плаваніе. Отъ молніи произошелъ пожаръ въ лѣсу, покрывавшемъ островъ Тиръ. Срубивъ одно пылавшее дерево и бросивъ его въ море, Узо увидѣлъ, что оно не тонетъ, что навело его на мысль объ устройствѣ плотовъ и судовъ для плаванія. Самемрумъ имѣлъ сыновей и дочерей, изъ этого племени произошелъ Сидонъ, который изобрѣлъ рыболовство и охоту и былъ отцемъ сидонянъ [1]).

Не будемъ смущаться миѳологическими образами и фантастическими подробностями вавилонскихъ и финикійскихъ сказаній. Обратимся къ тѣмъ идеямъ, которыя они въ себѣ заключаютъ. Міръ развивался постепенно, въ своемъ развитіи онъ шелъ отъ неприспособленнаго къ приспособленному, отъ нецѣлесообразнаго къ цѣлесообразному, отъ безразумнаго къ разумному, отъ некультурнаго къ культурному. И человѣкъ въ этомъ процессѣ направлялся per aspera ad astra Божествомъ. Въ дальнѣйшихъ сказаніяхъ о первоисторіи чело-

[1]) См. С. Глаголева—Очерки по исторіи религій. Ч. I, особенно стр. 57—58 и 211—212.

вѣчества мы и находимъ, что лучшіе люди, наприм., Самасъ-Напистимъ у вавилонянъ, въ концѣ концовъ пріобщались къ сонму безсмертныхъ. Такимъ образомъ эволюція человѣчества своею конечною цѣлью имѣетъ поднятіе человѣка до Божества. Такъ смотрѣли древніе. Теперь посмотримъ, какой смыслъ усвояетъ эволюціонному процессу новѣйшая теорія. Куда идетъ человѣкъ? На этотъ вопросъ дарвинизмъ можетъ отвѣчать различно, но какой бы отвѣтъ онъ ни далъ, отвѣтъ всегда будетъ неутѣшительнымъ. Дарвинизмъ можетъ сказать, что человѣкъ никуда не идетъ, потому что въ природѣ нѣтъ цѣлей, міръ существуетъ вѣчно, живущее пользуется жизнію и только, Дарвинизмъ можетъ сказать, что неизвѣстно, куда идетъ человѣкъ. Какъ будто онъ совершенствуется, но этотъ процессъ совершенствованія является въ нѣкоторой мѣрѣ обезпеченнымъ, пока человѣкъ есть существо наиболѣе приспособленное къ средѣ. Среда можетъ измѣниться; для этого достаточно небольшихъ перемѣнъ въ составѣ воздуха и человѣкъ погибнетъ. Можетъ человѣкъ погибнуть отъ голода, холода, жары, микроорганизмовъ, можетъ погибнуть вмѣстѣ съ землею. Вообще будущее ему необезпечено. А если онъ и не погибнетъ, то и счастье ему не обезпечено. Въ борьбѣ за существованіе, установилъ Дарвинъ, выживаютъ наиболѣе приспособленные. Этотъ тезисъ самъ по себѣ неясенъ, потому что на вопросъ: какіе организмы нужно считать наиболѣе приспособленными? можно получить отвѣтъ: тѣ, которые выживаютъ. Пытаются дополнить Дарвина: въ борьбѣ за существованіе торжествуетъ высшая сила. Подъ высшею силою повидимому разумѣютъ силу разума. Хотятъ повидимому этимъ сказать и то, что торжество въ концѣ концовъ принадлежитъ высшему, высшимъ организмамъ. Такъ ли? Съ точки зрѣнія дарвинистовъ (по моему мнѣнію совершенно ложной) человѣкообразныя обезьяны по своему интеллекту возвышаются надъ остальными животными. Допустимъ, что дарвинисты правы. У нихъ получится, что высшій интеллектъ гибнетъ, а существа съ мышинымъ разумомъ плодятся и множатся. Вымираютъ и низшія человѣческія племена, а они несомнѣнно имѣютъ болѣе разума, чѣмъ обезьяны и слоны. Несомнѣнно и то, что вымираютъ вообще высшіе организмы, а не низшіе. Съ точки зрѣнія теоріи Дарвина всѣ задачи организма

сводятся къ двумъ: 1) самосохраненію и 2) продолженію рода, причемъ вторая задача является важнѣйшею и существеннѣйшею. Вся система органовъ, вся сила способностей, у человѣка—религія, искусство, все это только модифицированныя и порою патологическія проявленія инстинктовъ самосохраненія и размноженія. Но тогда человѣкъ не наиболѣе совершенный, а наименѣе совершенный организмъ. Наиболѣе совершеннымъ организмомъ будетъ тотъ, который съ наименьшею затратою силъ достигаетъ тѣхъ же цѣлей, какъ и человѣкъ—сохраняется и размножается. Такіе организмы нужно искать не вверху, а внизу біологической лѣстницы. Представимъ себѣ червей-паразитовъ (наприм., трематодъ), которые живутъ въ питательной средѣ, все тѣло которыхъ представляетъ аппаратъ для питанія и которые кромѣ органовъ питанія имѣютъ лишь органы размноженія. У человѣка наука, искусство, религіи, право, все вѣдь это въ сущности служитъ лишь для сохраненія и продолженія рода, да еще иногда служитъ не совсѣмъ хорошо. Такимъ образомъ здѣсь для достиженія цѣли затрачивается громадное количество энергіи, наши черви-паразиты для достиженія той же цѣли почти не тратятъ энергіи. Вообще принято считать, что тотъ механизмъ выше, который тратитъ меньше силъ, чѣмъ другой, служащій тому же самому дѣлу. Поэтому трематоды должны быть поставлены выше людей. Представляющееся одно возраженіе, что организмъ человѣческій служитъ многимъ и разнообразнымъ цѣлямъ, устраняется тѣмъ, что при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что эти цѣли суть средства для достиженія той, которой прямо и непосредственно достигаетъ организмъ трематодъ.

Такимъ образомъ оказывается, что съ точки зрѣнія дарвинистической теоріи идеалъ приспособленнѣйшаго существа, къ которому должно стремиться человѣчество, лежитъ не впереди, а сзади. Его нужно искать, скажемъ мы, еще гораздо ниже, чѣмъ между трематодами. Трематоды—черви, а типъ червей въ біологической лѣстницѣ занимаетъ, сравнительно, довольно высокое мѣсто. Если мы спустимся ниже, то тамъ мы найдемъ еще болѣе простые и болѣе просто достигающіе цѣлей бытія организмы. Таковы, напримѣръ, фораминиферы. Это одноклѣточные организмы микроскопической величины съ протоплазматическимъ тѣломъ—полу-

жидкой, полутвердой консистенціи, постоянно мѣняющей форму. Они питаются, обволакивая протоплазматическою сѣтью маленькіе растительные организмы, все тѣло ихъ при этомъ служитъ и ртомъ и желудкомъ и анальнымъ отверстіемъ, черезъ которое выбрасываются остатки пищеваренія. Размноженіе фораминиферъ происходитъ такимъ образомъ, что одна фораминифера распадается на нѣсколько. Такимъ образомъ еще оказывается, фораминиферы безсмертны: сохраненія индивидуальнаго и родового бытія достигается здѣсь наилучшимъ образомъ. Остается только удивляться, почему вся органическая жизнь на землѣ не существуетъ въ такихъ или аналогичныхъ такимъ формамъ, въ какихъ является жизнь фораминиферъ. На самомъ дѣлѣ въ далекомъ прошедшемъ согласно теоріи эволюціи было время, когда всѣ организмы были таковыми, т. е. подобными фораминиферамъ. Какая же причина заставила эти организмы эволюціонировать, т. е. ухудшаться, ибо теперь оказывается, что разъ организмъ становится сложнѣе, то онъ становится менѣе совершеннымъ. Причина эволюціи фораминиферъ неизвѣстна. Да, на самомъ дѣлѣ еслибы факторомъ эволюціи было переживаніе приспособленнѣйшихъ къ существованію, никакой бы эволюціи и не было.

Дарвинизмъ заключаетъ въ себѣ два взаимно уничтожающіе принципы: 1) принципъ прогресса и 2) принципъ, отрицающій пользу и смыслъ прогресса. Съ одной стороны дарвинизмъ говоритъ, что человѣкъ поднялся до настоящей ступени развитія изъ животнаго состоянія, съ другой онъ долженъ признать, что человѣка нельзя разсматривать какъ существо наиболѣе приспособленное и что изъ того, что человѣкъ поднялся, все равно ничего не выйдетъ: человѣку не подняться до неба, потому что неба нѣтъ, человѣку не овладѣть истиной, не овладѣть безконечностью, потому что существованіе человѣчества временно. Нельзя утѣшать себя и тезисомъ Ницше, что человѣкъ есть мостъ, а не цѣль, человѣкъ долженъ создать сверхчеловѣка. Тогда и сверхчеловѣкъ окажется мостомъ между человѣкомъ и сверхсверхчеловѣкомъ. Развивая это положеніе, оглядываясь на прошедшее и рисуя себѣ образы будущаго, мы получимъ, что всѣ существа прошедшаго и будущаго суть мосты между монерою и какимъ-то проблематическимъ совершенствомъ. Но мы не можемъ ме-

чтать, что въ будущемъ явится нѣчто столь совершенное, чего никогда не было. Процессъ эволюціи совершается отъ вѣчности и онъ далъ все то, что могъ дать.

Дарвиновская теорія представляется мнѣ ниже эволюціонныхъ теорій древности, потому что въ послѣднихъ, какъ цѣль эволюціи, мыслилось поднятіе человѣка до Божества: у Дарвина человѣкъ поднимается въ пустоту и поднимается только за тѣмъ, чтобы рано или поздно подъ воздѣйствіемъ физическихъ факторовъ рухнуть оттуда.

Это соображеніе можетъ не имѣетъ силы для многихъ дарвинистовъ, потому что они охотнѣе признаютъ, что міръ безсмысленнѣ, чѣмъ то, что они ошибаются. Но Васманнъ и Лабошъ съ этимъ соображеніемъ должны считаться. Лабошъ полагаетъ, что человѣкъ до паденія былъ изъятіемъ изъ мірового порядка. Тоже самое предполагаетъ и Васманнъ, допуская животное происхожденіе человѣческаго тѣла. Ходъ мірового развитія былъ дарвинистическимъ, но для одной тѣлесной формы было сдѣлано исключеніе, ей были сообщены новыя силы для всегдашняго и блаженнаго существованія. Если бы дѣло заключалось только въ томъ, что животному тѣлу къ имѣющимся его свойствамъ были прибавлены новыя, тогда, пожалуй, допущеніе Васманна мыслилось бы возможнымъ, но на самомъ дѣлѣ это не такъ. По Васманну и Лабошу, какъ и по Дарвину, организмы обладаютъ наслѣдственностью, и эта наслѣдственность далеко не идеальнымъ образомъ вліяетъ на душу. Такую наслѣдственность долженъ былъ получить отъ своего животнаго тѣла человѣческій духъ. Но если такъ, то значитъ, онъ явился на землю съ наклономъ къ паденію. Васманнъ и Лабошъ не допускаютъ этого. Тогда мы получимъ, что у животной природы перваго человѣка или первыхъ людей произошелъ разрывъ съ животною природою его или ихъ предковъ. А если такъ, то значитъ, тѣло первочеловѣка не было продуктомъ животной эволюціи. Эта эволюція даетъ только продукты наслѣдственности, а здѣсь нуженъ былъ организмъ ея не имѣющій. Нельзя также понять, какъ и когда свободноразумная душа вошла въ тѣло произведенное животными родителями? Какъ мать горилла нянчила сына человѣка? И что же: этотъ ребенокъ былъ единичнымъ явленіемъ или

сразу явился родъ homo изъятый отъ подчиненія общимъ законамъ бытія?

Все это очень путано и гораздо замысловатѣе и неудобовоспріимчивѣе, чѣмъ теорія Дарвина и повѣствованіе книги Бытія. По Дарвину, человѣка не отдѣляетъ отъ животнаго никакая бездна, эволюція совершалась постепенно, никакая обезьяна не родила человѣка, но путемъ медленнаго, не могущаго подлежать непосредственному наблюденію прогресса обезьяна поднялась до человѣка. Ничего въ ней не трансформировалось и ничего новаго въ нее не вошло, она только медленно развивалась и усовершалась. По Библіи человѣкъ явился сразу, какъ новый и совершеннѣйшій типъ жизни, которому должно было подчиниться все живое. Библейскій разсказъ, вызывая много недоумѣній и вопросовъ, заключаетъ въ себѣ много весьма опредѣленнаго. Церковное сознаніе всегда понимало его такъ. Все существовавшее и существующее человѣчество произошло отъ одной четы, даже отъ одной крови (ἐξ ἑνὸς αἵματος), созданной непосредственно Богомъ. Первозданная чета была вызвана къ бытію, чтобы „познавать Бога, прославлять Его и черезъ то вѣчно блаженствовать“, но она не устояла въ добрѣ, подпала грѣху, а вслѣдствіе этого проклятію и смерти, причемъ грѣхъ, проклятіе и смерть должны были стать удѣломъ и всего послѣдующаго человѣчества. Однако, уже немедленно послѣ паденія первыхъ людей при самомъ обреченіи человѣчества на страданія было даровано людямъ обѣтованіе искупленія и спасенія въ сѣмени жены. Это сѣмя жены—Христосъ, Сынъ Божій, средоточіе всемірной исторіи, Онъ искупилъ Своею жизнію, страданіями и смертію грѣхи человѣчества и создалъ церковь, предлагающую спасеніе всѣмъ ищущимъ спасенія. Церковное пониманіе тѣснѣйшимъ образомъ соединяетъ эти три факта: твореніе, паденіе и искупленіе человѣка, объемля ими весь смыслъ и всю сущность исторіи человѣчества. Ученіе о твореніи открываетъ человѣку его происхожденіе, устанавливаетъ равенство и братство всѣхъ людей, объясняетъ причину хорошихъ и высокихъ свойствъ въ человѣкѣ (источникъ темныхъ свойствъ указывается въ фактѣ паденія); отвергнуть это ученіе повидимому возможно лишь въ томъ случаѣ, если отвергнуть и ученіе о паденіи

и искупленіи, какъ имъ обусловленное, т. е. въ томъ случаѣ, если отвергнуть все вѣроученіе христіанства.

Но это ученіе церковь не облекла въ формулы утвержденныя вселенскими соборами. Это открывало широкій просторъ въ дѣлѣ толкованія библейскаго текста и болѣе, чѣмъ за полторы тысячи лѣтъ до Дарвина и Васманна церковными писателями предлагались теоріи повидимому очень удобно совмѣстимыя съ обезьяной. Эти теоріи исходили изъ того, что первыя три главы только аллегорическое повѣствованіе о чемъ-то такомъ, что собственно совершенно не соотвѣтствуетъ описываемому. Такіе взгляды развивала александрійская школа. Въ наиболѣе рѣзкой формѣ мы находимъ ихъ выраженными у Оригена. Онъ признаетъ предсуществованіе душъ человѣческихъ и домірное ихъ паденіе. Этотъ видимый міръ возникъ тогда, когда невидимый утратилъ свою первоначальную чистоту, падшія души были введены въ этотъ міръ и вступили въ мучительный союзъ съ матеріею. Если прибавить къ этому, что Оригенъ признавалъ безсмертную душу у животныхъ, то для желающихъ является полная возможность примирять ученіе христіанское съ теоріею эволюціи. Человѣкъ, по Оригену, могъ произойти и отъ обезьяны, онъ могъ сначала быть дикимъ, не знающимъ религіи и морали, малоспособнымъ, ибо онъ уже раньше утратилъ чистоту не здѣсь на землѣ, а на небѣ. У св. Григорія Нисскаго, хотя въ весьма сдержанной формѣ мы находимъ, однако, въ нѣкоторыхъ пунктахъ приближеніе къ этому ученію Оригена. Св. Григорій въ трехъ первыхъ главахъ Библіи видитъ аллегорію. Онъ приводилъ и доказательство своего взгляда. Наприм., во 2 гл. 9 ст. Бытія говорится, указывалъ онъ, что посреди рая находились древо жизни и древо познанія добра и зла, но въ одномъ и томъ же центрѣ не можетъ помѣщаться двухъ предметовъ, слѣдовательно, это должно понимать иносказательно. Дарованіе Адаму и женѣ его послѣ паденія кожаныхъ одеждъ Григорій толковалъ въ томъ смыслѣ, что падшія души были облечены въ тѣло. Взглядъ на возможность аллегорическаго пониманія первыхъ трехъ главъ не исчезъ совсѣмъ и въ послѣдующее, и даже въ наше время. Но признавая то, что многіе державшіеся его были глубоко благочестивыми христіанами и замѣчательными мыслителями своего времени, должно утвер-

ждать, что этотъ взглядъ совершенно несогласенъ съ духомъ Библіи. Прежде всего онъ разрѣшаетъ въ ничто библейское повѣствованіе: 1—3 главы—аллегорія. Какъ понимать аллегорію? Можно, конечно, тысячью различными способами, но гдѣ критерій, что избранный нами способъ будетъ наилучшій? Въ сущности должно принять, что при такихъ условіяхъ человѣчеству не суждено уразумѣть первыхъ главъ Библіи, если не будетъ дано свыше новаго откровенія. У насъ исчезаетъ откровеніе о прошедшемъ. Затѣмъ этотъ взглядъ стоитъ въ противорѣчіи съ взглядомъ богодухновеннаго автора, смотрѣвшаго на свою книгу, какъ на исторію, а не какъ на аллегорію. Въ послѣдней части своей книги Моисей говоритъ о событіяхъ, отстоявшихъ недалеко отъ того времени, въ которое онъ жилъ, о событіяхъ чисто историческаго характера; но эти событія у него непрерывною нитью связаны со всѣмъ предшествовавшимъ; что же, ужели онъ къ историческому заключенію присоединилъ неисторическое начало? Далѣе у Моисея приводятся многія генеалогическія таблицы, по этимъ таблицамъ многихъ лицъ можно провести отъ Моисея до Адама. Какой же былъ бы смыслъ, и какъ ихъ можно бы было выдумать Моисею и зачѣмъ, если бы онѣ по его предположенію не соотвѣтствовали дѣйствительности? Наконецъ самый тонъ повѣствованія, частыя ссылки на твореніе человѣка, какъ на фактъ, все это ясно и несомнѣнно показываетъ, что Моисей въ повѣствованіи 1, 2 и 5 главъ своей книги видѣлъ исторію, а не аллегорію. Такъ смотрѣли на повѣствованіе о сотвореніи и на первоисторію человѣчества и послѣдующіе священные писатели. Мы встрѣчаемъ опять упоминаніе Адама, какъ прародителя всего человѣчества (1 Паралип. 1, 1), въ Евангеліи св. Луки родословіе Господа возводится къ Адаму. Вообще въ Библіи можно указать много, очень много мѣстъ, гдѣ о первоначальныхъ событіяхъ, описываемыхъ въ Библіи, говорится, какъ о событіяхъ историческихъ. Взглядъ аллегористовъ опровергается и новѣйшими открытіями въ Сиріи, Палестинѣ, Египтѣ и вообще у народовъ восточныхъ, каковыя открытія показали, что и у другихъ народовъ кромѣ евреевъ сохранились сказанія о первобытныхъ временахъ весьма сходныя въ нѣкоторыхъ пунктахъ съ еврейскими. Они несомнѣнно указываютъ на

историческую первооснову событій, о которыхъ говорятъ. Все это принуждаетъ совершенно отвергнуть ученіе объ аллегорическомъ характерѣ библейской первоисторіи человѣчества.

Если теорія домірнаго паденія души не сходится съ буквою библіи, то она, должно еще указать, стоитъ въ противорѣчіи съ церковнымъ ученіемъ о конечной судьбѣ человѣчества. Теорія домірнаго паденія смотритъ на матерію, какъ на зло; смотритъ на тѣло, какъ на темницу души. Но Евангеліе и затѣмъ церковь учитъ о воскресеніи тѣлъ. Ненормально, не то, что душа находится въ тѣлѣ, а то что ненормальны отношенія между душою и тѣломъ. Тѣло не подчиняется или плохо подчиняется душѣ, часто само подчиняетъ себѣ душу. Но тѣло должно быть орудіемъ велѣній духа. Духъ дѣйствуетъ черезъ тѣло, черезъ тѣло онъ совершаетъ доброе и злое. Если-бы нормальнымъ состояніемъ духа была жизнь безъ тѣла (до паденія), тогда и идеальнымъ его состояніемъ должна быть безтѣлесная жизнь. Св. Писаніе говоритъ намъ, что идеальнымъ концомъ для души будетъ блаженная жизнь въ воскресшемъ тѣлѣ; отсюда мы заключаемъ, что и въ началѣ своего существованія душа была создана съ тѣломъ, что первично эта связь была нормальною, теперь она ненормальна, въ будущемъ станетъ нормальной опять.

Съ теоріей эволюціоннаго происхожденія человѣчества, хотя бы даже и въ той его формѣ, что въ какія то животныя тѣла были вложены человѣческія души, несовмѣстимо ученіе о единствѣ человѣчества, т. е. ученіе о человѣчествѣ. „Великая концепція общаго происхожденія всего рода человѣческого, разсуждаетъ г. Штернберъ, созданнаго единымъ Богомъ, свободно павшаго и потому расколовшагося и разъединившагося, но неизбѣжно долженствующаго быть спаснымъ въ лицѣ всѣхъ отошедшихъ, настоящихъ и грядущихъ поколѣній для образованія единаго стада единаго пастыря, — эта великая концепція, которая могла явиться только на высшей ступени монистическаго религіознаго мышленія, впервые создала высшую идею человѣчества, которая легла въ основаніе всѣхъ идей и идеаловъ гуманитарныхъ концепцій всѣхъ дальнѣйшихъ періодовъ человѣческаго мышленія. Она была неоднократно искажаема, за-

темняема, претерпѣвала всевозможныя превратности, но благодаря ей, идея человѣчества долженствующаго стать единымъ братскимъ союзомъ, прочно укоренилась въ умахъ и сердцахъ цивилизованныхъ людей. Замѣчательно, что буддизмъ, создавшій такъ много идей гуманности, не возвысился до идеи человѣчества, не пошедши дальше термина „общины четырехъ странъ свѣта", соотвѣтствующаго христіанскому термину („церковь", общины вѣрующихъ" [1]). Не будемъ привязываться къ словамъ, изъ которыхъ какъ будто выходитъ, что идея человѣчества прочно укоренилась благодаря идеѣ человѣчества, постараемся вникнуть въ мысль автора. Онъ признаетъ безконечно высокое значеніе еврейско-христіанской идеи происхожденія человѣчества отъ единаго корня, но онъ выставляетъ далѣе тезисъ, что эта идея могла явиться только на высшей ступени монистическаго религіознаго мышленія. Что онъ хочетъ сказать этимъ? Если эта идея не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, то она должна быть отброшена, ибо никакая мораль, никакія гуманитарныя требованія не должны утверждаться на фикціи. Если эта идея соотвѣтствуетъ дѣйствительности, то она изначальна. Человѣчество едино только въ томъ случаѣ, если оно произошло отъ одного человѣка—отъ одного мужа (ибо жена отъ мужа), какъ учитъ Библія. Происхожденіе всѣхъ человѣческихъ расъ отъ одного племени или вида, происшедшаго эволюціоннымъ путемъ, какъ это представляетъ самъ Дарвинъ, не утверждаетъ факта единства человѣчества. А между тѣмъ къ этой идеѣ единства человѣчества аппеллировалъ и Фейербахъ въ своей религіи человѣкобожества и Огюстъ Контъ въ своей религіи человѣчества и атеистическіе устроители благополучія человѣчества на началахъ братства и равенства. Они берутъ изъ библіи нравственный выводъ, не принимая его метафизической основы. Выводъ является въ видѣ безпочвеннаго тезиса, и хотя провозглашается весьма громко, не находитъ отклика въ сердцахъ.

Отрицая единство человѣческаго рода дарвинизмъ и—еще шире—теорія эволюціи повидимому утверждаетъ еще

---

[1]) Штенберъ Л. — человѣчество (Брокгаузъ и Ефронъ, Энциклопед. словарь. Полутомъ 76, стр. 486—488).

болѣе цѣнную нравственную истину: единство всего животнаго міра. Правда, допускаютъ и съ самаго начала возникновеніе нѣсколькихъ типовъ, развитіе которыхъ пошло различными путями. Но человѣка съ зоологической точки зрѣнія никакъ нельзя признать особымъ типомъ. Конечно, онъ—позвоночное, млекопитающее, близкое къ приматомъ. Но какой же нравственный выводъ слѣдуетъ отсюда? Какъ никакъ изъ эволюціонной теоріи слѣдуетъ, что каждый изъ насъ можетъ быть въ ближайшемъ родствѣ съ гориллами Африки или съ орангутангами съ острова Борнео, чѣмъ съ австралійскими аборигенами. Спрашивается—каковы наши нравственныя обязанности по отношенію къ гориллламъ и австралійцамъ? Эволюціонная теорія не можетъ дать отвѣта на этотъ вопросъ, а если послѣдователи ея даютъ, то они въ своемъ отвѣтѣ руководятся и религіозною традиціею и непосредственнымъ сознаніемъ выдѣляющимъ человѣчество изъ всего живущаго какъ особый типъ, представляющій собою единое нравственно-солидарное цѣлое.

Библія и дѣйствительность говорятъ намъ, что существуетъ три типа жизни: жизнь тѣлесная, жизнь душевная и жизнь духовная. Первою живутъ растенія, первою и второю живутъ животныя, первою и второю живетъ человѣкъ, но онъ долженъ еще жить и безъ сомнѣнія въ нѣкоторой мѣрѣ всегда и живетъ третьею (духовною).

Жизнь съ физіологической стороны можетъ быть опредѣляема, какъ процессъ, состоящій въ томъ, что вещество уподобляетъ себѣ окружающую среду. Все живое питается и размножается; принимая въ себя посторонніе вещества, живое дѣлаетъ ихъ тѣмъ, что оно есть само, въ размноженіи все живое стремится повторять само себя. Все, съ чѣмъ организмъ вступаетъ во взаимоотношеніе, онъ стремится уподобить себѣ и, увеличиваясь въ объемѣ и размножаясь, онъ стремится превращать въ себя все большее и большее количество вещества; мохъ въ самое короткое время покрылъ бы весь земной шаръ своимъ унылымъ покровомъ, если бы онъ не встрѣчалъ себѣ противодѣйствія со стороны другихъ растительныхъ организмовъ. Внѣшнія неблагопріятныя условія и противодѣйствія другихъ организмовъ препятствуютъ стремленію каждой органической особи уподобить себѣ окружающее. Многіе философы существеннымъ призна-

комъ организма считаютъ его стремленіе къ самосохраненію. Спенсеръ на этомъ началѣ пытается строить все зданіе философіи. Но самосохраненіе предполагаетъ собою косность и неподвижность, между тѣмъ организмъ непрестанно стремится расширить область своего существованія, чужое сдѣлать своимъ, мало этого—не себя сдѣлать собою.

Можетъ показаться, что данное опредѣленіе жизни не подходитъ ко многимъ животнымъ и человѣку: они растутъ не болѣе одной трети времени всей своей жизни и многіе изъ нихъ теряютъ способность размноженія задолго до смерти. Но прекращеніе роста не есть еще прекращеніе уподобленія себѣ окружающаго, а потеря способности къ размноженію есть уже признакъ умиранія, она не является нормальностью. Съ физической стороны жизнь всѣхъ организмовъ характеризуется уподобленіемъ организмомъ себѣ окружающаго: человѣкъ ѣстъ мясо быка и превращаетъ это мясо быка въ человѣческій и человѣческіе организмы; быкъ ѣстъ сѣно, и въ лабораторіи его организма сѣно превращается въ мясо; трава, изъ которой образуется сѣно, углекислоту воздуха, соли и воду земли уподобляетъ себѣ. Но если органическая жизнь стремится сдѣлать все подобною себѣ жизнью, то неорганическая природа безусловно лишена этого стремленія. Этой природѣ дѣйствительно можно приписать стремленіе,—если только слово стремленіе идетъ въ данномъ случаѣ,—къ самосохраненію. Неорганическій предметъ никогда не измѣнится самъ, если его не измѣнятъ внѣшнія условія.

Такимъ образомъ есть рѣзкій признакъ, проводящій демаркаціонную линію между неорганическимъ и органическимъ міромъ. Органическій міръ люди издавна дѣлили на три основные типа: растенія, животныя и человѣкъ. Различіе между растеніями и животными таково: растенія лишены способности ощущеній, животныя владѣютъ этой способностью. Имѣть способность ощущеній—значитъ быть способнымъ чувствовать пріятное или непріятное, представлять такъ или иначе причины, вызывающія эти чувствованія, стремиться сохранять чувствованія пріятныя и устранять непріятныя. Сила и отчетливость ощущеній могутъ быть очень различными, и очень большими и очень малыми, но у растеній ихъ нѣтъ совсѣмъ, а у животныхъ—у различ-

ныхъ въ весьма различной мѣрѣ—онѣ существуютъ. Отсюда рѣзкое различіе между растительною и животною жизнью. Кромѣ животной жизни на землѣ существуетъ еще человѣческая. Какъ всегда человѣкъ сознавалъ различіе между растеніемъ и животнымъ, такъ онъ всегда сознавалъ различіе между животными и собою. Древніе греки назвали животныхъ ἄλογα, что значитъ, что животныя безсловесны и безразумны. Животныя не владѣютъ способностью рѣчи, они издаютъ звуки выражающіе чувства удовольствія и страданія, они кричатъ отъ страха и крикомъ извѣщаютъ о найденной добычѣ или о приближеніи врага; между животными есть способныя говорить, каковы попугаи, скворцы, и, однако, признакъ безсловесія всегда и безспорно приписывался животнымъ. Позволительно думать, что животныя не могутъ говорить потому, что не владѣютъ сознательнымъ мышленіемъ, мышленіе животныхъ безсознательно. Въ то время, какъ мы мыслимъ, мы можемъ наблюдать процессы нашего мышленія. Это—мышленіе сознательное. Человѣкъ пользуется и сознательнымъ и безсознательнымъ мышленіемъ и нетрудно путемъ самонаблюденія убѣдиться, что на долю послѣдняго приходится наибольшая часть человѣческой жизни. Животное владѣетъ исключительно безсознательнымъ мышленіемъ. Лань, преслѣдовавшаяся собаками и прыгнувшая черезъ пропасть, безъ сомнѣнія совершила сложный процессъ умозаключенія, прежде чѣмъ сдѣлать свой отчаянный прыжокъ. Но объ этомъ логическомъ процессѣ лань никогда не узнаетъ. Какъ сознательное, такъ и безсознательное мышленіе можетъ приводить къ ошибкамъ; поэтому человѣкъ приходитъ къ истинѣ или заблужденію двумя путями, а животное только однимъ. Не имѣя сознательнаго мышленія, животное не можетъ имѣть и языка. Въ словахъ языка выражаются логическія отношенія между понятіями, но животное, владѣя лишь безсознательнымъ мышленіемъ, никогда не наблюдаетъ такихъ отношеній и потому не можетъ выразить ихъ въ звукахъ.

Сознательнымъ мышленіемъ, однако, не исчерпывается то различіе, существованіе котораго между животными и собою всегда признавалъ человѣкъ. Говорятъ, что человѣкъ издавна считалъ себя царемъ природы, вѣнцомъ творенія, былъ убѣжденъ, что все сотворено его ради, и современные уче-

ные усиленно стараются доказать, что человѣкъ ошибался, они поучаютъ человѣка, что земля не представляетъ собою центра вселенной, что созданія земли живутъ сами для себя, а не для человѣка. Но не въ своей силѣ, не въ своей свободѣ, не въ своей царственной власти надъ природою человѣкъ издавна полагалъ свое отличіе отъ животныхъ и свое превосходство надъ животными,—нѣтъ, такое отличіе онъ всегда полагалъ въ сознаніи своей подчиненности. Никакое изъ созданій живущихъ на землѣ, кромѣ человѣка, не признаетъ никакихъ иныхъ законовъ, кромѣ естественныхъ,—только духу человѣческому открываются непосредственно законы духовные, подчиняться которымъ онъ считаетъ себя обязаннымъ. Человѣкъ сознаетъ, что въ своемъ поведеніи онъ долженъ подчиняться нѣкоторымъ высшимъ законамъ, что не все равно полезное одинаково позволительно и не все дѣйствительное законно, человѣкъ отрицаетъ то, что есть, во имя того, что должно быть. Человѣкъ имѣетъ представленіе о вещахъ: одни изъ этихъ представленій онъ считаетъ истинными, другія ложными, онъ полагаетъ, что должно вторыя замѣнять первыми и заботиться объ умноженіи этихъ первыхъ; вещи, смотря по ихъ формѣ, онъ раздѣляетъ на красивыя и безобразныя и признаетъ, что онѣ должны воплощаться въ красивой формѣ; наконецъ, дѣйствія людей онъ подраздѣляетъ на добрыя и злыя и считаетъ обязанностью людей производить только первыя. Такъ, менѣе другихъ подчиненный власти природы, человѣкъ оказывается подчиненнымъ присущимъ его душѣ высшимъ стремленіямъ и признаваемой имъ высшей власти. Всегда и вездѣ, мы видимъ, человѣкъ пытался вступать во взаимоотношенія съ высшею властью, и эти взаимоотношенія названы *религіею*. Животныя отличаются отъ растеній съ внѣшней стороны тѣмъ, что способны къ самопроизвольному движенію и издавать звуки, съ внутренней тѣмъ, что имѣютъ ощущенія; человѣкъ съ внѣшней стороны отличается отъ животныхъ тѣмъ, что имѣетъ языкъ, съ внутренней тѣмъ, что имѣетъ религію. Животныя имѣютъ жизнь душевную, человѣкъ имѣетъ жизнь духовную.

Различіе между неорганическою природою, растеніями, животными и человѣкомъ обусловливается не матеріею и ея структурою, а совсѣмъ инымъ. Органическій міръ стре-

мится все захватить, все уподобить себѣ, этого стремленія абсолютно лишенъ міръ неорганическій. Но далѣе: міры неорганическій и растительный мы считаемъ неодушевленными и противополагаемъ имъ міръ животныхъ и человѣка. Въ концѣ концовъ мы противополагаемъ человѣка растеніямъ и животнымъ. Растенія и животныя передаютъ своему потомству лишь то, что получили отъ природы. Человѣкъ передаетъ дѣтямъ то, чему научился онъ въ теченіе жизни. Растенія и животныя только уподобляютъ себѣ окружающее, человѣкъ съ своей духовной стороны самъ стремится уподобиться существу совершеннѣйшему. Растенія и животныя тяготѣютъ лишь къ землѣ, человѣкъ хочетъ подняться къ небу.

Пусть человѣкъ по своей тѣлесной сторонѣ есть животное, пусть даже онъ, какъ говорятъ нѣкоторые зоологи, есть обезьяна. Это сходство по тѣлу есть только сходство аппаратовъ, черезъ которые дѣйствуютъ совершенно различныя душевныя начала. Можно животныхъ научить издавать звуки въ телефонъ. Мы можемъ услышать въ телефонѣ собачій лай и послѣ этого немедленно въ телефонѣ тожественнаго устройства услышимъ человѣческую рѣчь. Изъ тожества аппаратовъ во многихъ случаяхъ нельзя дѣлать заключеніе къ тожеству тѣхъ, кто дѣйствуетъ черезъ аппараты. Какъ и наоборотъ, черезъ различные аппараты можетъ дѣйствовать одно и то же лицо.

Но если съ другой стороны тѣло есть аппаратъ, посредствомъ котораго дѣйствуетъ духъ, то съ другой стороны, само тѣло дѣйствуетъ на духъ, оно связано съ нимъ интимнѣйшимъ образомъ; оно есть единственный аппаратъ, посредствомъ котораго онъ дѣйствуетъ. Между тѣломъ и духомъ должна существовать специфическая связь. А такъ какъ человѣческій духъ есть нѣчто невыводимое изъ животнаго, то естественно заключеніе, что при всемъ кажущемся сходствѣ тѣло присущее человѣку должно обладать свойствами невыводимыми изъ тѣлесной природы животныхъ. Должно отрицать генетическую связь между человѣкомъ и остальнымъ животнымъ міромъ.

Этотъ выводъ изъ наблюденія надъ дѣйствительностью подтверждается самонаблюденіемъ или самосознаніемъ человѣка. Если бы человѣкъ былъ потомкомъ животнаго міра,

онъ долженъ бы былъ съ безмѣрною гордостью смотрѣть на свое настоящее положеніе: какъ поднялся онъ интеллектуально и морально надъ павіанами, орангами, чимпанзе и гориллами, какія идеи породилъ его мозгъ, какія произведенія искусства создали его руки, какими истинами онъ овладѣлъ и какую правду просознаЛъ! Да, гордиться повидимому есть чѣмъ. Но странное дѣло: удѣломъ каждаго нормальнаго человѣка являются не гордость, а стыдъ и угрызенія совѣсти. Человѣкъ сознаетъ, что онъ—не то, чѣмъ долженъ быть; онъ сознаетъ, что онъ сдѣлалъ далеко не все то, что могъ и долженъ былъ сдѣлать. Говорятъ, онтогеническій процессъ есть отраженіе или повтореніе филогеническаго. Если это такъ, то повидимому дѣтство человѣка должно заключать въ себѣ черты гориллоподобнаго образа жизни его предковъ. Но дѣти выступаютъ предъ нами совсѣмъ съ иными чертами: они легко усвояютъ горячую вѣру въ Бога, увлекаются героическими идеями, легко поддаются власти ласки и любви. Состояніе дѣтства характеризуется, какъ состояніе невинности; причемъ понятіе невинности понимается не въ абсолютномъ смыслѣ: признается фактъ усвоенія дѣтьми наслѣдственной нравственной порчи. Но и при внесеніи ограниченія въ понятія невинности, виновности, добродѣтели и порока окажется, что сравнительно нормальный путь жизни человѣка слагается изъ такихъ трехъ стадій: невинность=добродѣтель безъ разума, виновность=разумъ безъ добродѣтели, раскаяніе или искупленіе=добродѣтель и разумъ. Мы снова встрѣчаемся здѣсь съ тезисомъ, антитезисомъ и синтезисомъ Гегеля. И на самомъ дѣлѣ сначала довольствованіе немногимъ (въ дѣтствѣ), затѣмъ стремленіе захватить себѣ какъ можно больше земныхъ благъ и какъ можно легчайшими способами; въ концѣ концовъ, сознаніе суетности этихъ благъ и нечестности средствъ употребленныхъ для ихъ пріобрѣтенія.

Такъ, дѣйствительность и самонаблюденіе комментируютъ намъ библейское повѣствованіе о твореніи и паденіи человѣка и объясняютъ намъ нашу жажду искупленія. Эволюціонная теорія не объясняетъ дѣйствительности и стоитъ въ противорѣчіи съ требованіями нравственнаго сознанія. Она не успокоиваетъ ума и не даетъ руководства для совѣсти. Но за всѣмъ тѣмъ естественно она имѣетъ и будетъ

имѣть много приверженцевъ. Въ этомъ отношеніи судьба ея тождественна съ судьбою родственнаго ей матеріализма. Она проста, для усвоенія ея не требуется ни сильнаго напряженія ума, ни большихъ познаній. Ее легко пойметъ 12—13 лѣтній школьникъ. Но многіе люди на самомъ дѣлѣ не хотятъ расти послѣ этого возраста. Люди христіанскаго образа мыслей не послѣдуютъ за ними ни въ ихъ фактической косности, ни въ ихъ теоретической вѣрѣ въ безцѣльную эволюцію. Наблюденіе и самонаблюденіе побуждаютъ отвергать теорію, оправдывающую низменные инстинкты, какъ животное наслѣдство, и обезцѣнивающую нравственные подвиги, признаваемые ею неизбѣжнымъ продуктомъ эволюціи. Человѣчество въ той его части, которая характеризуется высоко развитымъ нравственнымъ сознаніемъ, всегда будетъ винить себя за прошлое (паденіе) и надѣяться на будущее (усвоеніе искупительнаго дѣла Христова).

С. Глаголевъ.

Оттискъ изъ №№ Богословскаго Вѣстника за 1911 г.

Печатать дозволяется. Августа 10 дня, 1911 года.
Ректоръ Академіи, *Епископъ Ѳеодоръ.*

Типографія Свято-Троицкой Сергіевой Лавры.